

Великая Отечественная: Неизвестная война
Дмитрий Хмельницкий

Ледокол из
«Аквариума»

Беседы
с Виктором Суворовым

Великая Отечественная: Неизвестная война

Дмитрий Хмельницкий

**Ледокол из
«Аквариума»**

**Беседы
с Виктором Суворовым**

Москва
«Яуза-пресс»
2007

Оформление серии художника *П. Волкова*

Хмельницкий Д.

X 65 Ледокол из «Аквариума». Беседы с Виктором Суворовым. — М.: Издатель Быстров, 2007. — 352 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-9033-3947-1

На сегодняшний день Виктор Суворов — не только самый читаемый, но и самый проклинаемый историк Второй мировой войны. Причем не только в России. Тираж первого английского издания «Ледокола» был скуплен и уничтожен неизвестными. Никто из официальных немецких историков, живущих на гранты, не осмеливается открыто выступить в его поддержку. На родине его поносят и «правые», и «левые», и «патриоты», и «либералы». Однако его сенсационные исторические расследования продолжают продаваться огромными тиражами.

В этой книге — ПЕРВОЙ книге интервью Виктора Суворова — он ВПЕРВЫЕ исчерпывающе отвечает на самые острые и нелепые вопросы о своих взглядах и своей судьбе.

ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9033-3947-1

© Д. Хмельницкий, 2006
© ООО «Яуза-пресс», 2007

Предисловие

В конце 80-х годов, только попав на Запад, я прочел в газете «Русская мысль» несколько глав из не опубликованной тогда книги Виктора Суворова «Ледокол». Формально этот материал лежал довольно далеко от моих профессиональных интересов архитектора и архитектурного критика. Фактически — очень близко, поскольку как раз тогда я начал пытаться понять, что же породило сталинскую архитектуру, возникшую как бы из пустоты в начале тридцатых годов.

Было очевидно, что архитектура — только часть грандиозного и непонятного явления под названием «сталинский режим» и что пытаться исследовать его по кусочкам — бессмысленно. Один и тот же человек управлял экономикой, сельским хозяйством, внешней и внутренней политикой и культурой во всех ее ипостасях — литературой, архитектурой, живописью и музыкой... И не просто управлял. Сначала он реформировал СССР до неузнаваемости. Сталинское государство середины тридцатых уже было разительно не похоже на Советский Союз середины и конца двадцатых. На его месте возникло совершенно новое государственное устройство, с совершенно иными экономикой, культурой и социальной структурой.

Все эти реформы были проведены крайне быстро,

очень уверенно и явно преследовали одну глобальную цель. В конце 20-х годов Сталин начал создавать государство для себя, под свои потребности и цели. И руководил он всеми сторонами жизни этого государства одними и теми же методами.

Казенная советская историография вообще не давала никаких ответов на вопрос, чего добивался Сталин и, соответственно, каков был главный смысл существования сталинского СССР. А ведь в этом государстве был только один человек, обладавший свободой воли, свободой принятия решений и правом что-либо свободно планировать в любой области государственной жизни. Да и в области личного бытия граждан этого рабовладельческого по сути государства.

Независимые от советской власти историки — Авторханов, Конквест, Солженицын и другие — очень многое прояснили в отдельных областях жизни сталинского государства, выявили и описали многие секретные страницы сталинской истории. Но на вопрос о том, чего Сталин добивался, ради чего он вылепил свой абсолютно бесчеловечный режим и уничтожил миллионы людей, впервые ответил Виктор Суворов в «Ледоколе». Строго говоря, он и впервые его поставил.

Поэтому уже первая газетная публикация глав из книги малоизвестного тогда беглого советского шпиона показалась мне исключительно важным научным событием.

Суворовский тезис «Сталин готовил Вторую мировую войну и захват Европы» внезапно прояснил картину. Оказалось, что он непротиворечиво объясняет практически все. Не только военную катастрофу 1941 года, но и коллективизацию и индустриализацию с их зверствами и миллионными жертвами, внешнюю и внутреннюю поли-

тику СССР, репрессии, культурные реформы и культурную жизнь.

Система аргументации «Ледокола» выглядела безупречной, а сами собранные в первых двух книгах аргументы того, что Сталин готовил нападение на Германию и Европу в июле 1941 года, — неотразимыми.

Но вдвойне интересной показалась полемика вокруг книг Суворова. На автора обрушилась волна ненависти не только со стороны казенных советских военных историков, но и со стороны широких масс советской (и бывшей советской) общественности. И не только советской. Даже эмигранты из СССР, даже многие активные и заслуженные антисоветчики вроде писателя Владимова не смогли смириться с мыслью о том, что во Второй мировой войне СССР выступал не борцом с фашизмом и освободителем, а агрессором и поработителем. Причем планы этой агрессии разрабатывались Сталиным и его окружением задолго до того, как тем же самым начал заниматься Гитлер.

Именно общественный резонанс вокруг книг Суворова, массовые поношения и оскорбления «предателя Резуна» побудили меня выступить с несколькими рецензиями. После одной из них, опубликованной в 1998 году в «Русской мысли», Виктор Суворов позвонил мне из Бристоля, где он живет, в Берлин. Так мы познакомились. Годом позже удалось организовать выступление Суворова перед русскими эмигрантами в Берлине. Тогда это было внове и довольно напряженно — выступление человека, приговоренного в СССР к смертной казни в городе, традиционно наполненном агентами КГБ и ГРУ.

Но приняли Суворова отлично. Хотя в зале, несомненно, было множество его противников, вели они себя тихо. Все-таки большинство было за его сторонниками,

а на открытый спор не в своем кругу противники Суворова, как правило, не идут. Впрочем, мне приходилось бывать и на эмигрантских сборищах, состоящих почти целиком из его противников.

Такого рода мероприятия не могут ни усилить, ни ослабить научное значение книг Суворова, но они исключительно интересны с точки зрения состояния умов.

Наше знакомство развивалось. Суворов оказался необыкновенно симпатичным, живым, остроумным и азартным человеком. Точно таким же, как и его книги. Мы перезванивались довольно часто, обменивались информацией, ссылками на интересные публикации, делились впечатлением. Некоторые телефонные разговоры затягивались надолго. Иногда я спохватывался, говорил «стоп, это надо записать». Так появилось несколько интервью с Суворовым, опубликованных в разных газетах. Суворов, в свою очередь был одним из первых читателей и критиков моей книги о сталинской архитектуре.

Осенью 2005 года появилась идея сделать книгу бесед с Виктором Суворовым. В первую очередь мне хотелось расспросить Суворова о том, как он пришел к идее «Ледокола», и о его собственной судьбе — короче, о том, что осталось за рамками его книг. Как научно-исторической серии, начатой «Ледоколом», так и автобиографической, посвященной ГРУ и Советской Армии — «Аквариума» и «Освободителя». Мы записывали телефонные беседы в январе—феврале 2006 года. Так возникла эта книга.

Дмитрий Хмельницкий

**Беседы
с Виктором Суворовым**

«Ледокол»

— *«Ледокол» — самая известная книга Виктора Суворова. Она обеспечила ему всемирную славу, но и вызвала больше всего протестов. «Ледокол» расколол на два лагеря не только российскую, но и мировую историческую науку, полностью перевернул привычные представления миллионов людей о советской истории и о предыстории Второй мировой войны. Когда у вас возникли первые замыслы книги «Ледокол»?*

— Я думаю, каждому автору трудно определить первый момент, когда возникла та или иная идея. Сначала возникло понимание. А потом уже желание изложить все это где-то и как-то. У меня было несколько таких как бы озарений.

Идет лекция в Киевском училище им. Фрунзе. И в процессе изложения лектором исторического материала выясняется, что при изучении разгрома Красной Армии 22 июня 1941 года нам следует сосредоточить свое внимание на том, какая у нас на начальном этапе войны была отсталая техника, как мы были глупы, какой был глупый Сталин и так далее.

А вот о том, что в сентябре 1941 года был жуткий разгром Красной Армии под Киевом — вот об этом говорить уже нельзя, это уже антисоветчина. Окружение

под Харьковом в мае 1942 года — об этом ни в каких наших учебниках не рассказывалось, нигде не отражалось, это было закрыто, а любые упоминания об этом — антисоветчина, и если что — разбиралось в КГБ. Вот тут у меня было одно из первых озарений, хотя, может быть, и не первое.

Вот что удивительно и странно — почему есть только одна такая дата, одно такое событие, единственное в нашей истории, при изучении которого мы сосредотачиваемся на нехорошем. Ведь все у нас лучшее: и урожай, и спортсмены, и наука, и образование, преступность неукоснительно сокращается, идет к нулю.

Вот, уже потом, был Чернобыль. Первая реакция на него — ничего не случилось, что-то было, но немного. В конце апреля грянуло, а в Киеве — первомайская демонстрация. Специально следовало показать всему миру, что ничто нам не страшно, ничего тут не случилось. Статистика самоубийств была засекречена. Все негативное — под ковер!

Но есть одна только дата — 22 июня 1941 года — когда весь негатив вдруг выставляется на обозрение всего мира! Мы, мол, должны на этом заострить наше внимание, изучить подробнее, какие мы были глупые, и все такое.

Например: 73% наших танков требовали ремонта на 22 июня. Это же скандал на весь мир! Сколько танков вообще — никогда и нигде не говорилось, только проценты. От неизвестного числа. Если бы мы об этом не сказали, никто бы и не знал о неремонтированных танках. Но мы почему-то сказали.

Или другие наши «истории» — шеститомник или двенадцатитомник истории Великой Отечественной войны. Раздел о начале Второй мировой войны — какой

был Гитлер нехороший, что и где он захватил... И тут же следующий раздел — мирный труд советских людей, в который вписаны наши «освободительные походы». Последние же никак не связывались со Второй мировой войной!

И вот я готовлюсь к семинарам и изучаю даты. Все даты из разных разделов, казалось бы, никак между собой не связанные, выписываю на один листок для облегчения запоминания. И получается: 1 сентября Гитлер напал на Польшу. А у нас 17 сентября начался «освободительный поход» в ту же Польшу. Выписываю, легко запомнить...

Или — наш «освободительный поход» в Финляндию. Завершился в марте 1940 года, а в апреле Гитлер вошел в Данию, Норвегию. В мае-июне 1940 года — Гитлер нападает на Францию, Бельгию, Голландию и прочее. А у нас в июне — «освободительный поход» в Румынию. А в июле «добровольно» вступают в Советский Союз Литва, Латвия, Эстония.

Когда вместе это соберешь, становится как-то не по себе. «Освободительный поход» — это ведь то же самое, только просто другое название. А делали мы в то же время то же самое!

— Материалы о подготовке нападения вы уже тогда, в курсантские времена, коллекционировали?

— Да, но как коллекцию нашей глупости. Вот создаем мы воздушно-десантные войска, никогда в войне не использованные. Вернее, использовали пару раз и всегда неудачно. Под Москвой зимой 1941/42 года высадили воздушный десант. Куда к чертям десант — в снег, в мороз... Днепровский десант 1943 года — неудачен. Десант действует только тогда, когда у нас господство в воз-

духе. Надо десант довести до места, высадить, обеспечить ему воздушную поддержку, а потом сбрасывать им все — и картошку, и пельмени, и боеприпасы, и кровь, и медикаменты. А для этого необходимо наше абсолютное господство в воздухе. Так вот, какие мы глупые, готовили воздушно-десантные войска, которые никогда не применялись.

Читаю мемуары маршала Баграмяна. В 1940 году мы вдруг начали перестраивать в Карпатах наши стрелковые дивизии на горно-стрелковые. Тогда это было в Киевском военном округе. И маршал пишет, мол, что «я ловлю себя на мысли, зачем же мы формировали эти горно-стрелковые дивизии, нам же на равнинах воевать». А горно-стрелковые дивизии мы облегчали, то есть убирали у них все тяжелое вооружение. Давали им веревки, ботинки с шипами и т. д. И дивизии оказались не способными к начавшейся потом войне. Еще одна, казалось бы, глупость.

А потом идет лекция вот такая. Когда мы готовимся к наступлению, мы аэродромы подтягиваем к границе. Вот пример: Жуков в 1939 году готовился к удару по 6-й японской армии и подтягивал как можно ближе к восточной государственной границе Монголии аэродромы, чтобы самолеты, как только мы будем наступать, летали на полный радиус, склады боеприпасов, снабжение, госпитальную базу и прочее — все как можно ближе. Мы же должны уходить вперед. Значит, все это следует подтягивать к переднему краю.

Далее, в следующей лекции (через некоторое время) говорится, что Гитлер перед нападением на нас подтягивал к границе аэродромы, склады, штабы, узлы связи и прочее.

Далее. Советский союз, дескать, не готовился к вой-

не. А аэродромы вынес к самой границе, и склады, и прочее. Все это немцы разбомбили. Ужасно мы глупые...

Те же самые примеры... Проходит определенное время, и мне рассказывают о самой блистательной операции Красной Армии. Август 1945 года, Маньчжурская наступательная операция. И все ошибки 1941 года для данного случая мне описывают как образец правильного действия: нужно вынести аэродромы к самой границе, командные пункты, штабы, склады и прочее. Что офицеров отпускали в отпуск, чтобы противник ни о чем не догадывался, пограничники сено косили у самой границы, песни звучали, кино крутили. А потом — р-р-раз, и ударили по врагу. Вот так нужно действовать!

Получается, что те же «ошибки» 1941 года здесь накладываются на блистательную операцию 1945 года! И все те же ошибки буквально повторены!

В 1941 году на многих наших аэродромах был двойной комплект самолетов. Летчиков, допустим, 60, а самолетов — 120. Мол, если враг нападет, 60 летчиков на 60 самолетах улетят, а с остальными что делать? Ну, глупость же полнейшая! Вот такое мне говорят, а проходит полгода, и мне же рассказывают о том, что в 1945 году у нас было сделано очень хитро. Чтобы противник не догадался о том, что мы готовим по нему удар, мы не проводим перебазирование авиационной техники, а постепенно заменяем старые самолеты в уже сосредоточенных частях на новые, перевооружение — и все. А старые самолеты тут же и остаются. Противник получает от своей разведки успокаивающие сведения: как был истребительный полк, так он там и стоит, как был бомбардировочный полк, так он и стоит, и командир полка тот же...

Как только мы нанесли удар, полк поднялся и пошел вперед и перебазировался на новые аэродромы впереди, в это время из глубины страны перебазировается новый полк, где одни офицеры-летчики и технари. Как только приземлились, так сразу получился новый полк на оставленной заранее технике. Его не надо формировать, он давно был сформирован, но находился в пяти тысячах километров от места событий, теперь личный состав посадили в несколько транспортных самолетов и перебросили на все готовенькое.

Точно такая ситуация возникла, когда я служил в Прикарпатском военном округе и получил в свое время взводик свой. В каждом полку нашей 66-й гвардейской дивизии был второй комплект вооружения. Я — командир первого взвода. Офицеров не хватало, и вторыми-третьими взводами командовали сержанты.

— *Срочники?..*

— Да, да, срочники. Это был период советско-китайского конфликта, война за остров Даманский и пр. В ротах часто из офицеров были командир и командир первого взвода. И все.

Я должен был замещать командира роты во всех случаях: отпуск, вызов в штаб, пьянка или иные какие-то важные отлучки.

А по развертыванию я — командир роты в дивизии второго формирования.

Объясняю.

Вот объявляют тревогу, дивизия поднимается и куда-то уходит. А в дивизии, как я уже сказал, два комплекта оружия. Танки — у нас Т-55 и Т-54 были, а хранился старый комплект — Т-34. Самоходки у нас были Су-122-54. Это было мощное оружие, никогда я их нигде не

встречал, ни на каких картинках. А старый комплект — Су-100. Старые стояли, а новые использовались. Кстати, фильм «На войне как на войне» снимался в нашей дивизии, военными консультантами были командир и начальник штаба дивизии. Новые автоматы получаем, АКМ, — старые автоматы, АК, сдаем на склад. Получила дивизия новые противотанковые пушки — «Рапиры», старые пушки сдаем на склад, в хранилище. Их потом либо продают нашим «братьям по классу» — вьетнамцам, например, либо куда-нибудь еще, сдают в какие-то государственные арсеналы. Но всегда второй, предыдущий, бывший до замены на новый, боекомплект в дивизии был.

Итак, дивизия ушла по боевой тревоге. Остаются в городке наш 145-й гвардейский полк — заместитель командира полка, заместитель начальника штаба, заместители командиров батальонов, офицеры, замещающие командиров, и от каждой роты и батареи — командир первого взвода. То же самое и в другом полку, и в дивизии в целом. И остался полный комплект вооружения.

Что же это такое? Это — скелет полка второго формирования.

Чем это хорошо? Не надо формировать новую дивизию. Все командиры есть, все мы — не резервисты, мы все друг друга знаем. Мы получаем солдат — толстых резервистов, они садятся на то старое оружие, которое у нас имеется, — и вторая дивизия готова.

Все это — хорошая система. Но вот в чем недостаток. Мы были у самой границы, в Черновцах. Если дивизия ушла, а в военных городках остались одни замы без личного состава (пока!), и на нас нападут, то это второе формирование сразу же погибает. Пока толстых резервистов наберем (день-два на это же потребуется!), нас

всех и застукают. Когда в 1968 году я посмотрел на эту систему, я вдруг вспомнил вот эту нашу так называемую «глупость» о том, что на каждом нашем аэродроме в 1941 году было два комплекта самолетов. Эта система работала только в наступательной войне, когда первый состав уходит вперед, а на пустом аэродроме остался комплект старых самолетов. Получаем летчиков и имеем второй полк.

— *Эта система была раскручена в 1941-м?*

— Та же система, какой я ее видел в 1968 году. И тогда я вспомнил то, о чем говорил выше. Все это нужно только на случай подготовки к нападению! Эта система работает только в наступательной войне. Так что не глупостью было все то, о чем говорили по 1941 год, а подготовкой к нападению! Если развернуть все сразу и полностью, то можно напугать противника.

В книге «День «М» описана мной такая ситуация. В 1968 году перед тем, как войти в Чехословакию (день «М»), вдруг всех солдат, с которыми я служил в Закарпатье, переобули в кожаные сапоги. Сразу — всех! Обычно же они ходили в кирзовых! Это был сигнал. Все стало ясно: подготовка к нападению.

Солдаты на территории ГДР, в Польше ходили в яловых сапогах, в столичных гарнизонах — в Москве, Киеве — тоже ходили в яловых сапогах, а остальная солдатская масса — в кирзовых. Стоим мы у границы, завшивели, хочется в баньку, все гадают: пойдём — не пойдём... И вдруг — всех переобувают в яловые сапоги! Все ясно, мы пойдём.

Мы не знали, что случилось, мировая ли война или еще что-то такое, но ясно: пойдём.

И один старикашка, с которым мы как-то выпивали,

сказал: все точно так, как в 1941 году И тогда солдат тоже передевали в яловые сапоги. Ни черта себе! Это был сигнал!

И про эти сапоги у меня накоплено много материала. Просто так новую обувь солдату не дают.

Читал нам лекции в академии — это уже позже — генерал-лейтенант Моше Мильштейн, старый разведчик, волк, был нелегалом, работал в Главном Управлении стратегической маскировки.

Кстати, когда я уже убежал, приезжал этот генерал на Запад. Как раз тогда разворачивались крылатые ракеты, в том числе и в Англии, были протесты и все такое. Мощная была тогда кампания борьбы за мир. И вот он на американском наречии, очень чистом, выступал за мир, против крылатых ракет. Представьте, приезжает советский генерал и говорит, что это просто с этической точки зрения нехорошо! Вы подставляете Британию под ядерные удары, и все такое... И вся пресса здесь восхищалась: какие же в Советском Союзе бывают генералы, какие они культурные, какие они образованные, как свободно они владеют английским языком и не просто так, а с американским акцентом...

Как-то я выступал, и мне задали вопрос про этого генерала. Я спросил, найдут ли они у себя генерал-лейтенанта, свободно говорящего на русском языке, готового поехать в Советский Союз и в Москве агитировать там за разоружение. С каких это пор генералы стали выступать за разоружение? Пусть он в своей стране агитирует, зачем он к врагам приехал с агитацией? Кстати, Мильштейн — автор книги «Почетная служба» с грифом «Сов. секретно». Мы ее в Академии изучали.

— Он не из ребят Судоплатова?

— Нет, нет, Мильштейн был из ГРУ. Так вот, читает он нам лекцию и говорит о глупости Сталина после Второй мировой войны. Как раз это было в период ухудшения отношений с Китаем. У Китая прорезались зубки, и он нас начал потихонечку-полегонечку кусать. И Мильштейн говорит: «Какая глупость была допущена! Маньчжурия была независимым государством, Тибет был независимым государством, Внутреннюю Монголию можно было бы сделать независимым государством. Когда в 1945 году Сталин вышиб японцев из Китая, надо было сохранять независимую Маньчжурию, независимый Тибет, настроить еще каких-то буферных государств, мы бы сейчас жили припеваючи, не имея общей границы с Китаем». И все говорят: ой, мол, правда какая!

А меня черти за язык дернули, я тут и говорю: «Товарищ генерал, это все здорово, а вот в 1939 году мы не имели общей границы с Германией, а взяли и установили ее». То есть, напомнил ситуацию, когда мы преднамеренно установили общую границу с Гитлером. Он похлопал челюстью и ничего не нашел для ответа. Я его в тупик поставил. Тут и звонок. Вторую лекцию он читал, не вспоминая о моем вопросе. И я сам язык прикусил. Последствий, правда, никаких не было.

Я потом думал, что и вправду, если бы так поступили с Китаем, было бы хорошо. Но мы поступили иначе, думали, что Китай у нас в кармане... А в 1939 году, не сделай мы общую границу с Германией, сохранили бы мы Польшу, ну, хоть урезанную, не было бы общей границы с Гитлером, не было бы и внезапного нападения.

Вот и было несколько таких озарений, пока не пришло понимание.

— Я много раз слышал упрек в адрес Суворова, что, мол, он не пользуется архивами. На каком материале писался «Ледокол»?

— Преднамеренно не пользовался архивами, совершенно преднамеренно. «Ледокол» написан на открытых источниках, на материале, опубликованном в общедоступной печати.

Я хотел сказать: леди и джентльмены, вот оно все лежит на поверхности! И зачем вам архивы — все, повторяю, и так открыто! Вот Маркс сказал, вот Ленин сказал, вот Троцкий сказал. Вот Сталин сказал, а вот его действия. А вот действия Красной Армии.

Давайте допустим, что все мемуары, написанные с 1945 года, которыми нас пичкали все время, что все это — вранье! Но тогда я снова победитель! Давайте признаем, что Жуков врал. Я же кого цитирую: Жукова, Василевского, в принципе, всех маршалов, которые были у нас, в СССР, и оставили любые письменные материалы... Маршал Тимошенко не оставил мемуаров, но есть его речи, есть стенограммы его выступлений, которые я тоже цитирую. И даже маршала Советского Союза Брежнева Леонида Ильича, уж на что полководец... — тоже. Если они врут, приходится тогда открыто признать, что все это вранье, что всю эту макулатуру надо сжечь!

Тогда я рассуждал: если все это вранье, тогда расскажите мне, что же было на самом деле. Так вот, ценность моих источников в том и заключается, что преступники сами говорят о своих преступлениях. Это их слова. Это не я выдумал.

А когда мы говорим об архивах, то я той же дубиной бью по их научным головам. Хорошо, говорю, ребята, тогда представьте мне план обороны Советского Союза.

У вас доступ ко всем архивам. Показывайте мне, где его можно увидеть. Выступил генерал-полковник Горьков с серией разгромных статей «Конец глобальной лжи» и привел текст плана прикрытия государственной границы на время развертывания. То есть, пока идет развертывание Красной Армии, она постепенно приходит на поддержку пограничникам в пограничной полосе. «Товарищ генерал, — говорю я, — это все, чем исчерпывались наши стратегические замыслы — все стратегические планы государства, — выслать батальоны и удерживать границы вместе с пограничниками, пока развернется Красная Армия? А когда она развернется, что будет?»

Они молчат. Так вот, когда меня упрекают, что я не пользуюсь архивами, я отвечаю им тем же. Сейчас я пишу новую книгу, «Последняя республика, часть вторая» и показываю, что ни Жуков, ни другие наши выдающиеся полководцы знаниями о Красной Армии не отличались. Они допущены ко всем архивам, но их знания, мягко говоря, ничтожны.

— Доступ-то к архивам у казенных военных историков был, и я думаю, что и сейчас есть. Но ведь практически ничто из архивов не используется. То есть, их документальная база абсолютно не отличается от вашей!

— Да. Это во-первых И, во-вторых, в свое время я вычислил документ от 11 марта 1941 года. Генерал армии Гареев, бывший зам. начальника Генштаба по научной работе, а ныне президент Академии военных наук, говорит, что к определенной части архива доступ будет открыт еще не скоро. Это через 60 лет после войны! После этого тот же самый генерал меня упрекает, почему же я не пользуюсь архивами. С одной стороны — закрыто, с другой сто-

роны — почему не ссылаешься. Я говорю ему, что этот документ я вычислил и могу его показать.

Я обращался к журналистам российским, давал им фонд, опись дела и листы — перечень документов. Просил найти конкретные документы в архивах. Они приходили в архивы и просили показать им эти документы. Нет, отвечают, такой документ мы выдать не можем. Ибо все документы о Второй мировой войне рассекречены, но есть гриф «Особая папка», документов с таким грифом секретности более 200 тысяч единиц хранения. К ним никого не пускают. А рассекреченные документы имеют иной, ранее не известный гриф: «выдаче не подлежит». Оно рассекречено, но не выдается. Архив Генштаба закрыт полностью. Архив ГРУ закрыт. Открылся только для израильского исследователя Городецкого, который, кстати, по-русски по слогам читает, а российских туда не пускают. Кстати, от того, что у него такие хорошие отношения с нашим высшим военным и политическим руководством, правительство Израиля в свое время решило назначить его послом в Россию.

— *Как — послом?*

— Ну да. Но выступил израильский исследователь Зеев Бар-Селла и так разгромил этого Городецкого в израильских газетах, что того послом так и не назначили.

— *Кстати об архивах. В очень серьезной книге Михаила Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина» эта ситуация реально подтверждается. Там есть глава о советском предвоенном планировании. В ней из 75 ссылок только 7 на архивы, причем не на архив Генштаба. А это самое капитальное исследование предвоенной советской истории.*

— У Жукова находим количество самолетов в Крас-

ной Армии на 21 июня 1941 года, и там он ссылается на 12-томник истории Второй мировой войны, том 4. А там отсылают в Институт военной истории. Посылаю туда гонца, отвечают, что 13 апреля 1990 года по распоряжению начальника Института военной истории генерал-полковника Волкогонова все эти документы уничтожены. Семь тонн! После этого Волкогонова назначили советником Президента Российской Федерации по военным делам. Иначе говоря, чуя, как в песне поется, смертный час, они уничтожали документы. И вот за это геростратское дело доктор исторических и военных и еще иных наук был назначен советником президента!

— *Вы упоминали, что использовали около 400 мемуарных книжек.*

— Наверное, больше. Мой отец был великим любителем этой мемуарной литературы. И очень интересовался, что же произошло 22 июня 1941 года.

— *Ему самому удалось это выяснить?*

— Нет. Он собирал эти книги и удивлялся нашей глупости. Но знал он очень много. Когда я приезжал на каникулы домой из суворовского училища, где мы каждый год сдавали экзамены, в отличие от обычных школ, для меня начинался настоящий экзамен.

Начиналось подчас даже со случайных чисел. Например, цифра 5. Пятый межкорпус. Кто им командовал? Алексеенко. Он у Жукова командовал правым флангом на Халхин-Голе. Ага, понятно. А где этот корпус был? В Забайкалье. А в составе какой армии? Шестнадцатой. Словом, я это все должен был знать! А кто командующий армией? Лукин Михаил Федорович. А что с ним стало?

Он попал в плен, отрезали ногу. Где это его утраздило? На Соловьевской переправе, на Днестре. Так, задав один вопрос, он меня, не задавая других вопросов, мог экзаменовывать с пяти вечера и до пяти утра. Развивая один и тот же вопрос. А мне было 13—14 лет. И все эти армии, дивизии я должен был знать.

Допустим, начинаем: Конев Иван Степанович. Ага. Командовал Северо-Кавказским военным округом. Вступил в войну в какой должности — командующий 19-й армией. Где базировалась 19-я армия? В Черкассах, второй стратегический эшелон.

По всем мемуарам я мог пройти. В Москве у меня была большая военная библиотека. Уже после того, как я убежал, после «Ледокола», начальник ГРУ, выступая в «Комсомольской правде», писал, что у меня большая военная библиотека. Через много лет об этом вспомнил начальник ГРУ! Это ли не похвала?

Когда я убежал, мне пришлось собирать эти книги заново. Но где их в то время в Великобритании взять, книги военные? В Англии достать эти книги почти невозможно. Поэтому я делал очень много фотокопий. На микропленках имею копии газет «Красная Звезда» и «Правда» за 1939—1941 годы. Компьютеров тогда не было, а были микропленки. Прочитал я все эти газеты и после этого хожу в очках, зрение сорвал. В целом книга была готова в 1981 году но работа над «Ледоколом» продолжалась. Все время его совершенствовал. В 1985 году я решил поставить точку.

В 1985 году было 40-летие Победы. И я решил «Ледокол» опубликовать как придется, хоть кусками. Первая публикация (главами) была в «Русской мысли» в мае 1985 года. Но никто не реагировал. Было множество антисоветских издательств, но никто эту книгу у меня не взял.

На русском языке за границей эта книга никогда не была опубликована. В 1989 году она вышла в Германии по-немецки. А в то же время я очень хотел выпустить ее на русском языке.

На Брайтоне, в Нью-Йорке, книгу собрались издавать, но вмешались какие-то темные силы. Это было издательство «Либерти», Левков. Что-то затягивается, затягивается. Они перерабатывали текст, решали что-то между собой. Мне ничего не говорили. Я звоню туда. Говорят, что, мол, все нормально, работаем. Осталось немного, через три дня завершим работу над текстом. Я спрашиваю: «Чего?» Они говорят, что уже почти все сделано. Я говорю: «Эй, пришлите-ка текст мне обратно!» Присылают они мне текст — это было что-то запредельное... Если бы это вышло на русском языке, это был бы конец... У меня, видите ли, стиль не такой. Они решили переписать книгу, чтобы стиль был хороший. Всю мою терминологию переделали. Я пишу «генеральское звание» — они пишут «генеральский чин». А «чины» у нас отменены в 1917 году. Чепуха какая-то.

— *Что это, глупость просто?*

— Я до сих пор не понимаю, что это такое. Вместо моих слов «Верховный главнокомандующий» они написали «главнокомандующий». Главнокомандующих у нас было хоть пруд пруди, а Верховный был один. Я пишу: 123-й истребительный авиационный полк. Но им-то лучше знать. Они считали, что в авиации полков не бывает. И без моего разрешения правили: 123-я эскадрилья. И не считали нужным меня ставить в известность о проделанной работе. В школе бывает 10 «А» класс, 10 «Б», но если сказать, что был еще и 123 «Щ», то народ этому не поверит. В полку может быть три эс-

кадрильи, иногда четыре, пять. Бывают большие номера для эскадрилий, но тогда в названии присутствует очень важное слово — «отдельная». Это был сплошной анекдот. Я потребовал опубликовать мой текст. Они ответили: если с чем не согласен — исправляй. Но если я все исправлю, то получится мой первоначальный текст. Зачем мне переписывать мою книгу, если у вас есть чистая копия моей рукописи. Ее надо опубликовать. Если редактор с чем-то не согласен, если в чем-то сомневается, пусть спросит, вместе согласуем. Но так они работать были не согласны.

— *Кто этим занимался?*

— Какая-то тетя, звали ее Ася, добросовестно за два месяца переписала всю книгу, уверяя, что мой стиль никуда не годится. Она своими словами все изложила. Пишу «генерал-майор» или «генерал-полковник», а они все это сократили до «генерала». У меня пишется, что «был генерал-майором, стал генерал-полковником», а у них получается «был генералом — стал генералом». Пишу: «На Курской дуге в 1943 году создали такую оборону, что плотность минирования достигала 17 тысяч мин на километр. Имеются в виду погонные километры. Она переправила это на «квадратные километры». И прочее. Далее, я писал, что Сталин почистил армию, но в критический момент никто ему бомбу под стол не сунул, как сунули Гитлеру. В тексте на полях ими написано: «Ха-ха, что это такое? Это — фашистская пропаганда! Что, сами гитлеровцы могли подбросить Гитлеру под стол бомбу?» Они не могли себе представить, что бомбу Гитлеру могли подсунуть гитлеровцы же!

Я-то думал, что придет туда книга, им нужно запятые

проверить и прочее. Если «корова» через «е» написано, то исправить. Опечатки же есть, тогда все на машинках печаталось! А они переписали книгу! Тогда я и говорю: «Стоп, ребята, давайте текст обратно!» Слава богу, не вышло тогда.

По-английски «Ледокол» вышел в 1990 году в Великобритании. Но кто-то скупил тираж, а книгу истребили. Сейчас продают экземпляр книги по цене 999,99 доллара. Спрашиваю, почему такая странная цена. Отвечают: единственный экземпляр, сильно потрепанный.

— *А кто скупил тираж? Кто истребил книгу?*

— Я не знаю. Кто-то, кому понадобилось, чтобы книги не было. Возможно, КГБ. Кто скупил, тот и истребил.

— *И дальше? По-русски книга уже вышла в 1992 году?*

— Да, в 1992-м. История была вот такая. Перестройка в разгаре, все пошло в разнос. И журнал «Нева» обратился ко мне с просьбой дать что-нибудь для публикации. Я дал им «Аквариум». Напечатали. «Аквариум» идет на «ура»... Пошли письма от читателей. Давай, мол, давай! Студенты из МГУ писали, что они на следующий год все подписались на «Неву» в ожидании новых публикаций. «Нева» снова обращается ко мне: «Есть ли у тебя что-то еще?» Говорю: — есть. И посылаю «Ледокол». Говорю «Вы его, конечно, не опубликуете». — «Давай!» — говорят.

Посылаю. Наступает пауза. Звоню, чтобы узнать, в каком номере и так далее все это будет. Отвечают: понимаешь, нужна же какая-нибудь дата, чтобы к ней приурочить публикацию. Я говорю, что все понимаю: вот даты у них нету! Наступает дата. Звоню: ну как? Говорят: понимаешь, мужик, в чем дело, ведь не можем же мы обидеть наших ветеранов в такую дату!

И тянется это снова. Тянется до тех пор, пока не появляется на горизонте Сергей Леонидович Дубов. Один из первых российских магнатов, олигархов. Он купил издательство «Новое время» и журнал, на Пушкинской площади громадное здание купил, приехал ко мне и говорит: «Давай». Первый пробный тираж — 320 тысяч. Странная цифра: не 300, не 350... Объяснение тут вот какое. Он решил публиковать на оберточной бумаге без картинок, без карт. Я говорю: давай по-человечески. Что это за книга военная — без карт? Нельзя, понимаешь? Думал он, думал и решил: 300 тысяч он даст на оберточной бумаге и в мягкой обложке.

— *Она у меня есть. Вот лежит.*

— Какой тираж?

— *320 тысяч.*

— Вот-вот. Он хотел таких 300 тысяч, а 20 тысяч — в твердой обложке, с картинками, картами, и так далее. Был он тогда в Лондоне. Уехал он к себе и выпустил все 320 тысяч на оберточной бумаге. Вот какое объяснение тиража 320 тысяч. Второе издание он шарахнул на миллионный тираж. Сказал: тебе слава, а мне деньги. А 1 февраля 1994 года его убили. Перед его домом.

— *А какова была реакция на «Ледокол»?*

— Самая интересная реакция была в «Огоньке», в рубрике «Книга недели». Вот, дескать, появилась книга такая-то, «Ледокол». Но она опоздала. Кто же не знает, что СССР собирался напасть на Германию! Мы это все знали и так. Опоздал ты, Суворов! Так что вопрос закрыт. Нам и так все ясно.

Когда меня фашистом или кем угодно еще обзывают,

это я понимаю. Но то, что книга опоздала, — это меня развеселило.

— *А как реагировали историки?*

— Они сразу принялись за меня: «Где архивы?» И тогда я обратился к маршалу Куликову Виктору Георгиевичу с таким, примерно, предложением. Я считаю, что вы, товарищ маршал Советского Союза, довели мою страну до полного разорения и распада под лозунгом: «Лишь бы не было войны». Так вот, вы зря это делали, потому что война была развязана Советским Союзом, не такие мы невинные. Поэтому ваш аргумент, что мы должны вооружаться, как бы на нас еще кто-нибудь не напал, — этот аргумент — фальшивый. Так что, конным или пешим, выходите грудь на грудь к ракитовому кусту. Выходите на открытый разговор, будем биться под телекамерами. Маршал увернулся.

Были попытки с Волкогоновым и прочими. Со всем высшим командным составом персонально. Персонально посылались им письма, и получал персональные «ответы» — молчание! Выступая по телевидению, по радио — на Би-би-си, на «Немецкой волне», я постоянно повторял, что я готов к открытой дискуссии. Пожалуйста, разоблачите меня. У меня нет архивов, у вас есть. Встретимся перед телекамерой, пусть народ скажет, кто из нас дурак. Но по сию пору никого под телекамеры мне вытащить не удалось.

— *Книжек и статей против Суворова выходило и выходит множество. Как можно суммировать главные претензии? То, что Суворов — фальсификатор и все врет, — это понятно. А еще?*

— Главная претензия: «нехороший человек». И рас-

писывается, какой я плохой, жена у меня плохая, и дочь плохая, и сын у меня плохой.

Недавно один дядя, полковник ГБ, объявил, что, когда я убежал, мой дед от позора повесился. А мой дед Василий Андреевич был махновцем, всю жизнь скрывал это, советскую власть ненавидел очень и очень люто. Если бы он дожил до того момента, когда я убежал, он от радости напился бы... Он все время упрекал меня за то, что не той власти я служу.

Так вот, самое главное — это не разоблачение моих книг, а разоблачение меня. Но еще древние римляне знали, что как только в споре в сенате кто-то переходит на личности и утверждает, что оппонент дурак, то ему сразу засчитывают поражение. И считается, что все его аргументы исчерпаны. И вот когда там пишут всякие гадости про меня, какой я нехороший, что я совращаю детей и животных и чего еще там делаю, — я прихожу домой и говорю: «Татьяночка, открывай шампанское!» Это всегда свидетельство моей победы, свидетельство того, что крыть им нечем.

— *Основная масса критики была именно такая?*

— Да. А потом пришли придирки совершенно не по существу, но иногда удивительные.

Например, я пишу, что Жуков в своих мемуарах пишет, что вот на Халхин-Голе наши танки горели, как свечи, потому что у нас не дизельные двигатели, а карбюраторные. Ага! И весь мир повторяет: вот, мол, какие русские дураки: у них были карбюраторные двигатели. Я пишу в своей книге «Последняя республика», что Советский Союз был единственной страной, которая создала быстроходный танковый дизель мощностью 500 л. Он стоял на Т-34 и самоходках СУ-85, СУ-100 и СУ-122. Тот же

двигатель в форсированном варианте использовался и на тяжелых танках и самоходках КВ-1, КВ-2, ИС-1, ИС-2, ИСУ-122 и пр. Кроме того, тот же самый дизель использовался на нашем тяжелом артиллерийском тягаче. Ни у кого в мире ничего подобного не было. Как тут на меня бросились! А вот в Японии у них был танк с дизельным двигателем. Прежде всего, сколько было танков в японской армии? Их было за всю войну произведено меньше, чем во время войны произведено в Советском Союзе танков за один месяц! Второе. В каких сражениях японские танки отличились? Где? Было ли что-то подобное Курской дуге или чего-то такого? Никто таких сражений никогда не видел. Третье. Был у них танк с дизельным двигателем — автомобильный, не быстроходный, не танковый, мощностью 90 л. с. — а у нас 500! Быстроходный, V-образный, а у японцев — однорядный. Маломощный. А танки у них — клепаные уроды! А вооружение — пушка 37 мм, а у наших самых «устаревших» танках уже давно стояли пушки 45 мм! А потом и 76, далее 122, а на самоходках — даже 152 мм! Все японские танки можно просто вообще не учитывать, потому что они нигде не отличились.

Это такая мелочь, о которой я знаю и преднамеренно ею пренебрегаю. Она вообще никакого отношения к моим доказательствам не имеет.

Я говорю: возьмите ведро дизельного топлива и ведро с бензином, поднесите факел к бензину. Может полыхнуть. Вы еще не коснетесь факелом этого ведра, если жаркий день и бензин испаряется, он полыхнет. А теперь возьмите факел и суньте в ведро с дизельным топливом. Факел гаснет. Вот что такое дизель! Выступает один дядя, некий Грызун, зубоскалит: гы-гы-гы, так ведь не факелами же немцы воевали. А броневой снаряду один

черт — что карбюраторный, что дизельный двигатель. Вот я сейчас пишу ему ответ: мил-человек, отчего же ты раньше молчал, когда Жуков на весь мир оплеывал наши танки, что они пожароопасные, что у них карбюраторные двигатели, а нужны дизельные. Почему же тогда молчал? Надо было объяснить товарищу Жукову, что снаряду один черт, какой танк бить. Чего же ты молчал? А дело не в снаряде. Дело в том, что если двигатель бензиновый, то любая искра, вышибленная бронебойным снарядом, может вызвать пожар. Тем более, если используется высокооктановый (авиационный) бензин. А в дизельном этого не будет!

— Ну, это всякие шутники. А как у людей, выглядевших серьезнее, — Гареев, Горьков, — какие у них основные претензии?

— Серьезных просто не было. Я с ними просто не берусь спорить. Несерьезно все это.

— Например?

— Ну, например. Тот же Гареев рассказывает, зачем мы захватили Северную Буковину. Оттого, что там проходила стратегическая дорога с юга на север, европейская дорога, суженная по сравнению с нашей, и там было много подвижного состава — паровозов, вагонов. И нам для наступательной войны это было очень важно. Я его процитировал, и он от своих слов отказался. Вот такие примерно у нас с ним отношения.

Горьков же выставляет документы, показывающие, что у нас был план прикрытия границы. Не обороны, а прикрытия! И сразу говорит: «Конец глобальной лжи». То есть — моей. И приводит планы прикрытия! Я тогда говорю: если у нас был план оборонительной войны, тогда объясните, почему этот план не сработал? Потому что не

было плана? И если так, то объясните, пожалуйста, чем полгода занимались Жуков и прочие в Генеральном штабе? Нет, мне даже не хочется спорить с ними, потому что ни разу, никогда они ничего умного не сказали.

— Я взял журнал «Посетители кабинета Сталина» и просто подсчитал, что с начала января 1941 года, когда Жуков стал начальником Генерального штаба, до 22 июня Жуков был в кабинете Сталина 33 раза. Ни малейшего намека на то, чем они там занимались, у Жукова в мемуарах нет.

— Жуков пишет, что Сталин изредка выслушивал начальника Генерального штаба и что у него «не было возможности поговорить со Сталиным». В то время как встречи его со Сталиным в сталинском кабинете продолжались и по полтора часа, и по шесть...

«День М»

— Если в «Ледоколе» собраны материалы, доказывающие, что Советский Союз готовил Вторую мировую войну, то в «Дне М» собрана аргументация в пользу того, что нападение на Европу вообще и на Германию в частности должно было состояться именно в июле. Как можно сформулировать основную идею книги? Обычно в бесконечных дискуссиях ее содержание обсуждается отрывочно, по мелочам и кусочкам. И никогда в комплексе.

— Основная идея книги заключается в том, что решение начинать Вторую мировую войну было принято в Кремле 19 августа 1939 года. Это было не спонтанное, а обдуманное решение. То, что делало тогда кремлевское руководство, имело необратимый характер. Все решения, которые они приняли в августе 1939 года, автоматически ввели страну в войну, и сойти с этих рельсов было невозможно. Страна катилась к войне. Как нельзя сказать, что женщина немножко беременная, так нельзя и преуменьшать такое событие, как мобилизация. Мобилизация — это процесс, который рождает войну.

— Почему именно 19 августа? Насколько я помню, когда писался «День М», никто еще ничего не знал о речи 19 августа, текст был найден позднее.

— Это число было мной вычислено. Причем это вычисление особого труда не составляло. Нужно было просто сесть и подумать. Головой. Подумать вот о чем. До самого вечера 18 августа Гитлер считался врагом прогрессивного человечества, людоедом и злодеем. А с утра 19 августа Гитлер считался нормальным политическим деятелем, с которым можно подписать какие-то документы, с представителем которого можно выпить бокал шампанского. С ним можно было вести переговоры о чем-то.

— Почему именно с утра 19 августа? Откуда это известно?

— Известно это из того, что 19 августа Советский Союз отправил Гитлеру как бы приглашение к переговорам. В принципе, все было организовано так, что якобы инициатива исходила от германской стороны. До этого рубежа вся наша пресса, радио, политические деятели — все дружно говорили о том, что Гитлер — нехороший человек. И вдруг все изменилось. Идет шифровка в Германию — присылайте Риббентропа. Риббентроп прилетает, они быстренько делят Европу пополам, и начинается через неделю Вторая мировая война. Приглашение послано 19 августа, Риббентроп прилетает 21-го, пакт подписывается 23-го...

— Видимо, в этот день, 19 августа, произошло много, скажем так, мелких событий.

— Ну, не только мелких, но и крупных. До 19 августа Гитлеру никаких приглашений не посылали. Ну, были там какие-то контакты, был в Берлине наш представитель Астахов и другие, потом Шкварцев, который поехал в Берлин. Что-то там такое происходило, что-то тлело, но это

был подспудный огонь. И вдруг приглашение Гитлеру — давай, присылай Риббентропа, будем делить Польшу, подпишем договор о дружбе и так далее.

Так вот, по моим расчетам выходило, что если до этого дня Гитлер — враг, а после этого дня Гитлер — свой человек, так, значит, именно в этот день Сталин должен был собрать свое ближайшее окружение и дать новую установку.

Как командир полка, который собирает командиров батальонов, рот, быть может, и взводных, и говорит: «Братцы, мы вот вчера на картошке работали, а сегодня нас отправляют лес валить» или «отправляемся в лагерь». Что-то новое происходит. Раньше было так, а теперь будем делать иначе. Сталин должен был в этот день объяснить ситуацию.

Я должен признаться, что предположение о том, что в этот день было заседание Политбюро и Сталин произносил речь, содержание которой я примерно вычислил, было с моей стороны проявлением нахальства. Потому никаких документов у меня не было. Но был расчет, была простая логика, рассуждение, которое потом полностью подтвердилось. Да, было такое совещание Политбюро, держал речь Сталин, и Сталин разъяснил своему ближайшему окружению, что мы сейчас будем делать.

— *Имеется в виду запись речи Сталина, распространенная агентством ГАВАС?*

— Да. Это номер один. А потом Татьяна Семеновна Бушуева нашла эту речь в изложении. Сейчас люди, которые серьезно этим занимаются, собрали доказательства того, что речь настоящая. Но самое главное — если все, что написано в этой речи, агентством ГАВАС придумано, то надо снять шляпу перед ним и поклониться. Ибо они все, что потом случилось, предсказали. Можно до беско-

нечности спорить о том, была ли эта речь или не была. Но мы видим дела Сталина. А совпадения простые и удивительные.

Дело было вот в чем. Любые знания превращаются в науку только в том случае, если эти знания систематизированы. К примеру, сведены географические координаты в сетку на земном шаре — после этого они превратились в науку, географию. До этого мореплаватели плавали «на глазок».

И меня всегда удивляло отсутствие системы в изложении нашей истории. Сам я постоянно старался известные мне данные по мере сил своих и возможностей систематизировать. И когда эта систематизация удавалась, то она сопровождалась совсем небольшими открытиями.

Вот несколько примеров.

Сколько у нас было полевых армий? Никто этого никогда не говорил. Я завел карточки и стал туда записывать сведения, которые удавалось найти. Вот первая Краснознаменная армия на Дальнем Востоке, вот вторая, вот третья. Известно, когда они были созданы и кто ими командовал...

Далее, сколько у нас было военных округов? Начинаешь читать: вот Московский округ, вот Забайкальский округ... А сколько их? В то время нигде таких данных найти было невозможно. Но я собрал их: 16 военных округов и один фронт — Дальневосточный. Кто ими командовал? Написал. И тут вдруг выявляется — я делаю для себя небольшое открытие.

— Прошу прощения, один технический вопрос. Фронт — это понятие, связанное только с военными действиями? Когда организуются фронты?

— Фронт — это понятие, имеющее несколько зна-

чений. Первое — общее, например советско-германский фронт. Второе: организационная единица — фронт во главе с командующим. Фронт — это группа армий. Она создается для войны. Так вот, с 1939 года существовал фронт на востоке — Дальневосточный фронт. А на всей остальной территории существовали военные округа. Иногда у нас все происходит наоборот. Самые мощные военные округа на западе имели гораздо больше сил, чем Дальневосточный фронт. Например, Западный особый военный округ имел раза в 3—4 больше танков, чем на Дальнем Востоке. Зачем это делалось? Чтобы показать всему миру, что, мол, у нас фронт только один — на Дальнем Востоке, командовал им генерал армии Апанасенко Иосиф Родионович. А на западе у нас все мирно. Хотя западные округа уже были превращены во фронты решением Политбюро от 21 июня 1941 года.

— До нападения немцев? Это очень сильный момент. А по правилам, военным нормам, в какой момент округ превращается во фронт? За сколько времени до начала боевых действий?

— Дело в том, что между военным округом и фронтом, в принципе, различие только в названиях. Ничего более там не меняется, отличий нет. Вот, к примеру, есть генерал армии Павлов, командующий Западным особым военным округом. Он же в какой-то момент превращается в командующего фронтом. И его штаб, начальник оперативного отдела, начальник разведки полковник Блохин — все там и остаются. У него по-прежнему в подчинении четыре армии: 10-я по центру, правее — 4-я, левее — 3-я и позади — 13-я. А название меняется в самый последний момент.

— По вашим расчетам, за две недели?

— Да, по моим расчетам — за две недели. Дело-то в том, что для окружающих эта смена названий совершенно не видна никак, даже для военнослужащих... Дивизия живет, идут учения, сверху спускаются приказы... От командира корпуса, от командующего армией... А там уже развернут фронт. Командные пункты фронтов были вынесены вперед ранней весной 1941 года. Мы знаем, что во время войны округ будет превращен во фронт, и заранее для фронта строим командный пункт, строим подземный узел связи и так далее. А название сменить — это раз — и все.

Вернемся к систематизации. Я расписал, сколько у нас армий, выписал фамилии командующих... Стоп! Сразу — открытие! Вы можете это назвать как угодно, для меня это — открытие. Северо-Кавказский военный округ. Командующий генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. 19-я армия. Командующий — генерал-лейтенант Конев Иван Степанович. Как, он и округом, и армией командует? Что-то тут не так. Смотрю далее. 20-я армия, Орловский военный округ, берем командующего армией и командующего округом. Тот же человек — генерал-лейтенант Ремезов Федор Никитич. 21-я армия — генерал-лейтенант Герасименко, и Приволжский военный округ — тоже генерал-лейтенант Герасименко. Однофамилец? Нет. Все тот же Василий Филиппович. Непонятно!

18-я, 19-я, 20-я, 21-я, 22-я, 24-я, 28-я армии — они все имеют командующих, являющихся одновременно командующими округами! Те же лица!

Теперь берем сообщение ТАСС, допустим, от 13 июня 1941 года. И все, что относится к 13 июня, собираем в отдельную папку.

— *А каково содержание этого сообщения ТАСС?*

— Содержание таково. Ходят слухи, что Германия собирается на нас напасть. Но это — чепуха. Германия на нас нападать не собирается.

Итак, номер один. Эффект удара по голове! Почему всегда и везде мы говорили, что враг вокруг, что враг не дремлет, а тут один только раз в истории, 13 июня 1941 года, мы объявили, что враг на нас нападать не хочет! На это все обычно говорят: «Какой глупый Сталин!»

Сейчас это сообщение есть в любом справочнике. А в то время его ну нигде не было! Все его цитировали, но текста не было. Я нахожу это сообщение, читаю.

И там написано вот что: ходят слухи, что Германия собирается напасть на Советский Союз. Все это чепуха, Германия выполняет свои обязательства так же хорошо, как и Советский Союз. А еще ходят слухи, что Советский Союз хочет на Германию напасть. Ну что вы! Никогда! А что касается переброски войск, так это мы ради учений.

Интересно, думаю. В самый урожай. Как раз когда надо собирать урожай, осенью, организуют учения. Какая-то чепуха.

Все обычно обращают внимание на первую часть. Но первая часть — это преамбула. В нашей стране всегда так делалось. Допустим, в конце 1938 года выходит Постановление ЦК о работе НКВД. Начинается все с ритуальных похвал. Что вот НКВД добились больших успехов в борьбе с врагами народа. И рассказывается о том, каких успехов они добились. Далее следует страшное слово «однако...». И — понеслось. В результате товарищ Ежов слетел со своего поста, потом он был расстрелян, и вся ежовская братия была перестреляна. То есть преамбула о больших успехах — это просто ввод-

ная часть, которая никакого отношения к содержанию не имела.

То же самое и это сообщение ТАСС: «Ходят слухи, что Германия желает на нас напасть». Ага. А дальше что написано?

Эта вводная часть была нужна, чтобы плавно перейти к главному. Что, мол, ходят слухи, что Советский Союз желает напасть. Так вот, нет, ни в коем случае! Просто идет переброска войск.

13 июня прозвучало это сообщение ТАСС, 14 июня оно было опубликовано в газетах. Так вот, 14 июня — это день скорби прибалтийских государств, Западной Украины, Западной Белоруссии, Молдавии. В этот день чекисты тысячами вытаскивали жителей из их квартир, из их домов и отправляли их туда, откуда эти люди никогда не вернулись. Шло очищение прифронтовой полосы, высылался так называемый «нежелательный элемент». С одной стороны, ходят слухи, что мы, мол, не желаем нападать, с другой стороны, действуем иначе: в ночь с 13 на 14 июня тысячи людей в теплушках отправляются в Казахстан, на Дальний Восток и так далее. Говорим одно, а делаем другое.

Дальше. Смотрю и вижу: 16-я армия из Забайкалья выдвигается в западные районы Советского Союза, 19-я армия — из Северо-Кавказского военного округа, 20-я — из Орловского, и так далее.

Это значит, что генерал-лейтенант И.С. Конев из войск Северо-Кавказского военного округа сформировал 19-ю армию и тайно выдвигает ее в западные районы Советского Союза. 21-я армия выдвигается из Приволжского округа, 22-я — из Уральского, 24-я — из Сибирского... Все командующие внутренними военными округами бросили свои округа, забрали все

свои штабы, все свои войска и тайно движутся на запад.

Вот сообщение ТАСС... Мы не желаем нападать на Германию. А вот — действия Советского Союза.

Еще о систематизации. Возвращаемся в 1939 год. 19 августа посылает Сталин Гитлеру послание с приглашением в Москву Риббентропа. Риббентроп едет. В тот же день, 19 августа, товарищ Сталин принимает решение установить с Гитлером общую границу. И в тот же день 19 августа начинается титаническое, небывалое развертывание Красной Армии. Читаешь историю дивизии: сформирована по приказу от 19 августа 1939 года. И таких — множество. До этого, на 18 августа 1939 года, у нас было 96 стрелковых дивизий, а на 21 июня 1941 года — 198! Вдвое увеличили количество стрелковых дивизий. А каждая дивизия — это 14 800 человек. Было на 19 августа 1939 года танковых дивизий — 0, а стало на 21 июня 1941 года — 61 дивизия. Моторизованных дивизий было 2, стало — 1.

Гитлер напал на Польшу, имея 6 танковых дивизий. А тут звучит над страной, что мы нападать не собираемся...

Повторяю еще раз — систематизация, и только!

— *Кстати, «День М» — это было официальное выражение?*

— Да, да. Оно очень часто встречается. Например, у маршала Советского Союза Рокоссовского: «Мы знали, что нам предстоит делать в «день М». Но когда вскрыли пакеты, там было написано много чего, но за исключением того, что нам предстоит делать, если на нас нападёт враг».

— *Итак, о мобилизации, начавшейся 19 августа.*

— Говоря о мобилизации, мы должны вспомнить о

Борисе Михайловиче Шапошникове. В Советском Союзе был только один человек, которого Сталин называл по имени и отчеству: Борис Михайлович. Это — Шапошников. Маршал Советского Союза. Правда, в момент подписания договора с Риббентропом он был еще не маршалом, а только командармом первого ранга. Когда Молотов и Риббентроп подписывали документы, он стоял рядом со Сталиным. Они оба стояли сзади и потирали руки. Борис Михайлович Шапошников еще в конце 20-х годов выдал мощную книгу под названием «Мозг армии». В этой книге он объяснил, что такое мобилизация. Мобилизация — это ситуация, когда мы страну и армию переводим с мирного положения на военное. Шапошников приводит пример. Стоит часовой, и у него пистолет в кобуре. Это мирное время. Вот он вытягивает руку, выхватил этот свой револьвер и взвел курок. Вот это мобилизация. Дальше идет война. Шапошников предупреждает, что мобилизация не может быть частичной, мобилизация — это война. Если ковбой схватился за пистолет и взвел курок, то обратного хода уже нет. Если мы решились начинать мобилизацию, то мы идем до конца. Если мы начинаем мобилизацию, начинается мобилизация и противник. Мы можем и хотели бы остановиться, но противник этого не знает... Если мы выхватили пистолеты и взвели курки, то противник стремится выстрелить раньше. Он же не знает, что мы будем делать дальше. Поэтому его интерес состоит, чтобы скорее выстрелить.

Шапошников разработал очень мощную и очень умную систему. Он разъяснил, что левница, которая охотится на зебру, не может догнать зебру, ибо не так она устро-

ена. Поэтому ее нападение делится на две части. Сначала она тайно подкрадывается, а потом следует рывок. Страшный, мощный рывок. И мобилизацию он рекомендует делать так же. Сначала мы подкрадываемся, подкрадываемся, а потом совершаем рывок. Этот рывок — начало открытой мобилизации — не должен проходить до начала военных действий.

Шапошников пишет о глупости всех стран в Первой мировой войне. Объявлена война, и все начинают мобилизацию своих армий: Австро-Венгрия, Германия, Россия, Франция. Граница противника открыта, пустая, иди вперед! Но мобилизация еще не закончена. Когда все отобилизовались, вышли к границе — уже поздно. Все армии отобилизовались, подошли друг к другу — позиционный тупик. Шапошников предлагает провести тайную мобилизацию, отобилизовать ударные эшелоны вторжения, и в момент, когда мы начинаем войну, эти эшелоны вторжения немедленно входят на территорию противника. Немедленно, не давая ему отобилизоваться, занимая его территорию. А вот под прикрытием этих войск мы отобилизовываем второй эшелон, третий и так далее.

«День М» — это конец тайной мобилизации и удар по противнику, под прикрытием которого можно, никого не стесняясь, проводить открытую мобилизацию в стране.

— Эта концепция агрессора, которая ни в коем случае не годится для обороны?

— Ни в коем случае! Причем тот, кто принял решение о мобилизации (это слова Шапошникова), тот принял решение о войне. Он не разделяет эти понятия. Мобилизация не может быть частичной, она может быть только всеобщей. Так же, как и беременность не может быть час-

тичной. Мы начали мобилизацию, значит, мы приняли решение о войне. Увернуться от этого невозможно!

Так вот, 19 августа 1939 года, когда Сталин дал зеленый свет Гитлеру, был приглашен Риббентроп для переговоров, одновременно в этот же самый день началась тайная мобилизация Красной Армии. А «День М» — такой день, когда эта тайная мобилизация должна была превратиться в дело. Когда тайно отмобилизованные войска ворвутся на территорию противника и будет объявлен «день М», тогда мы открыто будем делать то, к чему стремимся.

— Тайная мобилизация началась формированием новых армий?

— Дивизий, бригад, корпусов, армий. Допустим, в августе 1939 года у нас было 4 танковых корпуса. Они назывались сначала механизированными, потом с 1938 года — танковыми, потом — снова механизированными. Когда Гитлер напал на нас через два года, их было уже 29. В августе 1939 года у нас не было воздушно-десантных корпусов. Когда Гитлер напал, их было уже пять и еще пять — в стадии подготовки. Когда готовилось предложение Гитлеру о разделе Польши, в европейской части Советского Союза армий не было. В округах были корпуса, но не армии. Армий было только две — Первая Краснознаменная и Вторая Краснознаменная — на Дальнем Востоке. Когда Гитлер напал, армий было уже 28. 23 — на западных границах Советского Союза или в пути на запад. А на Дальнем Востоке — пять армий. Причем очень слабых...

— Всеобщая мобилизация касалась не только армии?

— Да, конечно. Мобилизация касалась и экономики.

Прежде всего были созданы наркоматы боеприпасов и пр. Вся промышленность была переведена на режим военного времени...

— *Что это означало?*

— Ресурсы были мобилизованы. Осенью 1940 года были созданы так называемые «Трудовые резервы». Миллионы подростков принудительно посадили на казарменное положение, прикрепили к военным заводам и заставили вкалывать. Механизм закабаления был простым. Было объявлено, что жизненный уровень советского народа поднялся так высоко, что за обучение в вузах и в старших классах школ следует платить. Мотивировка совершенно удивительная: «в связи с возросшим уровнем жизни» — давайте, платите. Но гражданам платить было нечем, поэтому из старших классов и из высших учебных заведений валом повалил народ. Остались там только те, которым было чем платить. А обо всех остальных наша родная власть проявила заботу — в «Трудовые резервы». Ты туда попадаешь по мобилизации, а побег из «Трудовых резервов (а попадали туда в 13—14 лет) был возведен в ранг уголовного преступления. За побег давали полный срок и сажали в ГУЛАГ. А оттуда убежать было совсем не просто. «Обучение» в «ТР» — 2 года с сочетанием выполнения производственных норм. Тебя будут учить, а потом за эту учебу нужно было 4 года отработать на том заводе, к которому тебя приписали, без права выбора места работы и условий труда.

— *Так это — принудительный труд!*

— Не только подростки, но и взрослые были закрепощены. Был издан указ, запрещающий переход с места работы без перевода. Так, в Куйбышеве построили гигантские

авиационные заводы. К примеру, в Москве брали целый цех и переводили в Куйбышев. Или в Комсомольск-на-Амуре. Отказаться люди не имели права. Крестьянство было закрепощено в начале, а рабочие — в конце 30-х годов.

— *Интересное сопоставление. В начале 30-х годов, когда была дикая нехватка инженеров, а промышленность нужно было строить, в высшие учебные заведения заманивали! Через рабфаки и прочее, всех кто хотел, готовили к вступлению в вузы по сокращенным курсам и т. д. А в 1939 году ситуация была противоположной: нужны были работы, инженеров уже хватало.*

— Даже не так. Те, кто был соответствующего возраста, тех просто «загребали», школьников старших классов — в «Трудовые резервы». А студентов просто отправили в армию и сделали курсантами военных училищ. Вот и моего отца, поступившего в индустриальный институт, призвали в армию.

— *Его призвали в училище?*

— Нет, сначала он отслужил год солдатом. Остался еще год, он надеялся продолжать учебу. Но после этого ему сказали: пойдешь дальше учиться в училище. И желания не спрашивали.

— *Мобилизационным образом?*

— Именно мобилизационным образом. В воспоминаниях маршала Советского Союза Виктора Георгиевича Куликова тоже описана такая ситуация. В 1939 году он попал в пехотное училище. А выпустили его 19 июня 1941 года. Он успел получить звание лейтенанта. Мой отец не успел.

— *Выходит, что механизм мобилизации в экономике по-*

лучается такой: внезапный призыв в армию всех возрастов, а вакуум в промышленности заполняется школьниками и студентами.

— Только школьниками. Студентов — в военные училища.

— В этом и состоял основной процесс перевода экономики на военные рельсы?

— Именно. Выступает вдруг некая Паша Ангелина и призывает сто тысяч подруг сесть на трактор. Сто тысяч подруг! Подготовлено было двести тысяч трактористок для сельского хозяйства. Звала она сто тысяч, а мобилизовали двести тысяч. О мужчинах Красная Армия позаботилась, забрали под теплое крыло. А женщины заменили всех на заводах — заводы комплектовались женщинами! Тракторные бригады — женщинами. В колхозах — женщины одни остались.

— То есть тайная мобилизация предполагала мгновенный, в течение года-двух взрывной рост армии и военной промышленности. Перевод всей страны окончательно на принудительный труд.

— Да. Из всех моих книг я больше всего люблю «День М» не оттого, что она такая хорошая, а за то, что это был материал, который можно доказывать, как теорему в геометрии.

Обычно в армию призывали одну треть призывного контингента, остальные в армии не служили. И вот 19 августа 1939 года товарищ Сталин принимает решение о созыве 4-й внеочередной сессии Верховного Совета. Зачем-то ему понадобилась внеочередная сессия. 31 августа товарищ Ворошилов делает доклад о необходимости введения всеобщей воинской обязанности, а утром

1 сентября 1939 года, одновременно с нападением немцев на Польшу эта сессия принимает закон о всеобщей воинской обязанности. И нам объясняют, что это было правильное и вполне логичное решение, закон был принят в условиях уже начавшейся Второй мировой войны. Но тот, кто давал приказ делегатам собраться в Москве и принять такой закон, думал об этом 19 августа! Гитлер 1 сентября не знал, что он начал Вторую мировую войну, а Сталин 19 августа распорядился: ну-ка, ребята, собирайтесь в Москве, нужен закон о всеобщей воинской обязанности в условиях начавшейся Второй мировой войны. Здорово? 3 сентября 1939 года Великобритания и Франция объявили Германии войну, и Гитлер был оглушен этой новостью. Он не рассчитывал на такой поворот. Он во Вторую мировую войну вляпался по глупости. А вот товарищ Ворошилов 31 августа 1939 года уже докладывал народным представителям, что без всеобщей воинской обязанности нам никак не прожить. Пока Гитлер был врагом и людоедом, кое-как без всеобщей перебивались, а тут подписали с ним мир, а сами топоры точим.

Кстати, в тот же день, 1 сентября, вводится звание подполковника. У нас до этого был младший лейтенант, лейтенант, старший лейтенант. Это — «кубари». А далее были старшие офицеры: капитан, майор, полковник. Соответственно — одна, две и три «шпалы». Когда же 1 сентября 1939 года ввели звание подполковника, то он стал носить три шпалы, а полковник уже с того времени стал носить четыре шпалы.

— *Когда был принят армейский устав? В соответствии с какими уставами планировались боевые действия?*

— Армия имеет много уставов: строевой, дисципли-

нарный, внутренней службы, караульный. На тактическом уровне подразделения и части ведут боевые действия, руководствуясь боевыми уставами: БУП — боевой устав пехоты, БУБА — боевой устав бомбардировочной авиации, и т.д. А на оперативном и стратегическом уровне, то есть от дивизии и выше, действует единый для всех полевой устав. Уставы постоянно обновляются и совершенствуются. В 1939 году был введен в действие ПУ-39. Вот только одна фраза из него : «Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий». И далее все в том же духе. А мне говорят: «Так он же не подписан». То есть он был не утвержден. Правильно: на титульной странице значилось: «проект». Однако предыдущий ПУ-36 был отменен, а ПУ-39 был отпечатан и разослан в войска. По нему учили в военных академиях, проводили учения и маневры, планировали войну, но ему действовали войска. И никакого другого устава не было. Кстати, и предыдущий ПУ-36 был ничем не лучше. Просто не такой откровенный: а предписывал он все те же действия. Отсутствие утверждающей подписи объясняется просто. Шла совершенно жуткая грызня в наших верхах. Что-то принимается, но и оставляется лазейка для отхода. Допустим, была «Временная инструкция по ведению глубокого боя». «Временная» инструкция! То есть, если тебя начнут обвинять из-за нее, что ты враг народа, то ты говоришь, что это не постоянная, а временная инструкция!

Но никакой другой нет, только временная. Или: «История ВКП(б). Краткий курс». Никакого другого курса нет и не предвиделось! Только краткий курс! Если даже какого-нибудь товарища, даже и товарища Сталина, начнут упрекать, что вот ты то не отразил или это, есть отговорка — это же краткий курс!

Так что у нас был проект полевого устава. Других документов никаких нет и не будет. Есть проект, по которому действовала вся Красная Армия. Действующий проект — вот в чем дело. Все годы я пытаюсь достать это, но нигде, абсолютно нигде его нет! Уничтожен, замели следы...

Сталин уже 19 августа 1939 года знал, что он введет в стране всеобщую воинскую обязанность. Это позволило мгновенно увеличить армию до пяти с половиной миллионов человек (а сейчас говорят, что еще больше!). Срок службы все же был установлен 2 года. Чтобы людей не пугать.

Итак, Сталин требует созвать Внеочередную сессию ВС и 1 сентября 1939 года принимает новый закон. Но не мог он не понимать, что через два года, 1 сентября 1941 года, всю эту массу людей предстоит отпустить по домам. Или... До 1 сентября 1941 года он должен вступить в войну.

— Но экономическая нагрузка на государство при такой армии настолько немаловажна, что все теряет смысл, если войну не начинать.

— Это было полное разорение всего государства. Кормить армию было нечем, потому что поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. А 1916 год — это уже зверский год, когда все мужики на фронте, бабы в хозяйстве в России. Это кризисный год Первой мировой войны. У нас в мирное время поголовье скота было ниже, чем в 1916 году. И прокормить себя страна не могла. То есть эта мобилизация означала или войну, или экономический коллапс государства. Одна только ситуация с транспортом чего стоила!

— Какие еще моменты указывают именно на начало

июля как на предполагаемый срок нападения на Германию? Другие историки, которые вольно или невольно вас поддерживают, все более-менее согласны, что июль. Споры о том, идет ли речь о 6 июля, как это предполагается в «Дне М» или о десятом, или о пятнадцатом...

— Вот какие. Сообщение ТАСС прозвучало, армии второго стратегического эшелона двинулись вперед. Вот передо мной цифры. Допустим, 19-я армия Ивана Степановича Конева, про которого мы только что говорили, имела 110 339 человек, 20-я армия — 113 093 человека, 21-я армия — 106 112 человек, 22-я — 83 162 человека, 24-я — 88 029 человек, 16-я армия имела 1443 танков. Вы только представьте себе — 1443 танка. Когда Гитлер напал на Польшу, у него было меньше 4000 танков. А тут только одна армия из Забайкалья, второй стратегический эшелон — 1443!

Они все движутся. И дата полного сосредоточения четко определена — 10 июля 1941 года. И мне говорят, вот же она, дата — 10 июля. Дата — когда должен был сосредоточиться второй эшелон! Следовательно, Красная Армия должна была вступить в войну после 10 июля. Казалось бы, так? Не так.

Потому как все наши учебники довоенные говорят о том, что ждать сосредоточения второго стратегического эшелона просто незачем. И это было подтверждено многократно. Допустим, начинается Советский Союз войну против Японии. Это такая же образцовая война, как и против Германии, только против Японии все удалось, а против Германии не удалось. Война с Японией для нас является тем образцом, по которому мы проверяем 1941 год!

· Все «ошибки» 1941 года в 1945 году были повторены. Мы вынесли аэродромы к границе, командные

пункты и прочее. И шло гигантское перемещение войск с Запада на Восток. 5-й армии, 53-й армии, 39-й армии... Так вот, считалось, что зачем же нам сосредотачивать весь второй эшелон, когда ему негде там сосредоточиться! А вот когда первый эшелон пойдет вперед, тогда на его места — в брошенные казармы, лагеря, какие-то места разгрузки — вот туда приходит и разгружается второй эшелон. Не надо дожидаться его прихода. Поэтому мой вывод — не после 10 июля, а до 10 июля!

Про 6-е мы можем спорить... Кроме того, это воскресенье. Сталин любил в воскресенье нападать.

— В статье Михаила Мельтюхова сказано, что единственный аргумент Суворова, почему он считал 6 июля Днем «М», была любовь Сталина к воскресным нападениям.

— Нет, это не так. Хотя правда Сталин любил нападать в воскресенье, как и Гитлер, между прочим! Это номер один. Номер два, и что очень важно, — это было последнее воскресенье перед полным сосредоточением второго стратегического эшелона.

И многочисленные проговорки. Как то: генерал армии Иванов, заместитель начальника Генерального штаба, писал, что Гитлеру удалось нас упредить на две недели. Как это «упредить»? Уже одним этим он утверждает, что война была упредительная. Это говорит генерал армии, советский, официально!

Что значит — упредить? Если я готовлю оборону, как ты можешь меня упредить? Вот на Дальнем Востоке сидят в окопах, блиндажах. И вдруг японцы напали. Ну, как они нас могут упредить? Что это значит — «упредили на две недели»?

— В «Дне М» упоминаются допросы Власова, во время

которых он подтвердил наступательные намерения Красной Армии. Где они цитировались?

— Протокол допроса Власова от 8 августа 1942 года хранится в городе Фрайбурге в центральном военном архиве ФРГ. Протоколы неоднократно публиковались, в частности, отрывки из него печатала «Красная Звезда» 27 октября 1992 года. Там же, во Фрайбурге, хранятся и другие протоколы допросов советских генералов: Лукина, Понеделина, Трухина...

Когда речь идет об опоре на источники, тут нужно вот еще что заметить. Официальная военная история очень редко опирается на документы. Например, наша официальная наука говорит о том, что Сталин истребил сорок тысяч полководцев, военачальников. Я спрашиваю: а откуда это взято? Товарищи дорогие, а есть ли у вас документы, подтверждающие эту цифру? Кто первым это сказал? Сам нашел документ, ткнул их носом в документ, а в документе написано, что было сорок тысяч уволенных. Из которых огромное количество было возвращено назад. Я гораздо чаще опираюсь на документы, чем мои противники.

Что касается критики в мой адрес... Ну, вот один образец критики. Я написал, что немцам перед нападением на СССР следовало бы заготовить шесть миллионов тулупов. Волкогонов по этому поводу дико смеялся: «Так ведь они же планировали захватить Советский Союз за три месяца!» Я говорю: «За три месяца захватить, так потом все равно зима будет! С партизанами воевать, оккупационную службу нести, и так далее». То есть глупейшее замечание было совершенно.

Дело в том, ни Гареев, ни Волкогонов, ни кто-либо другой из военачальников, из тех, кто носит большие звезды на погонах, никто никогда конкретно меня не крити-

ковал. Когда Гореев пишет что-то про меня, он пишет мимо меня. Он никогда меня не уличает в чем-то, в каких-то неправильных вещах. Он разглагольствует, и все остальные тоже. Самый блестящий образец — Городецкий, «Миф «Ледокола». Наши сочинения лежат в разных плоскостях, они не пересекаются никак.

— *Но в чем-то же Городецкий с «Ледоколом» не согласен?!*

— Ни в чем! Заявка там такая: «Не буду же я спорить с Суворовым!» И рассказывает он, что вот прилетел Гесс в Британию, описал, чем его кормили, какой-то дипломат кому-то что-то сказал... Ко мне это вообще никакого отношения не имеет. Ни за, ни против... Это не пересекается со мной никак.

— *А попыток каких-то серьезных возражений не было?*

— Нет. Есть придирки по мелочам. Вот, например, очень «мощная придирка»: я говорю, что если двигатель танка находится в корме, а силовая передача впереди, то нужно от двигателя к силовой передаче перебросить карданный вал. А раз карданный вал у тебя через весь танк идет, то пол башни (ее вращающуюся часть) нужно поднимать над карданным валом. Все это ведет к увеличению высоты танка, а за каждый сантиметр высоты ты расплачиваешься броней. А броня — это вес, а лишний вес — это как для человека с мешком картошки на шестой этаж бегать. Выступает один дядя, страшно-страшно смеется и говорит: присутствие карданного вала не влияет на высоту танка, а влияет на высоту корпуса танка. Вот корпус танка становится выше. Ну, говорю, что в лоб, что по лбу! Ведь если корпус танка стал выше, а у тебя та же самая башня и та же самая подвеска, то и танк стал выше! Вот как меня уловили!

— *Есть в Интернете один очень активный персонаж, к тому же коммунист, я с ним сталкивался. Написал пару статей, которые по его заявлению «опровергли Суворова». Основной его тезис был тот, что, не помню в какой книге, при подведении статистических данных о голосовании в пользу нацистов в 1932 году вроде бы цифры, приведенные вами, были не верны. Мне даже не хотелось вникать, верны ли они или нет. Но вывод из этого был такой: раз на этом поймали, значит, и все вранье..*

— Да, да. Я с этими цифрами разобрался. Дело в том, что там было множество голосований, они шли одно за другим, и когда я эти цифры приводил — я же их не сам придумал, тоже откуда-то списал, из какого-то источника, — какой-то советский источник дал такие цифры, я их повторил. Оказалось, что есть другие цифры. Ну и что? Возьмите одни цифры или другие, а общая картина никак не меняется: коммунисты своим поведением обеспечили Гитлеру победу.

— *Дело совершенно не в цифрах, дело в логике: человек на основе такого нелепого материала публично заявляет, что он Суворова опроверг. Тогда наш спор, кстати, закончился совершенно забавно. Я сказал: «Отлично. Если вы его опровергли, тогда, пожалуйста, на полстранички — основные тезисы «Ледокола» и какие из них опровергнуты». И все. Замолк.*

А еще смешнее было, когда недавно я говорил с одним очень симпатичным немцем, очень квалифицированным историком, и спросил его, кто бы из немцев мог выступить, поучаствовать в дискуссии на эту тему. Он ответил: «Из политкорректных соображений вы не найдете ни одного историка, который зависит от получения гранта для своих научных исследований и который бы осмелился выступить в поддержку Суворова. Не потому, что все не согласны, а потому, что они выпадут из системы».

— Недавно мне было предъявлено еще одно очень серьезное обвинение — я умолчал о еврейской проблеме. Статья так и называлась: «О главном Суворов умолчал».

— *А зачем о ней было говорить?*

— Не знаю. Ну, хрен его знает, как притянуть еще эту проблему к обсуждению планов нападения Сталина на Гитлера!

— *Можно ли коротко изложить суть идеи «Ледокола» и «Дня М»? Для людей, которые этих книг не читали. Суть концепции и основные аргументы.*

— Номер один. После Первой мировой войны в Европе никто Вторую мировую войну развязать практически не мог. Ибо: Великобритания была занята своими колониальными вопросами, армию имела небольшую, а флот громадный, чтобы защищать колонии и пути сообщения с колониями; Великобритании незачем было начинать войну, никаких у нее амбиций на европейском континенте не было.

У Франции не было никаких резонов начинать войну, ибо по Версальскому договору она получила все, что хотела, и сверх того строила на своих границах линию обороны наподобие Великой китайской стены — то есть у нее была чисто оборонительная стратегия.

Германия была полностью разоружена, не буду перечислять, что там и как, но Германия как военная и военно-техническая держава была полностью ликвидирована и тоже не могла начинать какую-либо войну.

В этой ситуации Советскому Союзу жить бы и радоваться. Однако Советский Союз сделал все для того, чтобы Германия снова встала на путь подготовки к войне. Готовили немецких танкистов, летчиков и прочее. Вопрос:

против кого? Понятно, не против себя. Значит, против кого? Против остальной Европы.

— В одной брошюре начала тридцатых годов я встретил такой расчет. Красная Армия составляла на 1931 год столько-то человек. Суммарная армия всех соседей — Финляндии, Болгарии, Румынии, всех-всех, — составляла столько-то тысяч человек. Для того чтобы Красная Армия могла их всех победить, ей нужно было бы иметь столько-то. Какая-то безумная, бредовая доктрина, которая предполагала, что все эти мелкие страны объединятся против Советского Союза и на него нападут.

— Да-да, бред, конечно, полный. Так вот. Никто, конечно, на Советский Союз напасть не мог, а Советский Союз готовил Германию к новой войне.

Номер два — Сталин помог Гитлеру прийти к власти.

Номер три. Вся внутренняя политика Советского Союза была подчинена агрессивной внешней политике, ибо Советский Союз не мог существовать рядом с другими государствами. Поэтому производство оружия в стране было совершенно чудовищным, но это оружие производилось не для того, чтобы защитить своих людей, ибо ради производства оружия Сталин и его подручные устроили голод с миллионными жертвами. Зачем нам производить оружие, если люди гибнут от того, что мы его производим?

Далее. Если бы Сталин не хотел воевать с Германией, то он должен был сохранять барьер нейтральных государств между Германией и Советским Союзом. Тогда нападения Германии не было бы! Но Сталин с Гитлером вместе разделили Польшу, установилась общая граница между СССР и Германией. Сталин придвинул свои границы к границам Германии везде, где только это было возмож-

но, — от Финляндии до Румынии. То есть от Ледовитого океана до Черного моря. Все соседние страны стали жертвами Советского Союза. Включая Литву, которая даже границы не имела с Советским Союзом до 1939 года.

Следующий момент. Вторая мировая война была начата Советским Союзом преднамеренно в 1939 году, и с самого начала — с августа 1939 года — Советский Союз был участником Второй мировой войны. И был союзником Гитлера, вместе с Гитлером они крушили Европу. Замысел Сталина заключался в том, чтобы руками Гитлера сокрушить Европу, а потом удушить самого Гитлера. Так же как руками Ежова Сталин уничтожил всех своих потенциальных врагов и даже тех, кто мог бы быть причислен к ним, а потом удавил и самого Ежова. И все это было названо «ежовщиной», хотя это была чистая «сталинщина».

Все, что делалось в Советском Союзе для обороны после того, как Сталин почувствовал, что он может нанести удар по Гитлеру, что Гитлер уже «вляпался» во Вторую мировую войну и напасть не может, все это начало уничтожаться, а подготовка Красной Армии была исключительно наступательной.

И последнее. Разгром Советского Союза в 1941 году объясняется тем, что все планы, все приготовления — все это шло именно на наступление, ничего не делалось для обороны.

— Большинство «оппонентов Суворова» раздражает, буквально приводит в бешенство сама идея, что Советский Союз мог в 1941 году на Германию напасть и что сама по себе такая подготовка велась. К науке эта позиция отношения не имеет. Она — порождение традиционных ложных пропагандистских советских стереотипов.

— Эта точка зрения моих так называемых «оппонентов» оскорбительна и для всего нашего народа, и для нашей истории. То есть даже если отвлечься от того, кто прав, а кто виноват, если абстрактно посмотреть на саму идею, то их точка зрения аморальна. Получается, что Советский Союз вел войну с фашизмом вынужденно, что мы освободители Европы поневоле, антифашисты поневоле. Если бы Гитлер не напал, то мы бы так и оставались друзьями Гитлера, так бы и пили шампанское с ним, так бы и крушили вместе Европу, проводили совместные карательные операции, например, в Польше, так бы развевались красные флаги над гитлеровскими и над сталинскими концлагерями.

Вот именно так возражал против меня маршал Советского Союза Виктор Георгиевич Куликов. Воевал он с 22 июня 1941 года. Но ведь тогда получается, что вы, Виктор Георгиевич, антифашист поневоле. Если бы на вас не напали, вы бы остались верным гитлеровцем. Вот Власов, оказавшись в плену, начал сотрудничать с немцами, это нехорошо. А в чем же разница между ним и вами?

Ведь вы служили в той армии, что была союзницей Гитлера. И Власов служил в той же армии, что была союзницей Гитлера. В чем же разница между вами? Просто Власова Гитлер взял на службу, а с вами не хотел иметь дело. Вот и вся разница. А если бы захотел, то вы верой и правдой ему бы служили. Так же получается?

— Меня тоже всегда удивляло, почему считается, что предположение о том, что Советский Союз готовился напасть на Германию, каким-то образом компрометирует Советский Союз. Иначе он был бы хорошим, а так получается, что он плохой. После всего, что Гитлер уже успел со-

вершить, казалось бы, стать его открытым врагом — только на пользу репутации страны.

— Вот союз с Гитлером — это компрометирует Советский Союз. Когда говорят, что мы в 1939 году подписали с Гитлером союз, ибо ничего иного нам не оставалось делать, и пошли крушить соседей, чтобы самим живым остаться, — это уж, извините, чисто уголовное, уркаганское отношение к жизни: умри ты сегодня, а я умру завтра. Давай убивать кого угодно, лишь бы самому живым остаться.

Моя концепция даже формально гораздо патриотичнее. Ведь очевидно благороднее намереваться порвать с Гитлером, чем в союзе с ним завоевывать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий.

— В этих рассуждениях есть один момент, который работает против Суворова. Они ведь основаны на парадоксе, который многие могут принять за чистую монету. Получается, что союз с Гитлером аморален, а нападение на Гитлера как бы моральнее. Оппонентов такой поворот темы, конечно, обескураживает, но при этом напрашивается совершенно ложный тезис, что Сталин «хорошим» нападением на Гитлера компенсировал «плохой» союз с ним. Есть историки, которые поддерживают «концепцию Суворова» о подготовке нападения на Германию и Европу, но считают при этом сталинскую политику совершенно правильной и оправданной. Ну и хорошо сделал бы, если бы напал. Перед СССР открылись бы ослепительные внешнеполитические перспективы.

Хотя, конечно, в реальности о благородстве помыслов Сталина говорить не приходится ни при каких обстоятельствах. Сталин ведь не собирался ни бороться с фашизмом, ни наказывать нацистов за какие-то там грехи. Ему было

все равно, на кого нападать первым, на нацистскую Германию или на западные демократии. Он в любом случае собирался сокрушить их все.

Вообще-то можно понять, почему массу людей раздражает сама идея, что Сталин мог хотеть напасть на Германию. Скорее всего, потому, что она тянет за собой еще одну очень опасную мысль. Если согласиться с тем, что Сталин нападение готовил, то возникает следующий вопрос: а дальше на кого? И еще один вопрос — о том, какой в целом была внешняя политика Сталина, чего он хотел достигнуть. А ответ напрашивается крайне неприятный: никаких иных целей, кроме достижения мирового господства, у Сталина, а следовательно — у СССР, не было. Немедленно рушится привычный миф о советском антифашизме, об освободительной миссии советского народа и т.д.

— Да-да, именно это всех и раздражает! Про Европу никто не вспоминает.

— *Еще один интересный психологический момент о чисто советском восприятии истории. Вы рассказывали раньше о полковнике, который вам читал историю войны. О том, что про разгром 22 июня можно было говорить, а о разгроме под Киевом — нет. Ведь, в общем-то, это был сознательный обман. Люди, которые читали эту историю, они-то понимали, что это ложь?*

— Нет.

— *Кто-то же это вранье конструировал?*

— Дело в том, что все это вранье конструировалось с самого начала. Уже 22 июня сразу же было заявлено, что вот на нас напали и забудьте все, что было до этого. И всем сразу хотелось забыть, и все все сразу забыли! Мы же жертвы, на нас напали...

— *Включая генералов, которые все это разрабатывали?*

— Ну... Дело в том, что у многих вышибло это из памяти. В Советском Союзе вообще было принято помнить только то, что безопасно. Для здоровья было лучше. Ведь настоящими воспоминаниями ни с кем нельзя было поделиться. Когда я опубликовал свои книги, в которых на пальцах объяснил, как было дело, то начал получать множество писем от фронтовиков, где говорилось: «Да, правда!» А вот до этого они как-то и не думали об этом, и не помнили.

Но если заходит речь о разработчиках этих планов, то номер один — нарком обороны, маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко. Он никогда никаких воспоминаний о войне не писал. На него давили, требовали, но он не поддался. Это был честный человек. Он понимал, что правду сказать не позволят, а врать не хотел. Номер два — это Георгий Константинович Жуков. Начальник генерального штаба. Все планы были в его руках. Вот он мемуары писал. В своих книгах я показываю, что практически все, что он писал, было враньем. Жуков все понимал, он знал, что врет, вранье у него отовсюду лезет.

Я его постоянно ловлю на слове. Вот он пишет, что раньше они сомневались, но когда вечером 21 июня пошли перебежчики, «мы поняли — это война». А потом, через несколько страниц, он сообщает, что вот 22 июня где-то там в три часа утра он начинает звонить Сталину, тот не просыпается, вот такой глупый Сталин!

Я говорю: стойте, подождите, если тебе, товарищ Жуков, вечером 21 июня было ясно, что нападут, и ты сидел в сталинском кабинете, и Сталин пошел спать, как же ты его отпустил, а?

Чепуха же получается, чего же ты его начал в 3 часа будить, если тебе накануне все было ясно... В мемуарах твоих эта сцена должна быть ключевой, основополагающей! «21 июня мне было все ясно, мы сидели в кабинете Сталина, мы ругались, он мне не верил...» Вот ему все ясно было, но он сидел, молчал, а потом в три часа ночи начал названивать Сталину, его будить. Жуковское вранье у меня разоблачено в двух специальных книгах, посвященных Жукову, и в остальных книгах тоже, от случая к случаю...

Еще один человек, который разрабатывал такие планы, — маршал Советского Союза Василевский. Он был генерал-майором в Главном оперативном управлении. Этот тоже врал.

— Но были ведь военные верхнего эшелона, которые все понимали, командующие округами...

— Да, конечно. Но среди них очень мало, кто остался в живых. Мало осталось тех, кто мог бы писать мемуары. Вот, допустим, Западным фронтом командовал генерал армии Павлов. На него свалили всю вину за первые поражения, навешали на шею всех собак и расстреляли. Генерал-полковник Кирпонос — командующий Юго-Западным фронтом — погиб в бою при выходе из окружения. Это была наша самая мощная группировка. Киевский военный округ в начале войны превратился в Юго-Западный фронт. Федор Исидорович Кузнецов — это был кретин, начал войну командующим фронтом, потом спустился на командующего армией, потом закончил войну командиром корпуса. Так вот потихонечку. Мягко говоря, не очень умный человек. Он мемуаров не оставил. Кто еще? Генерал-полковник Черевиченко, Яков Трофимович. У Ста-

лина на 22 июня 28 полностью развернутых армий. Восемь командармов — генерал-майоры, девятнадцать — генерал-лейтенанты и только один командарм — генерал-полковник Черевиченко. Он командовал самой мощной из всех советских армий — 9-й. Которая почему-то была развернута на границе с Румынией. Так вот, Черевиченко Гражданскую войну описал, а о Второй мировой войне промолчал. А ведь интересно было бы знать, почему самую мощную из всех своих армий Сталин поставил на румынскую границу.

Северо-Кавказским военным округом командовал генерал-лейтенант Иван Степанович Конев. Он перед войной превратил все боевые части своего округа в 19-ю армию, с которой и двинулся в район Черкасс. Это был второй стратегический эшелон. Туда выдвигалось семь армий, включая 19-ю. Он о начале войны не пишет ничего. Он начал свои мемуары с 1945 года. Первая книга посвящена концу войны. А вторая книга — о 1943—1944 годах. Войну Конев описывает не с той стороны. До 1941 года он так и не дошел.

Михаил Федорович Лукин. Командовал 16-й армией, которая выдвигалась на Запад из Забайкалья. Он тоже молчал. Он тоже мемуаров писать не стал. Люди такого плана все понимали. В Советском Союзе была цензура и была самоцензура. Не говори лишнего. Ляпнешь лишнего — будет нехорошо. И все предшествующие события память перерабатывала самым решительным образом. Последующие события накладывали неизгладимый отпечаток на все предыдущие воспоминания, искажали их и ломляли.

«Гитлер напал!». Это было настолько шокирующе, что все по простоте душевной забыли про все, что было до этого. А тот, кто помнил, тот помалкивал.

Вот генерал армии Батов Павел Иванович. Был заместителем командующего Закавказским военным округом. Перед войной его перевели в Крым, там он готовился к проведению десантной операции. Но куда можно высаживать наши войска, если их погрузили на корабли в Крыму, а противника на нашей земле нет? В мемуарах об этом он ничего не пишет. Ни слова о том, как и почему он там оказался, чем занимался...

— Книги Суворова набиты аргументами о том, что Советский Союз собирался напасть на Германию. Давайте попробуем собрать в кучку основные аргументы. То, что абсолютно неопровержимо доказывает, что подготовка к нападению действительно велась.

Номер один. Была линия укрепленных районов на старой границе, которую мы разоружили и бросили.

Номер два. Стали строить новую линию укрепленных районов вдоль новой границы. Могут сказать, что, мол, вот оно, оборона... Нет! Это чисто наступательная линия. Почему? Перед ней не создается никаких препятствий, огневые оборонительные сооружения выдвигались прямо к границе. И строилось это все на второстепенных направлениях, для того, чтобы получить возможность оголить второстепенные участки и собрать все ударные силы в кулак на главных направлениях. Строительство новой линии укреплений не было предназначено для обороны.

До войны существовали заранее подготовленные партизанские отряды, секретные партизанские базы в лесах с запасом оружия, боеприпасов, средств связи, медикаментов и пр. Отряды разогнали к чертям, а базы ликвидировали.

Были заминированы все мосты, железнодорожные

станции, водокачки. Это очень важно, потому что снабжение войск агрессора в стратегическом масштабе может осуществляться только по железным дорогам. А железные дороги были на паровозной тяге, а паровоз не может ходить без воды, ему нужна уйма воды. Если бы взорвали наши при отходе все водонапорные башни, то весь блицкриг к чертям бы захлебнулся. Но наши все это дело разминировали.

Пограничники резали колючую проволоку на своих участках.

— *Делали проходы?*

— Да. Для кого? Для агрессора? Разминировали пограничные мосты. Для чего? Для агрессора?

Было брошено на границе четыре миллиона комплектов карт. Все — карты Европы. Карт для своей территории не было. Страна полностью готовилась воевать только на чужой территории.

— *Эти карты есть в немецких архивах?*

— У меня есть, прямо дома. Есть карта марта 1941 года. Восточная Пруссия. Сверху надписано «Генеральный штаб» и так далее...

Следующий момент. В конце мая — начале июня 1941 года были в огромных количествах выпущены русско-немецкие разговорники для бойцов и младших командиров. Они печатались в Москве, Киеве, Минске, Ленинграде... Русско-немецкие разговорники, которые можно использовать только на германской территории.

Следующее. Писались песни; такие, как «Великий день настал», вышли миллионами записей.

Или вот: «По-над Збручем, по-над Збручем войско красное идет. Мы любить страну научим, Тимошенко нас

ведет. Вспомнил, маршал, путь геройский, вспомнил он двадцатый год, как орел, взглянул на войско и командовал: «Вперед!» И пошли мы грозной тучей, как умеем мы ходить, чтобы новой и могучей мразь фашистскую разбить. Мы идем вперед с боями, и, куда ни погляди, Тимошенко вместе с нами, Тимошенко впереди!»

Я говорю: «Братцы, никогда ничего такого не было. Не смотрел он, как орел, на войско. И не командовал «вперед».

Песня эта написана после 7 мая 1940 года. Ибо до того Тимошенко не был маршалом! Никто не посмел бы писать стихи и называть Тимошенко маршалом до того, как товарищ Сталин ему такое звание не присвоил! Песня написана после 7 мая 1940 года и до июня 1941 года. А когда война началась, о песне все забыли. Иначе не получается — «По-над Збручем... Тимошенко впереди»... Бежали ведь до самой Москвы, а Тимошенко впереди или как понимать?

А «Великий день настал» — это не что-нибудь, это Шостакович!

— *Где эти песни существуют?*

— Они у меня существуют. Я их нашел. Сейчас диктую «Ледокол» на СД, хотел эти песни вставить и там, но материала так много, что песни пришлось вырезать. Но в моих будущих работах они обязательно зазвучат.

Итак, были у нас укрепленные районы — их уничтожили. Были партизанские отряды, созданные в мирное время. То есть, враг приходит — они уже действуют. Их разогнали.

Следующее. Была полоса обеспечения. Враг вступает на нашу территорию, а у нас взрываются все мосты к чертям. Попробуй построить мосты через 41 тысячу рек в Ев-

ропейской части СССР! Должны были быть взорваны все станции, все водонапорные башни... Все это прекратили и начали строить железные дороги к границе, расширять дороги и так далее. Было создано 10 железнодорожных бригад, а железнодорожные бригады — это 3—4 тысячи человек каждая. Эти бригады должны были перешивать узкую европейскую колею на широкий советский стандарт. У них и соответствующее оборудование все было подготовлено.

Следующий момент. Днепровская флотилия. Днепровские мосты по пальцам можно пересчитать. Они все были подготовлены к взрыву. А чтобы противник не навел переправы, существовала Днепровская флотилия. Так ее разогнали в 1940 году.

Если бы Гитлер подошел к Днепру, мы мосты уничтожили бы, а по Днепру ходили бы тяжелые мониторы... Тогда не было этих чертовых водохранилищ, а Днепр был широкий. Левый берег — низменный, весь в протоках, болотах, там прятаться можно было катерам... Как только узнали, что мост немцы где-то наводят, выскочили, разбомбили и снова спрятались в кусты. Там все лозой заросло, болота, птицы...

Итак, ликвидировали эту флотилию и сделали из одной днепровской флотилии две. Одна — Пинская флотилия, вывели ее вверх по течению Днепра в приток. Там построили зимой через болота Днепровско-Бугский канал, чтобы соединить бассейн Днепра с Бугом. Через Буг можно выйти в Вислу, а дальше — реки Германии. Вот это все и было в 1940 году подготовлено.

А вторая часть Днепровской флотилии была опущена вниз до устья Днепра, прошла и вышла в устье Дуная. У нас совсем маленький кусочек советской территории получился у устья Дуная. Никто через дельту Дуная напа-

дать на Советский Союз не мог. Там топи, болота, камыши. Но туда вывели мощные речные корабли. Зачем? Затем, чтобы подняться вверх по течению Дуная.

Самая мощная из всех советских армий была развернута не против Германии, а против Румынии. Вдоль границы были развернуты две горные армии. На нашей границе нет гор, на их территории есть. Цель — отрезать румынскую нефть.

Далее. Воздушно-десантные войска. В оборонительной войне они не нужны. Наша проблема в оборонительной войне заключается в том, чтобы выводить свои войска из окружения, а не бросать туда новые. Но у нас вместо партизанских отрядов, которые были разогнаны, начали формировать воздушно-десантные корпуса. Пять воздушно-десантных корпусов к июню 1941 года уже были готовы, а пять находились в стадии развертывания.

Следующее. Советский Союз провел тайную мобилизацию. И по этой мобилизации было призвано столько людей в армию, что экономика страны находилась на грани развала. Мы уже говорили о том, что 1 сентября 1939 года ввели всеобщую воинскую обязанность. Почему? Потому что в этот день началась Вторая мировая война. Однако Гитлер 1 сентября 1939 года еще не знал, что началась Вторая мировая война. Почему он этого не знал? Когда 3 сентября Великобритания, а потом Франция объявили Гитлеру войну, для него это было шоком. Он думал, что с Польшей все пройдет, как с аншлюсом Австрии или как с Чехословакией...

Но оказывается, что Польши ему прощать не собирались. Так вот, Гитлер не знал, что 1 сентября началась Вторая мировая война...

Введя всеобщую воинскую обязанность, Сталин одним махом увеличил армию с полутора миллионов до пяти с половиной миллионов да еще резервистов заготовил. И эти пять с половиной миллионов надо было отпустить домой 1 сентября 1941 года! То есть до 1 сентября 1941 года Сталин должен был вступить в войну! Либо все эти миллионы отпустить по домам.

— *Либо нужно было сразу объявить о трехлетней службе.*

— Ну, они на это не пошли. Ведь если солдат отслужил два года, а ему говорят, что вот тебе еще третий год, то это будет развал армии. На каких-то из первых Олимпийских игр — не на тех, древнегреческих, а на общеевропейских Олимпийских играх — бегун на дальние дистанции должен был добежать до финиша, а его попросили еще 50 метров добежать до того места, где сидела королевская семья. Кажется, это было в Великобритании. А он туда добежать уже не смог, сил не осталось. Так вот, если солдату, который отслужил два года, отсчитал часы, минуты и секунды, вдруг говорят, что ему нужно отслужить еще и третий, то армия рассыпается. Такую армию никакими силами не удержишь. В мирное время такое не проходит.

— *Получается, что пик подготовки Красной Армии приходился на лето сорок первого?*

— Да.

— *И затягивать это было нельзя?*

— Ни в коем случае. Нужно было либо начинать войну, либо распускать всех по домам. Но тогда непонятно, зачем были нужны невероятные расходы на обучение и содержание этой гигантской армии.

— *В 1939 году призвали сразу несколько возрастов?*

— Дело в том, что раньше призывали в армию с 21 года и только одну треть призывного контингента. А тут вдруг ввели призыв с 19 лет! Раньше никто не знал, призовут его или нет. А тут вдруг Сталин решил, что это глупо — призывать с 21 года. Почему? Я над этим задумался. Почему же раньше призывали с 21 года? Я служил в учебной дивизии. Мы получали пацанов с 18 лет, из него лепи, как из пластилина. А если человек имел отсрочки и попадал в армию в 20, 21 и 22 года, это уже был мужик. Он уже кое-что понимал в жизни, с ним очень тяжело работать. Это не пацан со школьной скамьи.

Получается непонятно. Человек работает, и вдруг в 21 год его призывают на службу. А у него, может быть, семья уже есть. Почему бы его в 18—19 лет не призывать? Это — головотяпство. Государству невыгодно! То, что человеку простому это не выгодно, — это ясно. А почему государство на это пошло? Так вот эту систему можно понять только в момент, когда она кончилась. Окончилась она 1 сентября 1939 года. Объявили всеобщую воинскую обязанность, и мы призываем сразу весь контингент, тех, кому 21 год, и всех, кому 20 и кому 19 лет. Правда, здорово?! А тех, кому 18 и у кого среднее образование, тех тоже заграбастали и отправили в военные училища. Вот и мой отец среди них был.

А кроме всего говорят: «Ваня, тебе уже 25, но ведь раньше ты не служил?» Не служил. А вот иди-ка ты сюда! И армия, ее мощь возросла невероятно. Ну, представьте себе, что тебе нужно разместить сейчас на территории Германии хотя бы один миллион солдат. В чистом поле. Представляете, какая это нагрузка на государство?! А там был не миллион. Там был рост с полутора сразу до пяти с по-

ловиной миллионов. Не говоря о флоте и частях НКВД. Тех тоже следует учесть.

А с другой стороны, ведь это же работники, их нужно одеть и обуть, а сами они ни черта не производят. Это какая нагрузка на экономику государства! Кроме того, в феврале 1941 года началась переброска войск. На Запад, на Запад... Стали перебрасывать все больше и больше, в мае это достигло каких-то чудовищных размеров, а 13 июня это было полное передвижение Красной Армии со всех дальневосточных, забайкальских гарнизонов на Запад. Всех — на одну границу. Вперед!

И вот я в книге своей задал вопрос, написал его большими буквами, но ни один критик на него не ответил. Я сказал: Красная Армия (это главное доказательство!) не могла вернуться назад. Передвижение началось в феврале. В марте усилилось, далее усиливалось, усиливалось, пока не превратилось во всеобщее. Вернуться назад нельзя. Оставить в приграничных лесах все это воинство нельзя, потому что к весне оно разложится. Зимовать-то можно где угодно, но в пограничных районах нет условий для боевой подготовки. А армия не может жить в землянках и ничего не делать.

Эту массу нельзя было держать на своей территории в пограничных районах и нельзя было вернуть назад! По транспортным причинам... И вообще, какая глупость: с февраля начиная, двигать всю армию к границе, а потом, с июля, обратно ее развозить по своим дальневосточным закоулкам!

Повторяю вопрос: «Красная Армия не могла вернуться назад и не могла оставаться в приграничных лесах на зиму. Вопрос: что ей оставалось делать?»

Ни один из моих критиков никогда не упомянул этот вопрос даже косвенно, даже отдаленно. Никто, никогда!

Сама армия, плюс штабы, плюс командные пункты, плюс запасы, госпиталя, госпитальная база, карты, запасы крови, мяса, портянок, жидкого топлива — все это на земле. Все это выкладывалось на землю и не могло существовать больше нескольких недель.

Еще один момент. Был у нас в 1940-м или 1941-м организован наркомат боеприпасов. Уже между подписанием пакта с Гитлером и гитлеровским нападением. Наркомат боеприпасов выдавал такое количество боеприпасов, которое негде было хранить. А производство нарастало. Промышленность с февраля 1941-го перешла на режим военного времени. Авиационная промышленность, например, точно перешла.

— *Что это означает — «режим военного времени»?*

— Режим военного времени реально означает, что смена — 10 часов, а смены две! Гитлер стал переводить свою военную промышленность на режим военного времени после Сталинградского разгрома. До того у него работали в одну смену. Восьмичасовой рабочий день у него соблюдался.

— *Тут еще можно вспомнить, кстати, закон 1940 года о запрете менять место работы.*

— Да. Все вместе это и означало полную мобилизацию промышленности. Рабочие были прикреплены к заводам. Крестьяне были прикреплены к земле еще раньше.

— *В «Ледоколе» есть чрезвычайно убедительный эпизод с планерами.*

— Да. Два слова об этом. Самые мощные и самые большие самолеты в мире строил наш конструктор Олег Антонов. Но Антонов перед войной строил не только транс-

портные самолеты, но и планеры. Что интересно — эти планеры имели говорящие названия. Один — КТ-40, это — «Крылья танка». К легкому танку цепляли крылья, вытягивали его вверх буксировщиком, бомбардировщиком ДБ-3, затем планер отцеплялся и планировал. Садиться он мог только на автостраду. В полете он включал двигатель, разгонял гусеницы на максимум и садился где-нибудь.

Но никаких автострад внутри наших границ нет. Зато есть вблизи наших границ — где-нибудь в районе Кенигсберга. Вот это как раз подходит!

Кроме того, еще один планер Антонова назывался «Массовый». Извините, зачем нам «массовый»? Так вот, весной 1941 года Жуков отдал приказ о массовом производстве планеров. Потому что воздушно-десантные войска — это парашютисты и планеристы. Их высаживают на парашютах или приземляют на планерах. Но хранить планеры трудно. Это очень хлипкая конструкция. Хранить планер нужно в ангаре. Если их в массовом порядке производили весной 1941 года, то сохранить их под снегом и дождем до 1942 года было невозможно: планеры строили, но ангары для них не строили.

— *Они, в общем, одноразовые?*

— Ну, в принципе, да. Если у тебя есть тот, который садится на территорию противника, тот одноразовый. Однако Антонов пошел и дальше. Он создал надувной планер, который можно было сбросить туда, потом выпустить воздух, собрать в комок, погрузить на транспортный самолет, привезти и снова надуть. Так вот планеров, которые негде было хранить и которые не могли под открытым небом пережить зиму, наготовили бешеное количество как раз к весне 1941 года.

Советская промышленность и до мобилизации была рассчитана на выпуск в первую очередь военной продукции. У меня уже лет двадцать лежит незаконченная глава, которая называется «Необратимое чудо».

Глава вот о чем. Вот какой-то вязально-штопальный цех в Белоруссии на второй день войны вдруг начал производство плащ-палаток для армии. Немцы напали, и они сразу же начали производить плащ-палатки. Но ведь чтобы начать производство, нужно иметь запасы для этих плащ-палаток. Нитки зеленые, образцы, оборудование. Говорят, произошло чудо: началась война, и мы сразу же, мгновенно начали выпуск военной продукции. А с другой стороны — обратно это чудо у нас никак не получается. Стоит этот ВПК — и ни хрена, сколько ты ни бейся, конверторы там, государственная программа... Не получается взять и сделать так, чтобы военный завод выпустил что-нибудь для народа... Никак не получается. Война кончилась 60 лет назад, а военная промышленность мирную продукцию производить не может. Вот танки выпускать — пожалуйста. Самый большой самолет в мире — пожалуйста. В космос ракеты запускать — пожалуйста. А автомобиль построить — так это нужно спецзавод купить в Италии с образцами и оборудованием. А сами выпускать не можем. Тем более — перевести какой-нибудь военный завод на производство мирной продукции. Не получается...

* * *

— В начале тридцатых годов американцы спроектировали и оснастили оборудованием все советские тракторные заводы — Сталинградский, Челябинский, Харьковский... Реконструировали Кировский в Ленинграде. До этого Советский Союз не был в состоянии выпустить

хотя бы один собственный трактор. Пытались производить цельнотянутые «Фордзоны» в Ленинграде, но неудачно.

Казалось бы, благородное дело — обеспечение сельского хозяйства механизмами. Странно только, почему для того, чтобы помочь деревне тракторами, понадобилось сначала эту деревню разрушать, а людей гробить миллионами. Изначально сомнительно, чтобы Сталин для деревни старался.

— То, что тракторные заводы строились изначально как военные, — тут никаких сомнений. Да и почти 600 тысяч автомобилей для армии должны были выпустить (и выпускали) заводы, тоже построенные американцами.

— Никогда не встречал цифр тракторов, поставленных в сельское хозяйство в тридцатые годы. Но вот в статье Михаила Мельгюхова «Преддверие Великой Отечественной войны» обнаружил такие данные: по плану мобилизации 1941 года «после мобилизации численность вооруженных сил СССР должна была составить 8,9 млн. человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. — орудий и минометов, до 37 тыс. — танков, 22,2 тыс. — боевых самолетов, 10,7 тыс. — бронев автомобилей, около 91 тыс. — тракторов и 595 тыс. — автомашин». То есть, тракторов в войсках предполагалось иметь в 2,5 раза больше, чем танков. Какова роль тракторов в армии?

Ответ тут очень простой. Опубликован дневник Гальдера, начальника штаба сухопутных войск Германии. Он там пишет: «Хорошо русским. Их артиллерия имеет тракторную тягу, а мы на конях». Есть фотографии, где наши тракторы вытягивают застрявшие в грязи немецкие автомобили. Те тракторы, которые были нами брошены, немцам оченьгодились. Трактор

очень широко использовался в качестве артиллерийского тягача.

— *Тухачевский в одном из писем Сталину предлагал десятки тысяч тракторов второго эшелона одеть в броню и пустить вперед в качестве тихоходных танков...*

— Да, я как раз об этом сейчас пишу. Ну это технологическое варварство.

— *Читая «Последнюю Республику», обратил внимание на такую вещь. Там говорится о количественном и качественном соотношении немецких и советских танков. Приводятся доказательства того, что советские танковые войска были намного сильнее немецких — и количественно, и качественно. И возникла такая мысль — трудно допустить, что немецкие конструкторы были просто глупее и слабее советских...*

— Конечно. Военные конструкторы решают задачи, которые перед ними ставит военное руководство.

— *Получается, что перед немецкими конструкторами до 1942 года просто не ставилась задача создать танки, способные захватить Советский Союз и противостоять советским танковым войскам. Притом эти самые немецкие танки — в малом числе, легкие, с противопульным бронированием, вооруженные пулеметами или пушками небольшого калибра — блестяще выполнили те задачи, которые перед ними были поставлены до 1941 года. Захватили Францию, захватили другие европейские страны. Роммель с ними в Северной Африке довольно успешно воевал. И при этом не было жалоб на техническое несовершенство танков. Проблемы выявились только в 1941 году, после нападения на СССР.*

— Да, конечно.

— Вот. Получается, что не собирался Гитлер заранее ни под каким видом воевать с Советским Союзом. Не планировал, в отличие от Сталина, нарушать пакт Молотов — Риббентроп. А если бы планировал, то и начал бы с подготовки войны против СССР, причем еще до заключения пакта, а не годом позже. Не пытался бы всеми силами захватить островную Англию, от которой пользы — в смысле завоевания жизненного пространства, — как от козла молока. Тем паче когда с СССР — общая граница. Еще один аргумент в пользу спонтанности, превентивности нападения Гитлера на СССР.

— Получается, что не собирался. Если бы изначально существовали планы завоевать СССР, хотя бы европейскую часть, то и танки следовало бы разрабатывать соответствующие. По мощности, морозостойкости... Просто чтобы суметь дойти до Урала в один прием.

«Записки освободителя»

— *«Записки освободителя», на мой взгляд, одна из лучших ваших книг с литературной точки зрения. Я ее довольно часто перечитываю. Она была написана первой?*

— Да. Первой. Очень долго я ее пробивал. Вышла она в 1981 году.

— *А почему — первой? «Ледокол» ведь задумывался раньше.*

— Да. Но когда я убежал, мне на что-то надо было жить. Я хотел быть независимым человеком. И сразу же взялся за «Ледокол». Но чтобы написать его, мне нужно было найти где-то около 400 книг советских генералов. Я их знаю, читал, но они все остались там, в Советском Союзе. Их где-то нужно было достать в Великобритании. В то время это было довольно трудно. Все это нужно было найти, прочитать и цитатки все переписать, вырезать, наклеить.

А «Освободитель» — это то, что я мог сделать сразу, быстро, и обеспечить себе более-менее финансовую безопасность, чтобы сесть и писать «Ледокол». Потому что идея в голове — это одно, а написать книгу, для того чтобы немножечко встряхнуть ученый мир, — это же не так просто.

— Мне представляется, что все ваше творчество делится на три темы. Это армия как таковая, все, что с ней связано, это «Аквариум» как таковой, ГРУ и разведка, и военная история, все, что связано со сталинскими делами.

— Я делю тоже на три части, но несколько по-другому. Для меня «Аквариум», «Освободитель» — это одно. Затем мои романчики, которые я тоже люблю, — «Контроль», «Выбор». И третье — чисто военная история. Это и «Ледокол», и «Очищение», и другие.

— Есть вопрос, интересующий практически всех читателей. Как ваша биография соотносится с тем, что написано в «Освободителе»? Насчет крестьянского происхождения — это вряд ли.

— Да, колхозным шофером я никогда не был. И арбузами не торговал. Но сцена из «Освободителя», как в Днепр сливают удобрения, взята из жизни, это происходило на моих глазах, я все это видел, так что такое не придумаешь. Там все правда.

Это же типичнейшая советская ситуация. Подходит ленинский юбилей. К этому юбилею все берут социалистические обязательства, экономят. Наэкономили, произвели лишние удобрения. Вот они их произвели, а что далее с ними делать? У нас же плановая система, куда их девать? Кому они, к черту, нужны? Хранить? Тары нет. Запланированы вот такие мощности на хранение, больше нет. Что делать? Секретарь обкома понимает — завод вот-вот остановится, а этого допускать нельзя. Секретарь обкома бьет тревогу по колхозам. «Вывозите!» Дается разверстка, кому сколько вывозить. Ну, сколько цистерн в колхозе может быть? Обычно три: одна под молоко, другая — под воду, третья — под бензин. Колхоз находится в

70 км от города, к примеру, Черкассы. И сколько же дней придется возить эти удобрения, если тебе расписали 200 тонн? Вот все это и сливалось в Днепр. И все это делалось на моих глазах. Милиция что-то там записывала, но что же делать?

Когда я говорю о себе как об антисоветчике, это значит, что я понимал, что система неправильна в корне. Особенно побывав на Западе. Я понимал, что там это невозможно, а у нас — возможно.

Теперь — о себе. Отец мой был офицером. Вступил в войну 23 июня 1941 года, а подняли его по тревоге 13 июня 1941 года.

— *Где он тогда был?*

— Он был под Киевом, в 140-й стрелковой дивизии. Мы с ним долго спорили по поводу начала войны. Я ему как-то предложил: «Давай я тебе расскажу, как ты в войну вступал». Он говорит, что, мол, давай, расскажи. И я ему рассказал такую историю.

Вечером 13 июня прозвучало сообщение ТАСС о том, что мы не собираемся нападать на Германию. Так? Он говорит: «Так». А ночью вас подняли по тревоге. Было такое? — «Было». И дали приказ забрать с собой только такое, что необходимо для жизни и боя. Было такое? — «Было. Правильно». И к вечеру потянулись колонны. 140-я дивизия пошла вперед. — «Так». А женщины стояли и плакали. — «Да, плакали».

Вот тут он мне начал верить. А я это просто вычислил. Совсем неподалеку там находилась 200-я стрелковая дивизия полковника Людникова, Ивана Ильича, который впоследствии стал генерал-полковником, Героем Советского Союза и героем Сталинграда. Вот он и описывает это все. Но если он так описывает, то так было

и с другими соединениями. У нас ведь так: если в одном колхозе нет семян, то можно с абсолютной точностью утверждать, что в соседних колхозах тоже нет семян! Если карбюраторов на машину, допустим, ГАЗ-51, в нашем колхозе не хватает, то можно с уверенностью предполагать, что во всех соседних колхозах — та же самая проблема. Если в Москве воруют «дворники» на «Жигулях», то можно предположить, что в поселке Барабаш Приморского края тоже снимают с «Жигулей» дворники. Если 200-я дивизия была поднята и пошла, то с соседней 140-й должно было быть то же самое. Вот я ему это рассказал, и он мне поверил. А потом он мне еще многое что рассказал...

Так вот, воевал он с 23 июня 41-го по 9 мая 45-го, а потом еще всю японскую войну. Имел четыре ранения и очень тяжелую контузию. В 1954 году эта контузия на нем сказалась, и у него полностью отнялась речь. Его привезли из Хасана, где стоял зенитный полк, в Барабаш. Отвезли в Хабаровск. Всяческими методами пытались вернуть ему речь. Месяц-два. И тогда один врач сказал ему: «Давай сделаем так. Я тебе буду делать уколы. От них ничего не будет, кроме боли. Тебе будет очень больно, а ты постарайся орать». Так и вылечил. Там, на Дальнем Востоке, он воевал, там и остался до 1957 года.

— *Какое у него было последнее звание?*

— Майор. Оттого, что на фронте он воевал, а родители его были под оккупацией. А раз они были под оккупацией, значит, в Академию поступать нельзя. Вот и все.

— *А училище он окончил?*

— Да. Вся его история полностью укладывается в

«День М». Окончил он школу и в 1939 году поступил в Днепропетровский металлургический институт, тогда очень знаменитый. Проучился недели две, и была введена всеобщая воинская обязанность, по которой все, кому 18 лет (а он с 1921 года), призывались на службу. Когда его забрали, а тогда всех пацанов забрали, остались на курсе одни девчонки. Они скинулись и купили ему фибровый чемоданчик. С этим чемоданом он и пошел служить в армию. Отслужил год, и ему говорят, что ты, мол, хороший боец, вот теперь пойдешь в офицерское артиллерийское училище. В Киеве. Один год. Окончил он училище, и отправили его на стажировку в 140-ю дивизию (курсантом-стажером). И должны были присвоить звание в июле-месяце.

13 июня объявили тревогу. Дивизия уходит вперед, приказали все вещи бросить. Вроде чемоданчик этот брать было нельзя. Но он, как сам говорит — «со злости», взял этот чемоданчик и нанизал его на кол, оставшийся после снятия палаток.

Воевали они, воевали, очень быстро он стал командиром батареи. Потому что он год служил в артиллерии и год учился в офицерском училище (это был ускоренный курс). Но, несмотря на то, что он уже полный курс окончил и с математикой у него было очень хорошо, он все еще оставался курсантом. А тут полно неграмотных ребят, обучавшихся срочно, по три месяца, но получивших младших лейтенантов, — и те, неграмотные, обращались к нему за помощью, говоря: «Командуй нами». Вышли они из киевского окружения, воевали под Москвой. У него медали «За оборону Киева» и «За оборону Москвы». Под Москвой из 150 человек их выпуска нашли двоих и присвоили им лейтенантские звания.

Так вот, на Дальнем Востоке высоко он не пошел, оттого что окончил только одногодичное училище. А после войны — армия огромная, офицеров девать некуда: все они за войну поднялись в званиях! После войны нужно было обязательно попадать в академию. Тот, кто в Академию попал, тот будет расти. Но тех, у кого родители были на оккупированной территории, не брали, только Героев Советского Союза. Отец — украинец, а Украина вся была под оккупантами. Кроме того, у него было очень тяжелое ранение.

Поступил я в суворовское училище в 1957 году, мне тогда было 11 лет.

— *Где было училище?*

— В Воронеже.

— **Поступление в суворовское училище — это была удача?**

— Конечно.

— *Почему?*

— Это было очень серьезное образование. Воронеж был сильно разрушен. Он же был разделен между воюющими. На одной стороне улицы были немцы, а на другой — наши. Там еще речушка протекала, на которой, кстати, Петр I свои корабли пускал. Они потом до Азовского моря дошли.

Вот этот райончик — «Придача» — оставался советским. Там был комплекс старых зданий, которые при царе Николае специально возвели для штрафного батальона. Поскольку Воронеж был разделен между немцами и нашими, городскую библиотеку вывезли на «нашу» сторону и разместили в тех зданиях. Они усто-

яли под огнем. Стены там непробиваемые. Нечто среднее между кондовой николаевской казармой и каторжным централом. 19 декабря 1943 года по приказу товарища Сталина тут разместили Воронежское суворовское военное училище. Только кое-где решетки с окон спилили. Весь город был на правой стороне, но там одни руины. Потом город восстановили, а о библиотеке забыли.

Лет десять после войны строили новую областную библиотеку и собрали для нее новый фонд. А старый книжный фонд так и остался на левой стороне в нашем училище. Книги старые лежали мертвым грузом. А библиотека богатейшая, с дореволюционными фондами. В ней же были такие книги — что-то невероятное. В ней, например, была «Божественная комедия» Данте, очень старое издание с такими гравюрами! Словом, в этой библиотеке были настоящие сокровища! Но нам выдавали то, что требовала программа обучения и политотдел. Чтобы получать там то, что хочется, нужно было иметь хорошие отношения с сотрудниками библиотеки. Я такие отношения установил и имел к сокровищам доступ. На руки их не давали, можно было только читать в огромном читальном зале.

— Прозвище, которое стало позднее псевдонимом, там было получено?

— Ну, я был и Бонапартом, и Кутузовым, а потом как-то услышал и свой будущий псевдоним. Сейчас какой-нибудь полковник ГБ, который меня в детстве не знал, может писать обо мне черт знает что, в том числе и о моем псевдониме. Это подтверждает только то, что нет у вас, ребята, пороха в пороховницах! Ведь если вспоминать, кого какой кличкой в детстве дразнили, и тем упрекать...

Это говорит о том, что у таких критиков вообще ничего нет за душой. А клички у меня всегда были хорошие...

Дело было так. Принимали в суворовское училище с 11 лет. И там было 11-летнее обучение, в то время как в обычных школах — 10-летнее. Учили очень хорошо. Допустим, язык иностранный изучали в группах по 10 человек. И каждый день. Различие с обыкновенной школой немалое! Если в обычной школе сидит в классе 30—35 человек, то в нашем училище — в три раза меньше. После окончания училища можно было идти работать военным переводчиком, это уже о чем-то говорит!

— *Суворовское училище давало среднее образование?*

— Да. А для того чтобы стать переводчиком, необходимо было сдать особый экзамен.

— *Язык был немецкий?*

— Да, язык был немецкий.

— *А дальше, после училища?*

— Следует сказать еще вот о чем. Деньги на суворовские училища тогда тратились колоссальные. Это были действительно элитные учреждения. Вот посмотрите. В армии командир взвода — это лейтенант или старший лейтенант. Командир роты — капитан. В военных училищах и в учебных дивизиях взводный — это капитан, ротный — майор. Командир батальона — это уже подполковник. В суворовском училище: рота — три взвода по 25 кадетов в начале обучения, 75 в роте, а перед завершением нас осталось 50. Командиры взводов в суворовских училищах (как нигде более) — майоры, командир роты — подполковник. Заместители начальника училища — полков-

ники. А сам батя — генерал-майор. В каждой роте кроме подполковника и трех майоров — еще четверо сверхсрочников — прапорщиков в современном понимании — старшина роты и три заместителя взводных. 75 кадетов, принятых в этом году, — первая рота. На следующий год она получала новый номер — вторая. И так до седьмой. Седьмая рота — самая уважаемая: выпускники. Шестая — предвыпускники. Когда мы первогодки встречали кадета пятой роты, то обязаны были его приветствовать: «Здравия желаю, товарищ предпредвыпускник!» Ребята были хорошие. А отношения... Каждый старший по году обучения считал всех младше себя своими рабами, а тот, кто постарше его, считал и его и всех равных ему или ниже — своими рабами. И так далее... Но отношения эти были не хамскими, а аристократическими. Вассальная зависимость.

Жизненная школа была потрясающая. Тот, кто не мог жить в коллективе, тот вылетал. Дойти до седьмой роты — это что-то значило. И если ты подлец, мерзавец, сволочь, то ты до седьмой роты не дошел бы никогда! Забили бы, к чертям! Порядки были очень жесткие... Но с 1960 года в суворовские училища уже никого не принимали.

— *Почему?*

— В 1961 году началось их сокращение, и срок обучения свели к трем годам.

После 1960 года прекращается набор. Выпускная седьмая рота завершает обучение, уходит. Все поднимаются на ступеньку вверх, а первой роты больше нет. Ее не набирают. Как в школе без первого класса. На следующий год нет уже и второй роты. И тогда все училища сокращаются, расформируются, кроме некоторого мало-

го числа, а все роты — в полном составе вместе с командирами — переводятся в разные остающиеся училища. После этого в 1963 году в нашем училище осталось три роты — седьмая, шестая и пятая. И эти три роты отправляют в город Калинин, Воронежское училище было ликвидировано.

Одна рота была выпущена в 1964 году, моя рота — в 1965, и в следующем — последняя.

Я все это рассказываю потому, что отец мой попал под «хрущевское» сокращение 1959—1960 годов. Из армии его изгнали. Насчитали пенсию за все годы службы — 27 лет, и он пошел наниматься на работу. Нанялся администратором кинотеатра в г. Черкассы

Недавно вышла очередная книжка, так там автор, полковник Анатолий Терещенко, пишет про меня, что «папочка устроил его в суворовское училище». Думаю, мать твою иттить, в суворовские училища принимали тогда очень и очень серьезно: проверяли и здоровье, и развитие, а военных было тогда, как собак нерезаных, полковников и генералов. Так что какому-то майору «устроить» своего сына было совсем не просто!

Там еще есть, что я провалился в суворовском училище Воронежа, и мой «папочка» (автор так и пишет!) перевел меня в Калинин. Администратор кинотеатра в г. Черкассы, оказывается, может перевести сына в Калинин... И чтобы мне не было скучно, мой папочка перевел со мной еще три роты из Воронежа в Калинин. В полном составе! Гэбэ. Что с него возьмешь!

Дело вот в чем еще. В Московском военном округе было три суворовских училища: Московское, Калининское и Воронежское. И на парад ходили так. Пешее прохождение закрывали три училища: Московское, после

него — Воронежское или Калининское, ездили по очереди, и Ленинградское нахимовское (мы называли его курсантов «нахимозами»).

Когда еще существовало Воронежское суворовское училище, его кадеты ездили в Москву на первомайский парад, а на ноябрьский — Калининское. А когда Воронежское расформировали, то Калининское суворовское военное училище стало ездить в Москву и на майский, и на ноябрьский парады.

— *И документально это подтверждалось?*

— Да, конечно, выдавался документ о том, что я был участником парада, и так далее....

Эти парады — есть о чем вспомнить. На пересыльном пункте мы жили рядом с «нахимозами», между нами был маленький заборчик. Они себя называли «питонами». Мы — «кадеты».

— *Это что, официально?*

— Нет. Официально — суворовцы. Кстати, этот же полковник пишет, будто он бывший воспитанник этого суворовского училища. Он и близко там не был и не представляет себе, что это такое. Никаких воспитанников у нас не было. Воспитанники — это в полковом музвзводе. У нас официальное название — суворовец, а сами себя называли кадетами, за что начальство нас преследовало.

Так вот, парадная «коробка» — 200 человек. Когда я учился во второй роте, мы ходили на параде в Воронеже. Был тогда Воронежский военный округ, потом его ликвидировали и стал Московский. А старших кадетов возили на парад в Москву.

Подготовка к параду — месяц на месте, допустим, в Воронеже. А на месяц вывозили в Москву. А там.... Подъем, утренний осмотр, завтрак, потом вывозили на два-три, иногда на четыре часа на Центральный аэродром, где подготовка шла. Там же и техника вся. И войск — видимо-невидимо. Завершали всегда три батальона: московский, наш и ленинградский питонский. После этого возвращаемся.

Кстати, я находился на Красной площади, когда из мавзолея выносили Сталина. Привезли нас ночью на последнюю тренировку к параду. Проводится она на Красной площади. Привезли, поставили задницами к мавзолею. Стояли мы и все войска так, а потом нам сказали, чтобы мы ехали домой. Нам назначили целых три ночных тренировки, но одна из них оказалась холостой.

Каждый вечер нам крутили фильмы, хорошие фильмы. Приезжали к нам артисты, в том числе и высокого ранга. И на «Мосфильм» возили. То есть этот месяц во время подготовки к параду (я был на четырех парадах) давал очень большую духовную подпитку. Например, предлагали поездку на Новодевичье кладбище. Все мы заныли: кладбище, ну что там интересного? А наш взводный говорит, что, мол, съездите, ребята, не пожалеете. И не пожалели! Господи, сколько впечатлений! И могила Гоголя, и могила жены Сталина...

— Теперь давайте поговорим о военном училище. В «Освободителе» есть потрясающая глава про «губу», куда главный герой-курсант попадает. Что собой представляло в то время военное училище?

— Училище называлось Киевское высшее общевойс-

ковое командное дважды Краснознаменное училище имени Фрунзе. Находилось оно в Одессе.

— *В Одессе?*

— Да-да, в Одессе. Перед тем как я закончил училище в Калининe, вызвали меня в штаб. Сидят какие-то два дяденьки. А нам, оканчивающим училище, выдали списки, куда мы можем поступать. Мой выбор пал на Харьковское гвардейское танковое училище, которое по «Освободителям» и проходит.

Однако тут требуется отступление. Как видите, одно с другим в моем рассказе так «сцеплено», что трудно сохранить последовательность. Вернемся к хрущевскому сокращению. Когда Хрущев сократил армию и выгнал миллион двести тысяч человек, был разогнан кадровый состав. В армии постоянно нужно менять кадровый состав — кто-то отслужил, кому-то следует выходить на пенсию и т. д.. Но возникли трудности из-за того, что никто в военные училища идти не желал. Непривлекательно было. Моего отца, например, сначала выгнали, как пса, потом только разобрались и насчитали ему пенсию.

Так вот, после хрущевских перетрясок в армию никто не хотел идти. Нужно было чем-то привлекать. И большинство военных училищ, в которых ранее учились всего три года, стали делать «высшими», вводя более-менее привлекательные направления — радиотехнические, артиллерийские и пр. А танковые переводили на новую ступень в последнюю очередь. Поэтому я так прикинул, что есть общевойсковые командные училища и танковые — большой разницы между ними не было. Правда, первое было высшим, а танко-

вое — обыкновенным. Зачем же мне идти в обыкновенное? По книге я учусь в Харьковском гвардейском танковом.

Общевойсковые училища были — Московское, Ленинградское, Одесское, Новосибирское, Бакинское, Ташкентское. Одесское было несколько особое. И перед тем как выпускать из СВУ, меня вызвали в штаб. Какие у тебя выборы, говорят те самые двое в гражданском. Я отвечаю, что выбрал Московское или Ленинградское высшие общевойсковые командные училища. Они и говорят: «Мы тебе рекомендуем поступать в Одесское». Я говорю: «А что, разница есть какая-то?» Они говорят: «Да, есть разница». Я прикусил язычок, думая, раз советуют, значит, что-то в этом есть. Можно, конечно, спросить, а какая, мол, разница. Но раз не говорят.... Они еще мне сказали, что училище переводится в Киев.

Перевод обусловлен был вот чем. Одесское общевойсковое командное училище было, скажем так, обыкновенным. Но в то же время оно находилось под патронажем Главного разведывательного управления. Это означает, что там были особые отношения. В Одесском училище был один факультет, на котором готовили террористов из Анголы и других стран, революционных бойцов. В 1965 году этот факультет разросся до того, что ему отдали все училище, а остальных — русских ребят, которые там учились, — перевели в Киев.

Почему в Киев? Это было вызвано тем, что в Киеве находилось ракетное училище. Никита Хрущев развернул огромное количество ракетных училищ, а их столько не потребовалось. Училище, которое находилось в Киеве, называлось ККТУ — Киевское команд-

но-техническое училище. Носили ребята танковые эмблемы. В 1965 году ККТУ сделало последний выпуск. До него там же находилось Киевское объединенное училище самоходной артиллерии. Потом, где-то в начале 60-х годов, там развернули ракетное училище. Начальником училища был генерал-майор артиллерии Мухачев, один из основателей наших ракетных войск. Он везде проходит по истории наших ракетных войск. Часть командного состава осталась от ККТУ, остальных разогнали, учебные площади остались, и всех советских курсантов из Одессы перевели в Киев. В Киев училище переехало в 1965 году, летом, и я туда приехал поступать.

Так вот, Киевское училище, 2-й, 3-й, 4-й курсы, — все были из Одессы. На стенках в туалете писали: «Лучше Одесса с триппером, чем Киев с каштанами».

Все такого рода училища были одинаковыми, но Московское было с уклоном на показуху. Если кого-то нужно было куда-то вести, показать, как у нас строевым шагом ходят, какие у нас казармы, то его ведут в Московское высшее ордена Ленина Краснознаменное общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Слава богу, я туда не попал. Ленинградское училище было с физическим уклоном. Там было все такое же, но очень сильно нажимали на спорт. Если нужно было показать, что, мол, вот у нас курсанты и в баскетбол, и в хоккей играют. И так далее.

А Киевское училище готовило разведчиков. Командиров разведывательных подразделений.

В каждой дивизии есть разведбат. В каждом танковом и мотострелковом полку кроме того — собственная разведрота. Все это — тактическая разведка. Вот в нее нас

и готовили. После училища было три пути: командиром танкового, мотострелкового или разведывательного взвода. Все это смежные профессии. Одно без другого жить не может. И в ходе службы можно было с мотострелкового взвода попасть на разведывательную роту, а потом на танковый батальон, и т.д.

Кадеты поступали сразу на второй курс. Семь лет кадетки вполне покрывали первый курс. А первый курс был в те времена запредельно зверским. Первый курс учился не в училище, а в учебной дивизии в Николаеве. В учебке тогда за полгода готовили сержантов. Так вот, курсанты первого курса в те годы носили солдатские погоны и проходили весь цикл подготовки сержантов в учебной дивизии. Через полгода солдатики получали лычки и уходили в войска, а курсанты-первогодки повторяли весь цикл обучения еще разок с самого начала, то есть они курс учебной дивизии проходили дважды. Только после этого получали погоны курсантов и продолжали учебу на втором курсе. И вот в их состав вливали кадетов. Получался батальон второго курса с примерно равным количеством кадетов и «мишек». Некоторым самым злым «мишкам» на втором курсе вешали лычки, и они командовали. Кадетам сержантских званий не давали. Знали, что кадет кадетами командовать не станет. У нас свои понятия. Дисциплина была не как в учебной дивизии, но и гуманизмом тоже не пахла. С нашим братом кадетом обращение было выработано еще при товарище Сталине. Рога обламывали быстро. Разница в том, что мы теперь были под присягой. Со всеми вытекающими. Некоторые наши кадеты первым делом решили с «мишками»-сержантами разобраться. Но уже через две недели троих

наших судили трибуналом, дали по году дисбата, а дисбат в срок службы не входит. После того — оттяни полный срок рядовым в мотострелковых войсках. Один из них — Витя Пискунов решил и в дисбате права качать. И загремел по зонам котелками.

Тот, кто хотел учиться, в общевойсковом командном училище мог получить весьма мощный заряд знаний. Я окончил это училище с отличием.

«Аквариум»

— *Автобиографический роман «Аквариум», опубликованный впервые в 1991 году, — первая книга, которая принесла известность Виктору Суворову. Рассказ о ГРУ — совершенно таинственной советской военной разведке — привлек общее внимание и во многом предопределил будущее исторических книг Суворова. Когда был написан «Аквариум»?*

— Я начал его писать сразу же, как только убежал. Это было в 1978 году.

— *«Аквариум» был первой опубликованной книгой?*

— Нет. Первая книга была «Рассказы освободителя» — об армии и о походе в Чехословакию. «Рассказы освободителя» вышли в 1981 году. Была еще книга «В Советской Армии»: Она вышла на английском в 1982 году и никогда не публиковалась по-русски. В 1984 году вышла книга «Советская военная разведка», она тоже никогда не выходила по-русски. Потом появился «Аквариум» — в 1985 году на английском языке. А «Ледокол» никогда не издавался за рубежом по-русски. Не удавалось. Всевозможные «Посевы» уклонились от этого...

— В «Аквариуме» есть эффектный, производящий на всех бешеное впечатление пролог. Там главному герою показывают фильм о сжигании живьем полковника-перебежчика. Это все — с натуры?

— Такое вряд ли можно выдумать.

— А зачем это было надо?

— Сами подумайте, человека отправляют за границу на ответственнейшую самостоятельную и секретную работу, где помимо прочего приходится иметь дело с огромными деньгами. Как гарантировать его верность? Деньгами невозможно, не те зарплаты. Коммунистической идеологией? На это клюют только дураки, а дураков в разведку не берут. Любовью к Родине? Родину мы любили и прекрасно понимали, что с нею творят власти. Как раз любовь к Родине и могла толкнуть на самые решительные и неожиданные поступки. Оставалось запугать.

— А фильм был настоящий?

— Не знаю, но нам его показывали.

— Где вы учились?

— Я был сначала принят на третий факультете Военно-дипломатической Академии ГРУ, но учился на первом. Собственно говоря, это учебное заведение имеет три названия. Несекретное — военная часть 35576. Секретное название — Военная академия Советской Армии. Оно обозначено у меня в дипломе. В документах с грифом «совершенно секретно» употреблялось название Военно-дипломатическая академия Советской Армии.

Первые два факультета академии — это стратеги-

ческая разведка, работа за границей. Третий — это агентурная разведка, но не стратегическая, а оперативная.

— *Что это означает — оперативная разведка?*

— Центральное ГРУ занималось стратегической разведкой. Но кроме того, было еще 16 военных округов, 4 флота и 4 группы войск. Двадцать четыре мощные военные структуры, каждая имела свой собственный штаб. В штабе первое управление планировало боевые действия, то есть будущую войну, а второе управление поставляло необходимые сведения. Над всеми стояло ГРУ — наверху, а под ним 24 РУ — разведуправления.

Каждое разведуправление имело различные силы и средства разведки. В каждом штабе взаимодействовали два механизма, две структуры — операторы и разведчики. Есть в штабах много других управлений и отделов, но операторы и разведчики — ядро любого штаба. Первые планируют, вторые — поставляют сведения.

Все округа имели разные виды разведок — авиационную, войсковую, радиотехническую, специальную (спецназ) и пр. Но в каждом округе была агентурная разведка. Кадры для них готовил третий факультет. Эта разведка была для работы за рубежом с территории СССР и дружественных ему стран.

Так, в ГСВГ — Группе советских войск в Германии — была своя агентурная разведка, направленная на работу в Западной Германии. Агентуру вербовали среди туристов, моряков, родственников жителей Восточной Германии и пр. Северная группа войск в Польше имела свою агентурную разведку, которая вербовала свою агентуру в Западной Германии, Дании и пр. В Центральной группе войск в Чехословакии была своя разведка и т. д.

С такими же задачами работали агентурные разведки всех округов. К примеру, Приволжский военный округ в случае войны формирует одну армию, которая направляется либо на Запад, в Германию, либо против Китая. А в мирное время разведуправление Приволжского военного округа добывает необходимые сведения, причем агентурная разведка у округа своя, пусть не с такими возможностями, как, например, у разведки группы войск в ГДР, но все же... Агентуру округ вербовал и имел «для себя» и на Западе, и на Востоке.

Итак, третий факультет — агентурная разведка оперативного уровня.

Оперативное искусство было впервые придумано в СССР в 30-х или даже раньше, в конце 20-х годов. Греки делили военное искусство на два уровня: стратегический и тактический. На холме, скажем, стоит полководец. И все, что он видит, — это тактический уровень. А все, что выходит за пределы его видения, — стратегический уровень.

Однако в самом начале XX века русские первыми выявили нечто еще и иное, чем просто тактика и стратегия. В Мукденском сражении, например, обнаружено было, что на огромных территориях многодневные действия уже не подлежали тактическому анализу, великовато для тактики, но и до стратегии еще не «дотягивает». Тактика — это действие полка, дивизии. Россия жила своей жизнью, а война была где-то далеко, не сказывалась на жизни страны. То есть и стратегией это не назовешь.

Или Фолклендский конфликт Великобритании и Аргентины. К чему это отнести — к стратегии или тактике? Силы были задействованы большие, да еще и на другой части земного шара. Много для тактики, мало до страте-

гии. Потому возник промежуточный уровень — оперативное искусство.

Потому советское военное искусство было разделено на три уровня — тактика, оперативное искусство, стратегия. Разведка — это один из видов боевого обеспечения. Соответственно она делится на тактическую, оперативную и стратегическую.

Командные кадры для тактической и оперативной разведки готовили многие военные училища и военные академии: Военная академия им Фрунзе, Бронетанковая, Связи и прочие. Этим же занималось и Киевское высшее общевойсковое командное училище им. Фрунзе, которое я в свое время окончил.

Но вот офицеров для агентурной оперативной разведки готовили только на третьем факультете Военной академии Советской Армии.

Итак, существуют три уровня военной разведки: тактическая, оперативная и стратегическая. Я последовательно прошел все три уровня с самого низа до самого верха.

В Академии Советской Армии первый и второй факультеты готовили офицеров для стратегической агентурной разведки, третий факультет — для оперативной агентурной разведки. Оперативная агентурная разведка — это вербовка агентуры с территории СССР и дружественных стран. Оперативная разведка — это для армий, флотов, флотилий и фронтов. В мирное время — для военных округов... А стратегическая агентурная разведка вербовала свою агентуру по всему земному шару, прежде всего с территории супостата.

— *А был еще четвертый факультет?*

— На четвертом учились наши «братья младшие по

классу». Непосредственно в Академии находились только второй и третий факультеты.

На первом факультете, на котором я учился, и на четвертом все курсы были разнесены по всей Москве. Восточных немцев обучали отдельно от поляков, чехов и т. п. Поступаете на первый курс и учитесь на данной точке. На этом же месте учитесь на втором, третьем курсе. Где учатся остальные — вам не ведомо. К тому же, второй курс не контактировал с первым, третий — со вторым и т. д., чтобы не было раскрытия неожиданностей обучения.

Обучение таит в себе множество сюрпризов. Лучше для обучающихся не знать, что их ждет на последующем курсе.

— *Сколько было курсов?*

— Три.

— *В «Аквариуме» сказано, что вы учились пять лет.*

— Правильно сказано. Основной курс академии — три года. Однако существует «предварительный», он же «проверочный» курс — один год. И «завершающий» — тоже один год, это уже после окончания, после выпускного вечера и получения диплома. Предварительный — не в Москве, а в одном из 24 разведывательных управлений штабов групп войск, военных округов и флотов то есть в оперативной разведке. Через предварительный курс пропускали не всех, а примерно половину кандидатов в Академию. Тех в основном, кто был молод и зелен. Я был самым молодым на курсе. Был лейтенантом. Через предварительный курс я прошел. Это год очень серьезной подготовки. Но это пока еще не Академия, хотя я учился по ее программе и под ее контро-

лем. Брали в академию капитанов, майоров, иногда и подполковников. Людей с большим военным и жизненным опытом через предварительный курс не пропускали.

Я, к примеру, работал в разведуправлении Приволжского военного округа. С одной стороны — это обычная служба. С другой — я кандидат в Академию, о чем знали мои непосредственные начальники. У меня была очень жесткая индивидуальная программа обучения. После этого года спрос был совсем другим: ты работал год в оперативной разведке, многое узнал — отчитайся. После этого года могли вернуть в войска — ты нам не подходишь. Могли отправить на третий факультет, то есть на факультет оперативной разведки, или поднять выше на первый или второй, то есть на стратегический уровень. После предварительного курса я сдал экзамены, и меня приняли на самый главный факультет — первый, то есть на факультет стратегической агентурной разведки.

После завершения академии следует год окончательной подготовки. Это уже не академия, хотя учеба продолжается. Это окончательная шлифовка на рабочем месте. Те, кого посылают под журналистское прикрытие, получают место в крупной газете. Те, кого посылают под прикрытие гражданской авиации, получают работу в Аэрофлоте, и т.д. Они выполняют свои служебные обязанности, а по вечерам, выходным дням осваивают специфику агентурной работы в данных конкретных условиях. Заключительная шлифовка в принципе продолжается один год по сугубо индивидуальной программе. Человек работает год, а то и больше, приходит на работу «легендированным». Только после этого следует первый выход за рубеж. Однако никто не был га-

рантирован от внезапных перемен. После окончания первого или второго факультета можно снова попасть в оперативную разведку, если до стандартов стратегической не дотягиваешь.

Такого возвращают туда, откуда он пришел, то есть посылают в какой-нибудь округ.

Посылают тебя, например, в Закавказский военный округ. У него есть сопредельные страны, например, Турция. И ты в оперативной разведке занимаешься вербовкой агентуры в Турции, находясь на территории Советского Союза. Кое-кто, окончив третий факультет, поднимался к нам. Такая ротация иногда бывала. Предварительный курс был обязателен не для всех, а примерно для половины.

После этого три курса обучения, потом давалось прикрытие, к примеру, тот же Аэрофлот. Конечно, это для тех, кто был еще до поступления в Академию связан со стратегической авиацией и мог легко освоить все стороны работы в «Аэрофлоте». Бывшему подводнику дают прикрытие — Морфлот. И так далее.

А кое-кто после третьего факультета поднимался к нам, в стратегическую разведку. Год заключительной шлифовки мог растянуться на несколько лет и даже на всю жизнь. Были хорошие ребята, которые вполне успешно работали в Центральном аппарате, но так ни разу и не были выпущены на самостоятельную охоту. Я отбыл в Женеву 24 октября 1974 года, то есть практически сразу после выпуска. Меня отшлифовали быстро.

На третьем факультете нет ни предварительного, ни завершающего курса. Я сдал экзамены на третий факультет. Понятно, не имея представления о том, что это такое. Но мне после экзаменов предложили сначала еще год проработать в штабе округа. Сказали:

после года работы в штабе с тебя будет другой спрос. Или мы тебя возьмем на 1-й или 2-й факультет или оставим на 3-м, как ты и был, забудем о годовой практике здесь же, или же ты пойдешь к чертовой матери. Иными словами, оставайся, как и есть, на третьем факультете, но есть возможность показать себя. Через год я сдал экзамены второй раз, и меня приняли на первый факультет.

Второй факультет готовил ребят в военные атташе. У второго и первого факультетов были почти одинаковые программы. Только те ребята в форме ходили, а мы — без формы. И работали на точках. А третий факультет ходил и в форме, и в гражданской одежде. Но их готовили для Советского Союза и «братских территорий», на которых они могли работать. Четвертый факультет готовил ребят из «братских» стран.

Первый факультет готовил добывающих офицеров и аналитиков, которые работают под прикрытием — различным, кроме военно-дипломатического прикрытия.

— Кроме военно-дипломатического? В смысле — кроме военных атташе?

— Да. Однако был, например, случай, когда половина моей группы готовилась на первом факультете, а пошли в военные атташе. Возникла необходимость, вот и послали. И наоборот, было и такое, что те, кто учился на втором факультете, посылались на работу под гражданским прикрытием. Прикрытия могли быть разными, военными или гражданскими, но работа — та же самая.

— Подготовка на первом и втором факультетах чем-то отличалась?

— В принципе, нет. Так, отдельные мелкие вещи... Допустим, в самом начале разрабатывалась тема «Добывание разведывательных сведений с использованием легальных возможностей». И мы едем на завод им. Лихачева. Едем в гражданской одежде, потом (после 6—7 часов шатания на заводе под придуманными «названиями» — архитекторы или еще кто) возвращаемся и пишем отчет с описанием предприятия. Через две недели нужно сдать сочинение под названием «Что я видел на заводе». И описать все, что видел, — где у них водоснабжение, кто у них директор, каким образом можно взорвать цеха... Как завод можно использовать в военной ситуации. У нас же любое предприятие с военным уклоном.

А у тех, кто учился на втором факультете, было посещение войсковой части. Отвезли их в Таманскую дивизию, там они шатались несколько часов, описали, какие там заборы, какой дурак командир и так далее. Что-то иное, но в принципе — то же самое. Разделение на первый и второй факультеты было, в общем, искусственное.

Моим личным прикрытием была чистая дипломатия. Для тех, кто оканчивал второй факультет, прикрытием были военные атташаты. За границу посылали на работу военными атташе. Ну, тут все свои, все друг друга знают. Потому что все из одного и того же места — из нашей Академии.

— *То есть фактически военные атташе — это гэрэушники?*

— Не столько фактически, сколько стопроцентно! Не существует другой организации, готовящей военных атташе и руководящей их работой. Только ГРУ.

У меня было прикрытие — международные организации ООН в Женеве. Постоянное представительство СССР при отделении ООН в Женеве — гражданское прикрытие. Там было множество международных организаций: Международная организация труда, Международная организация здравоохранения, Международная электротехническая комиссия, Международная метеорологическая организация...

После учебы мне сообщили, что будет подготовка в МИДе. Подготовка шла три дня. Мне сказали: зачем терять целый год? Где МИД? На Смоленской площади. Прекрасно. Кто министр иностранных дел? Товарищ Громыко. Прекрасно. И хватит. Бери чемодан — и вперед! Так у меня получилось всего четыре года, а не пять лет.

Обычно на это уходит один год. Вот почему я написал в «Аквариуме» о пяти годах, а может растянуться и на большее время. Бывает, тебя готовят, готовят, а выхода тебе нет. Готовят, к примеру, журналистом в Великобританию, а место твое еще не освободилось. И приходится ждать.

Поскольку я был в стратегической разведке, моим прикрытием была чистая дипломатия. Если направляют в военные атташе, то стажировются обычно в Отделе внешних сношений Минобороны.

Каждое управление ГРУ, а их было 12, имело свои направления. У меня было третье направление Первого управления Второго главного управления Генерального штаба. Второе главное управление — это ГРУ ГШ. Первое управление ГРУ — это агентурная разведка против Европы. Третье направление Первого управления — Франция, Швейцария и Бенелюкс.

Второе Главное Управление Генерального штаба, т.е.

ГРУ ГЩ, поставляет информацию. Оно состоит из управлений, руководимых генерал-лейтенантами. Управления состоят из направлений. Кроме того, были отдельные направления, которые не входили в Управления, а подчинялись прямо начальнику ГРУ. Во главе направлений стоят генерал-майоры. Четыре первых Управления ГРУ — добывающие.

1-е направление ГРУ — очень мощное. Командовал им генерал-майор Борис Михайлович Александров. Ему подчинялись все, кто окончил академию и готовился к выходу за рубеж. Все выпускники академии, готовые ехать за рубеж, «кантовались» в этом направлении. Если ты, например, вернулся из-за рубежа и для тебя не оказалось места в штате ГРУ, то ты «оседал» в 1-м направлении и работал по своему прежнему прикрытию. К примеру, я при возвращении продолжал бы работать в МИДе, но подчинялся генералу Александрову. Но при этом требовали бы и разведывательной работы. Мне повезло — я «болтался» всего три дня.

— Итак, вы приехали на работу в Женеву. В какой степени «Аквариум» автобиографичен?

— Полностью, за исключением конкретных фактов. Вся тактика работы там описана полностью, стопроцентно. Все мои чувства — полностью. Психология работы, приемы и пр. — полностью. Нигде не соврал. Но я исказил места, имена и даты.

— Вы были уже женаты?

— Да, конечно. Она в «Аквариуме» присутствует в одном предложении. Когда я работал в штабе округа, там была «звонкая девочка». Это она. Мы вместе уже 35 лет. Нашему внуку исполнилось 10 лет.

— *А неженатых выпускали вообще за границу?*

— Нет.

— *Вы познакомились с будущей женой в штабе округа?*

— Да. Понимаете, мне не хотелось сантиментов, а таланта, чтобы ее описать, у меня не хватает. У «Аквариума» иная цель и тема. Поженились мы с Татьяной во время работы в штабе округа. У разведчика обязательно должна была быть жена и, главное, дети. Ибо это есть — устойчивость. Дочка моя родилась, когда я заканчивал первый курс в Академии. Дети должны быть послушные, понимающие родителей...

— *Жен тоже готовили для работы за рубежом?*

— Конечно. Было три уровня подготовки жен: первый — минимальный, затем средний и высший. Последний — агентурная подготовка по полной программе.

— *Как называлось ее «учебное заведение»?*

— Это была все та же Военная академия Советской Армии... Но подход индивидуальный. Язык — это самостоятельная работа. Поступай на языковые курсы и учишь, надо заплатить — заплатим.

Занятия проводились в самых разных местах, не обязательно в Академии. Было множество конспиративных квартир, конспиративных дач и т. п. Женам давалась возможность вести свои домашние дела, но и «вкальывать» приходилось много... Их обучали те же преподаватели, что учили и меня. Им рассказывали о том, что такое Франция, Бельгия, Люксембург и т. д.

Кроме того, обучали агентурной разведке: что это такое, радиосвязь, другие способы связи, тайники, явки, конспиративные квартиры, тайнопись, оператив-

ная техника и прочее. Им читали лекции и давали много заданий на дом. Воинского звания она не имела. Кстати, я как-то прочитал в Интернете, что я заслан на Запад, являюсь генерал-майором, а она у меня — подполковником...

— *Вас готовили конкретно на Женеву?*

— Нет, меня готовили на Францию, Бельгию, Голландию, Люксембург и Швейцарию.

— *Значит, первый язык был французским?*

— Да. Первый — французский.

— *Второй — немецкий?*

— Нет, немецкий я учил раньше, до поступления в Академию, еще в штабе округа. В академии основным был французский, а вторым — английский. Впрочем, в Женеве я его забыл. «Врубаясь» во французский, забываешь другой язык. За четыре года английский язык забылся основательно, потом пришлось вспоминать.

Так вот — жены.

Понимаете, разведчик обязан быть успешным.. Жена должна тебе помогать. Если ты неуспешен, то вас обоих возвращают домой. Так что работать приходилось обоим. Получалось, что, платя одному своему разведчику, мои начальники имели в сущности двоих!

Вот прибывают разведчики с женами на место. Жен приглашает к себе резидент. На беседу.

Резидент отвечает за безопасность всей своей резидентуры и ее эффективность полностью, отвечает своей головой. И вот после беседы он вполне может сказать нечто вроде: «Вот эту не подпускать к работе на пушечный выстрел! А вот эту — использовать в той или иной опера-

ции». Ведь резидент заинтересован использовать их всех «по максимуму». С другой стороны, ему необходимо соблюдать осторожность, не перегибать с женами. Допустит-ка какую-нибудь дуру к делу... Его решение — главное.

Мы работали «под прикрытием». Но есть еще один уровень агентурной стратегической разведки. Это — нелегалы. Это — выше. Меня могли бы взять и в нелегалы. Могли бы взять и на первом курсе, и после окончания Академии, и даже после первой командировки. Если меня забирают в нелегалы, то берут и жену. Вот в этом случае обучают не только меня, но и ее обязательно по полной программе. Тогда, разумеется, и ей присваивают воинское звание. А при работе «под прикрытием» ей никакого звания не положено.

* * *

— *В «Аквариуме» действие перенесено из Женевы в Вену. Главный герой холостой и бежит на Запад один.*

— Нет, я не то чтобы холостой, этот вопрос просто не рассматривается.

— *А описание людей, сослуживцев?*

— Это с натуры.

— *И дружба с Младшим Цидером...*

— Да, да. Это — натура. Только изменены все имена и даты. Я никого не хотел подставлять.

— *Как выглядела реальная ситуация, которая привела к побегу?*

— В реальной жизни все было куда страшнее, драматичнее, хуже, чем описано. Двое детей, ночь, жена спит...

А произошло все так. Тот резидент, который был описан в книге, уехал. Перед отъездом он сказал нам: «Присылают дурака. Он тут наруководит так, что будет или самоубийство, или уход, на кого выпадет». Мне выпало второе. Приехавший вместо него был дурак, наломавший дров. Прислали полного идиота. Мне нужно было расплачиваться за чужие ошибки, чего я совершенно не хотел. В «Аквариуме» мотив ухода никак не описан. Что-то происходит, и вдруг — «я уйду».

— *Там причиной побега выглядит угроза эвакуации.*

— Угроза эвакуации? Нет, это не то. Нормальный человек из-за угрозы эвакуации не побежит. Ну, эвакуация, и что? Я здесь ни при чем, я работал, как требовалось, и т. д.

— *А в чем она состоит, эвакуация?*

— Могло быть всякое. Или возврат в Москву и работа в первом или пятом управлении, или вообще вышибут из разведки. Или посадят. Или ликвидируют. Вариантов падений было множество. Главное, увезти так, чтобы увозимый не шебуршился.

— *Успокаивающий укол?*

— Могли сделать успокаивающий укол. Лучше всего, чтобы человек не волновался. Однако у меня в голове уже был «Ледокол». Жить с этим «Ледоколом» и не написать его я уже не мог. Но в «Аквариуме» написать «Ледокол» я тоже не мог.

— *Процедура побега была такая же, как она описана в книге?*

— Мы ушли за час до того, как они за нами пришли.

— *Итак, вы уехали ночью, и в лесу жена узнала о том, что произошло?*

— Да, это было так. До того она ничего не знала.

— *И она могла вернуться?*

— Могла и вернуться. Но она оказалась тем, что надо. «Находка для шпиона»!

— *Уехав тайно из квартиры, вы сразу связались с английским посольством?*

— Да. Поначалу они отнеслись недоверчиво. Я позвонил и сказал, что вот направил им послание из трех букв (ГРУ). Сначала в посольстве сказали, что послание из трех букв не может быть серьезным. Но быстро разобрались, и после второго звонка мы встретились и нас мгновенно переправили в Британию.

Поначалу жизнь была тяжелая. Сразу же они начали меня пугать. После Швейцарии попасть в Англию — это почти что попасть из Москвы если не в Узбекистан, то в нечто вроде Болгарии. Была зима 1978/79 года. В стране непрерывные забастовки. Не было хлеба, не было сахара, магазины были пустые. Стояли огромные очереди. Лондон был завален мусором: мусорщики бастовали, метро бастовало. Словом, назревала социалистическая революция. Пока весной не появилась, выиграв выборы, Тэтчер.

«У нас, — говорят мне, — безработица. Миллионов ты не получишь. У нас для тебя работы нет никакой. У нас безработных четыре миллиона, очереди везде стоят. Так что мы не знаем, что с тобой делать». Я ответил: «Не надо меня стращать. Все это коммунистическая пропаганда, и я ей не верю! Есть в Лондоне, я об этом читал, вокзал — Паддингтон. Предполагаю, что на том вокзале есть сор-

тир, общественный. И предполагаю, что должен же его кто-нибудь чистить? Ради свободы я и буду это делать. Работу я всегда себе найду, только не надо меня пугать. О,кэй? Пусть ваши безработные маются дурью. Только назад меня не отдавайте. А так я себя прокормлю». Они мне говорят, чтобы я не кипятился, мы, мол, подумаем и что-нибудь найдем... Вот такие дела. Это потом я стал профессором.

— Давайте поподробнее поговорим о побеге. Очень часто можно услышать версию о том, что, перебежав, Суворов всех кого мог сдал.

— Полная неправда. В этом меня «Красная звезда» обвинила. Я туда позвонил и спросил, кого я мог сдать? Только агентуру. Только того, кто нам «сливает» информацию во Франции, в Швейцарии... Советские же сотрудники ГРУ все были и так известны.

Я их попросил назвать хотя бы один процесс, на котором бы судили сданных мною советских шпионов. Здесь демократия, ничего типа «особого совещания» нет. Тайных процессов здесь не бывает, ну хоть ты тресни. Все открыто.

Они говорят, ну что, мол, ты... Я настаиваю, назовите любые связанные со мной процессы. В любой стране. Давайте, говорю, публикуйте, какой процесс антишпионский со мной связан. Или хотя бы происходил в то время, когда я убежал... Ну, они замаялись...

А я проработал в Женеве четыре года. Даже если человек не вербует агентуру, он работает в агентурном обеспечении. Постоянно!

Далее. Мне давались деньги, в чемодане. И я должен был их сдавать в швейцарский банк на определенный счет. Не потому, что мы такие хорошие, а потому,

что все расчеты шли через банки Женевы и Цюриха. Представляете, кого-то сдать и... с какими деньгами я мог бы бежать? Мог бы... А у меня вышак без конфискации.

Кстати, в 1984 году вышла моя книга «ГРУ». В конце содержится список советских разведчиков ГРУ. Они говорят — «вот!».

А до этого вышла известная книга Дж. Баррена «КГБ», и там был список известных агентов КГБ и ГРУ. Все, о ком и о чем я писал, было взято целиком из этой книги. Это был сигнал ГРУ, что я своих никого не сдал. Сообщил только о тех, кто давно в разведке не работает, кто уже засветился на весь мир. И ребята, с которыми я учился, с которыми я работал, уже отозванные, снова вернулись на свои места за рубежом. Сигнал был принят и понят.

— В «Аквариуме» описаны две вербовки главного героя. Если не секрет, сколько их было?

— О, давайте так. Человек должен отслужить за рубежом три года. Если кто и служит этот период полностью, то, скажу, это подвиг. Ходишь по проволоке. С одной стороны, нужно выдавать результат. С другой, не злить местную контрразведку. Иначе человека отправляют в отпуск, кстати, обязательный. А после отпуска он может вернуться, а может и не вернуться обратно. Если не дает результата. Ибо каждый разведчик очень дорого обходится государству.

Баланс соблукости трудно. Так вот, я отбыл срок — три года — в Женеве полностью. Даже на год больше. И даже был оставлен на пятый год — в качестве особого исключения. Но пятый год я... не добрал. Следовательно, работа была успешной.

— *Интересен фрагмент книги о вербовке на международной выставке, когда на охоту бросили всех сотрудников. Эта массовая вербовка описана с натуры?*

— Да. «Телеком-75». Тут в книге ничего не изменено. Упомянута в книге наша посллица, Зоя Васильевна Миронова. Звали ее «Салтыгчихой».

— *Это была заслуженная кличка?*

— Конечно! Ну кто бы иначе отправил ее туда послом? Та еще бабища! Она держалась послом в Швейцарии очень долго.

— *Нынешние выставки все еще проходят так же?*

— Сейчас — нет. Но тогда шла работа именно так. СССР в то время качал нефть, добывал золото, гонял за рубеж газ, пушнину, икру, водку. Куда шли эти миллиарды «нефтедолларов»? Вся получаемая валюта поглощалась ВПК. А ВПК — что мог с этой валютой делать?

Это все перекачивалось в ГРУ, частично в КГБ. Следовательно, за нами стоял не только наш, но и весь валютный бюджет ВПК. Требовалась технология, которая была «цельнотянутой». Сейчас того потока нет. Россия производит нефтедоллары, а они тратятся на приобретение футбольных команд в Великобритании... А раньше заказчик — ВПК — требовал достать ему конкретную маленькую штучку от конкретного двигателя. Нас же не интересовали военные планы НАТО или сколько там танков в Великобритании! Открой справочник и перепиши!

Сейчас это России не нужно ни к черту. Сейчас Россия производит то оружие, которое было разработано в СССР, — полностью или частично. Сейчас ни денег нет, ни заказчика.

— *А чем же эти ребята сейчас занимаются? У меня ощущение, что их по-прежнему вокруг полно. В Берлине например...*

— Да, как собак нерезаных. Занимаются они самообеспечением, работают на самих себя...

— *Промышленный шпионаж?*

— Да, промышленный шпионаж. Работают на частные фирмы, на мафию. Полная деградация нашей школы и методов...

— *Может, оно и к лучшему?*

— Ну да, конечно, к лучшему.

— *Какое у вас было звание?*

— Капитана я получил перед самым отъездом за рубеж и капитаном приехал в Женеву. Академию окончил старлеем. Лейтенанта я получил в 1968 году после окончания училища. В июле получил, а в августе уже отправился в Чехословакию. После Чехословакии я был в 66-й Гвардейской дивизии. А оттуда я попал в Приволжский военный округ, в разведку. Там же женился. Сдал экзамены в Академию и получил старлея. Окончил Академию и попал в ГРУ. И там уже я получил капитана. Я убежал третьим секретарем. А эта должность — майорская.

— *Итак, главный герой «Аквариума» был нормальным советским разведчиком, а потом сразу после побега автор «Аквариума» оказывается уже сформировавшимся антисоветчиком? Как это могло произойти?*

— Я уже был железным антисоветчиком! Еще в академии один мой товарищ сказал как-то, что меня, мол,

как «суку антисоветскую» нельзя посылать за рубеж. Так сказал, по-дружески. Я ответил ему, мол, «потихе, Ваня». Один шифровальщик, уже в Женеве, тоже намекал мне на это, говоря: «куда тебе, ты же падло антисоветское».

Мое становление как антисоветчика началось очень и очень давно. С одной стороны, я был истинно советским человеком, глубоко верующим в то, что мы лучше всех, в то, что коммунистическая идеология приведет к светлому будущему всего человечества. У меня есть «Похвальная грамота» от командира моего полка...

— *Это тот самый «Батя» из «Аквариума»?*

— Нет, тот Батя ушел, а приехал другой из Египта, подполковник Бажерин. Посидел у меня на политзанятиях, которые я проводил, и вручил мне грамоту от 10 июня 1969 года «За коммунистическое воспитание личного состава» (ровно за 9 лет до моего ухода, день в день!). Иными словами, я был советским — таким, каких вокруг меня не было никого. Я верил во все это очень здорово.

Я помню, хотя мне было тогда 6 лет (я родился в апреле 1947 года), как в дни траура по Сталину единственным человеком, который не рыдал, был мой отец. Понимаете, рева — не было! Меня это смутило. И, знаете, покорило. Мы жили тогда на Дальнем Востоке. Был страшный мороз. Вокруг — невероятная истерика, истерика все-российского масштаба! Отец мой был нахохлившимся, серьезным, но, повторяю, не было плача Ярославны на городской стене.

Проходит совсем немного времени, и вдруг... — мы тогда были еще пацанчиками, еще до школы, — вдруг приходит в гости к нам один человек и говорит: «Враг на-

рода». Кто враг народа? Нам говорят: «Это не для детей, это кино будет таким, что детей туда пускать не будут». И все говорят о враге народа, но не говорят, о ком же это. Потом выясняется, что враг народа — Берия.

Оказывается, что ближайший сподвижник товарища Сталина был врагом народа! Это меня очень удивило, как это товарищ Сталин не разглядевает врага. Рядом! Кстати, когда Сталин умер, я помню, что говорил отцу: «Зачем растрезвонили мы, глупые люди, о смерти Сталина? Молчали бы, они бы нас по-прежнему боялись. А теперь вот точно нападут». Тогда шла война в Корее, а отец служил на Дальнем Востоке. Их зенитно-артиллерийский полк прикрывал мост на Хасане, который открывал путь в Корею. Через него туда шло снабжение. Мы жили в поселке Барабаш, а полк частично стоял в Барабаше, а частично — на Хасане. И шла смена по охране моста. Мост прикрывали по полной программе: были и стрельбы, и прочее. Из Хасана возвращались в Барабаш, где шла боевая подготовка. Словом, война была тут, у порога. И вот — смерть Сталина...

Итак, я считал, что о смерти Сталина не следовало сообщать. Ведь теперь-то на нас нападут! Когда я потом читал «Большого брата, 1984 год» Дж. Оруэлла, там нашел аналогичную ситуацию. Большой брат — он же бессмертен!

Итак, первое разочарование: рядом с товарищем Сталиным был враг народа, а он его не распознал! Как это возможно?

Далее. 1956 год, мне девять лет. Отец приносит материалы съезда, проводит занятия с сержантами. Культ личности, и все такое. После этого я поверил в Никиту Хрущева. И отец мой поверил в него. Он всем нам нравился. Все только и говорили: Хрущев, Хрущев... Он был чело-

вечным... Ездил по стране, говорил с людьми. Съездил в Англию (с Булганиным), Булганин там за что-то благодарит, а Хрущев по-мужицки рубит сплеча. На все вопросы отвечал, не прятался... И мне это очень нравилось.

И тут же — космос, первый спутник, Гагарин... Это было время, когда все мы поднимались.

Я учился в суворовском военном училище — пять лет в Воронежском и два года в Калининском. И мы ездили два раза в год на парады в Москву. Сначала был месяц интенсивной подготовки у себя, а потом — в Москве, тоже месяц. Мы завершали парад, два суворовских батальона и один нахимовский, под нахимовский марш.

В Москве мы жили в казармах на Центральном пересыльном пункте, военном, около Краснопресненской тюрьмы.

С утра — строевая подготовка на Центральном аэродроме, кстати, под окнами строящегося «Аквариума». Это было для нас великое время. В Москве условия были стесненные: казармы, двухъярусные кровати.

В обычных условиях у нас было шесть часов уроков и два часа самоподготовки обязательной и один час — необязательной. А когда были в Москве — только четыре урока и час самоподготовки. С утра — Центральный аэродром. Два-три, а то и четыре часа «врезали» строевым шагом по полной программе, потом — час самоподготовки, потом обед, потом на машинах везли в освободившуюся для нас школу. Четыре часа уроков. Потом возвращались мы на наш пересыльный пункт. Каждый день нам крутили кино. Давали шоколад — по плитке в день. А в воскресенье (каждое!) составлялся список: кто куда хочет ехать. Нам предлагали экскурсии самые интересные: Алмазный фонд,

Большой театр, Третьяковка, Оружейная палата Кремля — такие места, куда просто так и не попадешь.

Уроков было мало, знаний мы особых за это время не получали, но культурная наша подготовка была такой, что при нормальных условиях ничего похожего и не увидишь!

И вдруг во время подготовки к параду в октябре 1964 года объявляют о том, что Никита Сергеевич Хрущев ушел со своего поста по собственному желанию. А он был мой кумир!

Для меня это был удар. Что ж получается? Верил в Сталина, а потом мне говорят — в кого ты верил, это же дурак, преступник! Верил в Хрущева — этого сняли. Он и плохой, и волюнтарист, и т. д. И когда сообщили, что Хрущев на пленуме сам попросился и ушел по собственному желанию, я понял, что меня обманывают. Его просто скинули.

Говорили об одном — гений, а потом оказывается, что он мудака. Говорили о другом — гений, я в него верил, а потом говорят, что и этот — мудака. А когда стали Леонид Ильича поднимать, говорить, вот, мол, гений, тут у меня уже идет блевотина. Тут меня, старого воробья, уже не проведешь никак.

Чем сильнее вера, тем страшнее состояние, когда она рушится. И у меня начали возникать вопросы. Программу Коммунистической партии, принятую на XXII съезде, я знал очень подробно. Как конкретно будет осуществлен переход к коммунизму? Кто будет чистить сортиры при коммунизме?

Этот вопрос возник во время обучения в Киевском высшем общевойсковом командном училище. Особенно, когда я увидел дачу генерала армии Якубовского, на которой я чистил дерьмо. Я размышлял, что вот мы, кур-

санты, чистим генералам сортиры. А кто будет их чистить при коммунизме?

— *«Артиллерист» в романе — это вы?*

— Ну... Я — это я, я же там от первого лица пишу. И уже в то время мне пришлось посмотреть, как живут наши лидеры. Командующий округом Якубовский, например. Интересно, думал я, в 1980 году наступит коммунизм, а уже идет 1966 год! Так этот дядя сам откажется от своей шикарной дачи, садов, от своих слуг? Или всем нам дадут слуг? Чисто практически — как это может произойти?

Вот я работал в разведке Приволжского военного округа. У нас в Самаре была шикарная столовая, а вокруг — буквально голодающий город. Так что произойдет, всех накормят так же, как кормят нас? Или же нас опустят на их уровень, но ведь тогда мы восстанем!

В «Освободителе» весь этот процесс расписан... Мне очень хотелось узнать, как живут «высшие», наш же командный состав.

А в Женеве посмотрел... Вот товарища Шелепина, например, в упор видел. До членства в Политбюро он был председателем КГБ. КГБ занимался убийствами, за рубежом это, конечно, вызывало протесты. И, зная это, товарищи из Политбюро отправили его за рубеж. Он побывал в Вене, Женеве, в Лондоне. А там — демонстрации с требованиями суда. Я видел его совсем близко. Это был поддатый, неприятный, опустившийся человек. И все видели, что он уже конченный как политик, и он это знал. Он знал, что его подставили под эти выступления и что по приезде домой его снимут. Но он — член Политбюро, и все обязаны — обязаны! — ему кланяться...

Приехал товарищ Давыдов — окончил МИМО (теперь МГИМО — по трактовке студентов «Много Гонора И Мало Образования»). У него младший дипломатический ранг — атташе. И вдруг в аэропорт приезжает сама послица Зоя Васильевна, резидент ГБ и пр. Я как раз там был, встречал дипломатическую почту. Почту принять и охранять может только дипломат с соответствующим паспортом, ибо нападение на дипломата означает нападение на страну. Так вот. Выходит товарищ Давыдов. Молодой, 25 лет, с женой. И вдруг, спустившись по трапу, заплакал. Он никогда не был за рубежом. Его все встречают, послица кланяется. У него отец был начальником охраны Брежнева. Всю жизнь он жил в удивительных условия. И чтобы он поднимался вверх, его устроили в МГИМО, а теперь в Женеву. Никогда в жизни он не был за рубежом. Дом покинул! Представляете? Так он — в слезы! И его успокаивали. И послица успокаивала... Не надо плакать, мы тебе здесь устроим хорошую жизнь, не бойся. Будешь часто в отпуск ездить, в Москву и т. д.

Было множество таких событий. Я насмотрелся вволю! До того было противно...

Там были дети всей советской элиты — не в Париже, не в Нью-Йорке, не в Вашингтоне, а именно в Женеве. А что? Хорошо, и делать ни хрена не требуется... Владимир Ильич понимал, где надо жить.

— *А почему именно Женеве?*

— Курортный климат. Нет черных, нет забастовок, нет нью-йоркской грязи. А есть чистое Женевское озеро, есть Альпы — чистые, хрустальный воздух, водопады... И, как я сказал, ни хрена делать не надо...

— Итак, с одной стороны — сформировавшийся анти-советчик. А с другой стороны, что удерживало от побега? Какие обстоятельства? Любовь к армии и ГРУ?

— Я считал так: я пошел добровольно в армию, я в армии защищаю свою страну, пусть верхушка разлагается, но мы здесь выполняем свой долг.. Мой отец фронтовик, он прошел всю войну — с 23 июня 1941 по 9 мая 1945, а потом еще и японскую войну. Четыре раза ранен. У меня брат в ракетных войсках.. Да, вы там разлагаетесь, но мы — служим...

Если бы не случились все описанные вещи, я, может быть, и не ушел бы никогда, а продолжал бы свою службу.

И тогда я стал бы очень злым антисоветчиком. Не видя никакого выхода, стал бы очень злым служакой.

— В «Аквариуме» на заключительной странице описаны размышления обо всем. Главный герой сидит в машине и обдумывает свое отношение ко всему этому делу. Но ведь к этому времени вышли самые разные книги... Сталинской историей вы уже интересовались?

— Да, «Ледокол» был уже во мне!

— Как это все совмещалось? Не рассчитывали никогда его написать?

— Рассчитывал. Только не знал, как и когда. Дело вот в чем. Как только я приехал сюда, в Женеву... Нет, даже так. Я учился на последнем курсе в академии. И тут вдруг начинается очень мощная травля Солженицына. «Немецкая волна» каждый вечер передавала «Архипелаг ГУЛАГ». Очень плохо было слышно. Я каждый вечер слушал через глушилки. Слушал, затаив дыхание. И я знал, что когда-то напишу свой «Ледокол», хотя названия такого у

меня еще не было. Ведь наша голова мыслит не словами, а образами. И весь образ у меня вмещался в очень небольшом пространстве. Но мне было все ясно, ясно — и все тут! Я думал даже не о книге, а просто об убойной статье. Я не думал, что это будет книга.

— *Когда стала очевидной мысль, что Сталин хотел напасть на Германию?*

— Она возникла на втором курсе в Академии. А до того еще в Киеве, в училище. Вообще-то, у меня было несколько таких «озарений», одно за другим, но об этом позже.

— *Значит, мысли об уходе...*

— Нет, они меня не посещали. Пока жареные петухи не заклевали... На втором курсе, 1966 году, я учился в Киеве, в училище. И впервые пришла мысль о Сталине, его роли в войне и прочем. О том, о чем и был позже написан «Ледокол». Ведь нам преподавали только официальную историю, только!

— *А поражения 1941 года с точки зрения официальной истории вполне можно было объяснить коварством Гитлера.*

— Нет. Я чего не понимал... Вот, предположим, у нас рухнул мост. На Волге, в Самаре. Шла баржа, развернулась и ударила по опоре моста. Пролет свалился и задавил эту баржу. Ни в местных газетах, ни на радио — ничего. Все молчат об этом. Миллионный город знает, а они молчат. Далее. Совершались в Москве убийства. Убийцу звали «Мосгаз». Он приходил, звонил, называл себя «Мосгаз» и рубил людей топором. Слухи ходили повсюду, а в газетах ничего. Что бы плохое у нас ни случилось, в газетах ничего не появляется. За исключени-

ем почему-то 1941 года. О поражениях того лета почему-то кричим во все горло... Почему мы это делаем? Потому, как я считал, что нам почему-то нужно относительно начала войны в июне 1941 года прикидываться дурачками.

Был семинар. Шла речь о войне, о ее начале: самолеты-гробы, армия обезглавлена, без боеприпасов, одна винтовка на троих и прочее, ну, известное... Об окружениях — например, под Минском... Сколько в первый день было уничтожено самолетов... А я и спрашиваю: «Но не только же в июне такое было, а и потом? Правда ли, что под Киевом в окружении немцы взяли 644 тысячи пленных?» Преподаватель как-то сразу осекся, и все осеклись. И как-то перевели тему на иное. После занятий вызывают в штаб. Иди туда, потом вот туда... Прихожу, а там, оказывается, камера предварительного заключения. Особист майор Шмелев спрашивает: «Откуда у тебя такие сведения? Радио слушаешь?» А ему я говорю о книге «Стратегия непрямых действий» Литл Гарта, которую взял в библиотеке. Врешь, кричат. Послали в библиотеку, и там нашли книгу, где обо всем этом сказано. Отпустили, предупредили, чтобы я в эту книгу более не лез, и т. д. Потом я эту книгу в библиотеке не нашел. Через некоторое время, перед нашим выпуском, она там появилась, но этой странички уже не было.

Понимаете? Можно было говорить о поражениях только 22 июня 41-го года. А об остальных — нельзя! Так почему на 22 июня 1941 года нам надо было прикидываться дураками, почему? Потому что лучше представиться глупым, чем раскрыться преступником. Кто «косит на психа»? Преступник!..

Если бы я был чистопородным советским гражданином, то у меня был бы выбор: либо уйти, либо застрелить-

ся. А так как во мне давно был «Ледокол», то я, антисоветчик, когда прижали, решил кинуть все это к чертовой матери и ушел.

— *Что это реально означало — антисоветчик? В вашем случае.*

— Реально это означало следующее: я считал, что система наша в корне неправильная! В корне! В чем этот «корень» заключается, я до конца не понимал. Не понимал, почему умные добрые люди вдруг становятся сволочами, причем чем выше его должность, тем более сволочным он становится. С другой стороны, мы производим почти больше всех нефти, газа, алмазов... Но почему у нас ничего нет? Почему мы живем по-свински?

Побывав в Швейцарии, особенно ясно начинаешь понимать, что в нашей стране что-то не так. Есть песня Высоцкого, в которой говорится о том, что «история страны — это история болезни». Очень четко сказано. Я полностью осознал, что страна больна какой-то неизлечимой болезнью.

— *В какой степени сыграло сознание того, что ваше основное занятие, мягко говоря, шло стране не на пользу...*

— Дело в том, что совершенно четко прослеживалось, что все, что мы делаем, это не то, что не на пользу, а просто вредит. Вредит стране, народу...

В каждой замкнутой группе профессионалов неизбежно возникает свой сленг, свой язык, своя терминология. Центральной фигурой всей агентурной разведки является, конечно, иностранный агент. То есть те иностранцы, которых мы вербуем. Для обозначения этого существовало много различных терминов, но основным был

«жопа». Допустим, мы говорим: «Наша жопа в Берлине со своими обязанностями справляется». Или, допустим, «обеспечить прикрытие жопы в Вашингтоне». Или же, к примеру, «этот материал добыт через жопу...» И в этом была доля правды, тоже очень глубокая.

— *Вы их презирали?..*

— Ну да. Дело вот в чем. Мы, в основном, охотились за технологией. Больше нам ничего не было нужно. Технология — это самое главное. На это тратился бездонный бюджет ВПК. А чисто военные «секреты» никого не интересовали, так как все это — открыто. Сколько в Германии дивизий? Все знали, что их 12, об этом говорилось и писалось открыто!

Если мы начнем атомную войну, то они будут на это как-то реагировать. Если мы начнем химическую войну, они также будут реагировать такими же методами. Мы были наступающей, активной стороной. Где мы будем действовать, будут действовать и они. Поэтому их планы нас не интересовали. От того, что они не знали, как мы будем действовать, было неизвестно и их противодействие. Так что все дело упиралось только в технологию.

Так вот, воруя технологию и принося в клювике зарубежные разработки, мы тем самым «отшибали» у наших конструкторов их таланты. Они же работали только на войну. Страна наша была неспособна произвести даже простой легковой автомобиль. Итальянцы привезли и построили завод, а мы производили только сборку. Это же сейчас делается повсеместно: вывези в Пакистан, в Африку любой завод, и они там будут делать то же самое. То есть мы сами не могли придумать обыкновенную автомашину, а самолеты, тан-

ки, подводные лодки — все это было у нас на высшем уровне.

Итак, воруя иностранные технологии, мы убивали таланты наших конструкторов. То, что мы делали, вело к техническому отставанию Советского Союза. Допустим, «супостат» сделал какую-то «штуку». Я эту «штуку» украл и привез домой. Значит, нашим конструкторам ее нужно скопировать. Но скопировать деталь — это все равно, что заставить поэта копировать чужие стихи. Переписывать и выдавать за свои. Это разлагает морально. Так вот, на копирование тоже нужно много времени. Даже для того, чтобы авторучку скопировать, нужно знать, из какого она сделана материала, иначе она будет тяжелее оригинала и недостаточно прочной. Скопировать — это не так просто, как кажется. И, копируя, мы тратим время. А в это время «супостат» делает что-то новое, и мы отстаем. Мы снова воруем что-то, тратим на копирование год-два-три, «дядя» делает что-то новое, таким образом, мы снова в хвосте. Тогда был лозунг «догнать и перегнать». Лозунг был совершенно диким, ибо он обрекал нас на то, чтобы находиться в хвосте. Это первое.

А второе — это постоянно подхлестывало гонку вооружений. Допустим, какой-нибудь дядя изобрел что-то. Посмотрел эту «штуку» американский Конгресс и сказал, что она, «штука» эта, очень дорогая. А мы узнаем об этой штуке на какой-нибудь выставке. «Дядя», конечно, очень заинтересован в том, чтобы эту «штуку» купили. Америка не покупает, никто не покупает, а советская разведка покупает. Он нам это охотно продает. Ведь это единственная великая идея в его жизни!

Мы покупаем эту вещь и делаем. Тогда Америка хватается за голову и говорит, где, мол, этот человек,

найдите его. Или другой компании дают деньги, и тогда они вынуждены делать такую «штуку», которая у нас есть. Если бы мы это не купили, Америка бы это не производила, мы бы это не производили. Но вот человек что-то придумал. Мы сделали, облегчили себе работу.

Поскольку этого человека никто не слушает, кроме советской разведки, конечно, он нам это продаст. Тогда и Запад должен делать такие же вещи. Как только Запад сделал эту вещь, ее начинают модернизировать, мы снова обращаемся к нему же, он снова отдает нам улучшенный образец, и история повторяется. Ведь военная техника неисчерпаема. Параметры самолета — высота, скорость, маневренность — совершенствуются бесконечно. Вооружение самолета, электроника — все это также бесконечно совершенствуется. Отсюда следует и нескончаемость затрат на воровство новой техники. И Советский Союз вылетел в трубу...

— *Насколько Советский Союз представлял реальную угрозу для Запада? Или это была в большей степени игра?*

— Нет, нет, игры никакой не было.

— *Мы же, в принципе, готовили третью мировую.*

— Да, конечно. Тут мы чуть-чуть должны зацепить «Ледокол». Когда я там пишу, что Сталин должен был, как минимум, сокрушить Европу, а мне говорят: «Нет, товарищ Сталин задумал строить социализм в одной стране». Я говорю — правильно, он такое говорил. Но вы никогда не читали Сталина. А я читал. У него сказано: «Победа социализма полная — в одной стране, а окончательная — только в мировом масштабе». И этим пронизаны все сталинские 13 томов. С Троцким была

разница только в том, что Троцкий делал ставку на перманентную революцию. Этим занимались все — от Хрущева и далее. Когда была забастовка шахтеров в Великобритании, мы им помогали. В Чили появился какой-то социалист, мы ему помогали. Появились в Африке какие-то революционеры, требовали оружие. Мы их обеспечивали этим оружием, деньгами, чем угодно. Разоряя свою страну... У Сталина социализм в одной стране означал построение такой страны, которая станет базой для мировой революции. Сначала Сталин хотел создать базу. Троцкий хотел сразу начать раздувание мировой революции по всему миру. Это, конечно, был один и тот же путь. Только Сталин хотел создать мощную индустриальную военную державу, а потом уже сокрушать Европу.

Так вот, социализм в одной взятой стране... На XVII съезде ВКП(б) (а это был «съезд победителей»!) было объявлено, что у нас социализм построен. Социализм построен, цель достигнута. А дальше что? А дальше мы сделаем нечто нехорошее с Европой. То есть, зависит, с какой точки зрения смотреть... Может — осчастливим ее мы, а может — сокрушим.

Советские лидеры совершенно отчетливо понимали, что Советский Союз — это раковая опухоль, которая совершенно не может существовать рядом с нормальной человеческой жизнью. Вот посмотри, дочь Сталина рванула в Америку, сын Хрущева живет в Америке. Дети наших современных лидеров живут только на Западе. И даже действующие президенты России — и те скупают недвижимость в Германии. Им в России почему-то жить не хочется. Но если им не хочется, то что можно думать о простом нашем мужике, которому в другом месте будет легче. Самые талантливые люди сейчас из России бегут. Рус-

ские люди бегут на Запад миллионами. Сейчас в Лондоне 350 тысяч русских!

— Больше, чем в Берлине!

— Не знаю, сколько в Берлине. Вот у нас здесь в Лондоне 350 тысяч. Это же самые предприимчивые, талантливые люди. Тут и миллиардеры, и артисты, кого тут только нет. И не одним Лондоном мы живем. Есть и Париж. Вот недавно приглашал меня в Париж один очень-очень состоятельный человек. «Приезжай, — говорит, — выпьем, закусим». Съездил, посмотрел. И там нашего брата... И в Америке, и в Испании, и в Швейцарии... Где только наших людей нет.

— *Вы, работая за рубежом, сознавали, что приближаете войну?*

— Да, конечно. С одной стороны, я понимал, что ничего хорошего из этого не получится — это первое, мы работаем на войну — это второе. Третье — я ищейка, пес, у меня есть охотничий азарт. И я знаю, что все это нехорошо, но чувствую, что мой друг чего-то достиг, к нему изменилось отношение резидента, первого шифровальщика. И мне тоже хочется не отстать. И я не отстаю. Быть не хуже!

— *Профессиональная зависть?*

— Ну, да. Работа предельно интересная, организация мощная. Люди хорошие.

— *Люди хорошие?*

— Да, это не ГБ, люди хорошие.

— *А описанная в «Аквариуме» фантастическая ситуация с эвакуацией Вовки Фомичева, которому главный герой*

подбросил Библию в почтовый ящик, а тот не доложил вовремя? Это что, действительно так было?

— Да.

— Повод действительно мог быть таким идиотским? Подкинули Библию в ящик и эвакуировали после того, как тот не доложил?

— Бывали всякие вещи, и единственная возможность проверки людей — это провокация. Провокация постоянно работала внутри организации. Кому-то что-то подбрасывали и наблюдали, что он будет делать. Проверяли реакцию.

— И что от человека требовалось? Докладывать обо всем?

— Главное, понять, врет человек или не врет.

— Но он же не врал, он просто не доложил.

— А он обязан был доложить. Вот мне подбросили антисоветскую книжку, Солженицына подбросили, подбросили Библию. Сразу же вопрос: на каком языке? Если на русском языке, значит, против тебя идет работа, против тебя конкретно, значит, кто-то знает, что ты здесь живешь. Подъезды там все замыкались на ключик. Значит, кто-то открыл своим ключиком. И почтовые ящики в подъездах запираются. Туда первый встречный-поперечный не зайдет. Я жил в таком огромном доме, восемь этажей, квартиры современные, сдающиеся дипломатам. Они, кстати, обдирали иностранцев как липку, но Советский Союз страна богатая, я каждый месяц приносил счет за квартиру, и мне его оплачивали.

— *Значит, ситуация с Фомичевым была реальная?*

— Да-да. Если с тобой такое происходит, это значит, что против тебя работают.

— *А что с ним было дальше?*

— Его убрали и направили на китайскую границу.

— *Значит, репрессий никаких не было?*

— Нет. Человеку могли подбросить любую вещь. Но он должен обо всем, что с ним происходит, докладывать. Очень была распространена такая вещь, как подстроенные аварии. Допустим, я на машине без дипломатического номера могу подставиться новому человеку. Он меня «тюкнет», и как дипломат он обязан об этом доложить. Если часто влетать в аварии, на тебя может косо смотреть полиция. Три раза стукнулся! Поэтому необходимо докладывать... Но люди стараются это каким-то образом обойти. Ну, царапина всего-то! Пошел в мастерскую или сам заделал, свои деньги выложил... Все вроде шито-крыто. А там ставится галочка. Скрывает! Скрывает неприятности, которые с ним приключились.

— *В посольстве существуют «карьерные дипломаты», не из ваших ведомств?*

— Конечно. В посольствах живут три племени, совершенно независимые. Чистые дипломаты, они нас называли «соседями». Дальние «соседи» — это мы. Ближние «соседи» — это ГБ. Обычно послы — чистые дипломаты. Хотя были и исключения, когда он мог быть или нашим резидентом, или гэбэшным резидентом.

— *Соотношение сотрудников из разных ведомств в посольстве каково?*

— Если мы берем 50 человек дипломатов, то 20 будет ГБ и чистых, 10, ГРУ. Мы только разведка, а ГБ — разведка и контрразведка. Они же работают и против своих. Против русской эмиграции, например. Нас же это не касалось.

— *Эта ситуация не изменилась со временем?*

— Нет!

— *И задачи, и структура — все те же?*

— Да, да. За исключением того, что ВПК загнулся. Нет той потребности, которая раньше была. Но и ГБ тоже изменился... Это раньше докладывали, что кто-то с кем-то переспал... А в целом ребятки так же сидят, так же работают и так же пишут отчеты.

О предателях и предательстве

— Критики Виктора Суворова довольно явственно делятся на две группы. Одна группа называет его Суворовым, а другая Резуном. Это как бы естественное деление на добросовестных и недобросовестных критиков. На тех, кто обсуждает содержание книг, и на тех, кто пытается уесть нежелательного автора лично.

В критике, как научной, так и литературной, есть правило — при обсуждении сочинений следует называть автора так, как он подписывается сам. Если — псевдоним, то псевдонимом. Это признак соблюдения профессиональной этики, независимо от отношения к обсуждаемым сочинениям. И наоборот, использование настоящего имени вместо псевдонима — нарушение этики, указывающее, как правило, на человека, к серьезной критике неспособного и пытающегося лично уязвить оппонента.

«Владимир Резун» для многих звучит менее благозвучно, чем «Виктор Суворов», и удивительно, как много людей, пользуются этим компрометирующим их самих приемом, поливают Резуна и «резунистов». В каком-то смысле это облегчает жизнь тем кто интересуется проблемой всерьез. В абсолютном большинстве случаев статьи «антирезунистов» не стоят того, чтобы тратить на них время. Уровень не тот.

— А иногда называют сразу и псевдоним, и настоящее имя. Например, когда в «Красной звезде» выступает какой-нибудь мой враг, то «Суворов» ему сказать неудобно, а «Резуна» не все читатели знают. Потому что люди читают книги Суворова, а они отрицают какого-то Резуна! И чтобы не возникло никакой путаницы, в ход идет «Резун-Суворов», вот как!

— Так вот, борцы с «Резуном» обычно в первую очередь нападают на предательство, на то, что нелюбимый автор сбежал на Запад и изменил Советскому Союзу. Только самые глупые и самые недобросовестные заявляют, что, мол, раз предатель, то верить ничему нельзя, ни единому слову.

Но очень многие искренне считают, что сбежавший на Запад советский шпион поступил плохо. А те его коллеги, кто продолжал выполнять свой долг, морально чище.

Это любопытный психологический момент. Если бы речь шла о советских временах, то все понятно. Но речь идет о нынешних временах, когда Россия, в общем, заявила, что «завязала». Что вот раньше был тоталитарный режим, было все нехорошо, но теперь мы встали на путь исправления, вошли в дружную семью демократических стран.

Самое страшное, что можно было предъявить тоталитарному Советскому Союзу, это упорная подготовка третьей мировой войны, подготовка войны за мировое господство. А разведчики — и КГБ, и ГРУ — были на острие этой подготовки. Воровали военно-промышленные секреты, чтобы войну приблизить. Казалось бы, те люди, которые еще в советские времена прекратили заниматься этим грязным делом, заслуживают как минимум благодарности, причем

от всех. В том числе и от соотечественников, которых, слава богу, не успели бросить в наступление на Европу через территории, зараженные собственными тактическими ядерными зарядами. Все, кто учился на военных кафедрах в разных вузах, знают, что только к этому нас всех и готовили.

Но вот сам президент Путин как-то на вопрос, что он думает насчет книг Суворова, заявляет: «Я предателей не читаю».

— Ну, тогда начнем с товарища Путина. Разница между Путиным и мной заключается в первую очередь в том, что он был рангом повыше, так как служил подольше. Может, и более успешным был, хотя за рубеж его далеко не выпускали, потому как ГДР — это все-таки не граница. Так вот, похожи мы тем, что он принимал присягу, как и я, и он изменил присяге так же, как и я. Он такой же предатель, как и я. Полностью. Никаких тут различий нет. Он принимал присягу и клялся до последнего дыхания хранить верность советскому народу, советскому правительству.

Весь советский народ оказался предателем, весь советский народ изменил советскому правительству и советскому народу. И такой народ более не существует. Все. Издох, нет больше советского народа! Так вот, когда говорим о предателях, мы должны точно разделять их на категории. Все мы предатели. Но должно отделять тех, кто принимал решения самостоятельно, осмысленно, от тех, кто своего предательства не осознал, кто принимал решение изменить в стаде. Все стадо пошло предавать, и он с ним. Этот подполковник изменил советскому народу и советскому правительству в стаде и этого не осознал. Этим он от меня отличается.

Второй момент. Если мы обсуждаем мое предательство, то сначала должны всем, кто меня нехорошими словами называет, четко поставить следующие вопросы.

Если это была преступная власть, почему вы против нее не боролись? А если это было нормальное общество, но с отдельными недостатками, то почему вы его не защищали? Однажды в октябре 1996 года в Болгарии мне пришлось встретиться с одним очень большим начальником из российского Генерального штаба. Он приехал к «младшим братьям» в Болгарию. Так случилось, что пресса нас столкнула. И он меня, конечно, упрекнул предательством. Я его спрашиваю: «Товарищ начальник, то есть, простите, гражданин начальник, а что вы сделали лично для разрушения Советского Союза?» Он как вспыхнул, как взбеленился: «Да я, да мы, да присяга...» Все понял, говорю, все понял. Значит, вы для разрушения Советского Союза ничего не делали. Хорошо, второй вопрос: а для спасения Советского Союза что лично вы сделали, товарищ начальник?»

Так вот тот же вопрос и президенту Путину: что лично он сделал для разрушения Советского Союза? Вот я бы хотел это послушать. А также — что он сделал для спасения Советского Союза? Если ничего, то тогда получается цветок в проруби. Он ждал, куда прибьет его, к какому берегу.

И еще о предательстве. Очень часто выступают мои орденоносные оппоненты и подписываются высокими титулами, например «Герой Советского Союза». Или, допустим, «маршал Советского Союза» Виктор Георгиевич Куликов... Или «маршал Советского Союза» Язов. Они не только подписываются, но и ходят по Москве в тор-

жественные дни в мундирах с золотыми эполетами, с гербами Советского Союза.

Вот я и говорю: товарищи предатели, обождите... Герой Советского Союза — это тот, кто не побоялся выступить на защиту Советского Союза, когда Советский Союз крушился и падал, почему вы не выступили на баррикады? Ведь это именно вы должны были лечь костями на баррикадах!

Или же, если вы на эти баррикады не вышли, если вы изменили присяге, то тогда вы должны говорить «бывший Герой бывшего Советского Союза», «бывший маршал бывшего Советского Союза». А то мне заявляют: «Я — маршал Советского Союза». Я говорю, обождите, товарищ, сначала покажите мне этот Советский Союз, куда он девался, куда он провалился. А потом называйте себя «героем Советского Союза» или «маршалом Советского Союза».

Но вы продали, пропукали, протрынькали Советский Союз. Товарищ Сталин выражался иногда довольно круче — просрали. Вы, товарищи герои, товарищи маршалы, вы получили свои ваучеры. И не надо после этого называть себя героями и маршалами Советского Союза.

Так вот, получается, что современной Россией правят люди, которые все являются предателями. Все, кто там, — они все клялись Советскому Союзу. Они все России присягу не давали. И получается совершенно дикая ситуация. Министр обороны, некий генерал-лейтенант ГБ, он присягал Советскому Союзу. России он никогда не присягал. И вот молодые парни присягают России, но над ними стоит предатель. Куда же он их может привести?

В Советском Союзе вообще было всего две группы людей, которых нельзя считать предателями. Это небольшая

кучка диссидентов, которые с советской властью боролись и садились за это в тюрьмы и психушки. И еще урки, профессиональные уголовники. Они власть презирали, на нее не работали, ей не присягали...

Я хочу сказать, что — одно из двух. Или нам надо всем признать, что власть была преступная изначально и мы должны были ее изменить. А для того, чтобы ее изменить, мы должны были ей изменить. А для этого мы должны были измениться сами.

Или давайте признаемся, что все мы свиньи. «Я — свинья!», а потому взял и ей изменил. Или давайте признавать советский режим преступным, или давайте признаваться, что мы все предатели.

Мне тут говорят, что хорошо молодому поколению, оно родилось после всего и присягу они Советскому Союзу не приносили. Или не принимали. На это я отвечаю: «Ничего страшного, все равно и они, и все последующие поколения должны четко определиться в отношении к преступному режиму». Или должны сказать: это — преступный режим, или должны признать, что мы — сучьи дети, сучьи внуки и правнуки.

— *М-да, отношение к советской власти — это главная проблема России, между прочим.*

— Проблема России заключается в том, что пуповина, связывающая нынешнюю Россию с бывшим режимом — коммунистическая пуповина, — не отрезана, не оборвана. Кровная связь сохраняется. И пока эта кровная и духовная связь сохраняется, гниение будет продолжаться.

— *Поскольку для нынешней власти Советский Союз скорее светлое прошлое, то с ее точки зрения люди, изменившие Советскому Союзу, естественно, предатели.*

С другой стороны, немало людей прекрасно понимают, что организация, в которой вы служили, и ей родственные были преступными.

— Конечно.

— Эти организации работали на третью мировую войну. И чем лучше они работали, тем хуже было всем. И внутри Советского Союза, и снаружи. Я очень часто в дискуссиях на эту тему спрашиваю у своих оппонентов: «Как вы считаете, бандит, бежавший из банды и перешедший на сторону полиции, он улучшает свою репутацию или ухудшает?»

— При такой постановке вопроса сразу же напрашивается совершенно резонный ответ: «С какой точки зрения на него смотреть!» С точки зрения мафии он, конечно, предатель и преступник. Его нужно мочить в сортире. А с точки зрения нормального общества он совершил правильный поступок.

— Парадокс российского общества состоит в том, что массы населения, общественное мнение и правящая элита совершенно не осознают преступность того, чем они занимались до того, и не понимают разницы между демократической Россией и недемократическим Советским Союзом. Ведь духовные ценности тоталитарного прошлого — самые гнусные ценности. Но одновременно они как бы чистые. Скажем, гигантскими тиражами выходят книги гэбэшников и гэрэушников, прославляющих эти организации. Отсюда следующий вопрос: ГРУ, в котором вы когда-то служили, сохранилось в неприкосновенности?

— Не сменило даже вывеску.

— *А методы и цели?*

— Конечно, сохранились.

— *По сути дела, это прежняя тоталитарная структура, с тоталитарными целями и тоталитарными отношениями. А каковы цели у ГРУ сейчас, как вы считаете?*

— Дело в том, что в России гниет все. Гниение происходит с вершины, конечно. Самые важные государственные органы, включая ГРУ, подвержены гниению в совершенно невероятной степени. Гниение это предрешено тем, что полностью сгнил — разложился, разломался — военно-промышленный комплекс. Раньше были заводы, которые выпускали танки, танки, танки... Сейчас эти заводы остались, им не дают заказов на танки, а если они что-то и делают, то это остатки былой роскоши. Это все — советские наработки, то, что было сделано когда-то. И вот на старых заделах эта промышленность живет и гонит свою продукцию на экспорт в основном. Новых разработок нет. Была гигантская машина по производству оружия — ее не существует больше. Ведь, в принципе, каждый город — сибирский, уральский, поволжский какой-нибудь, Куйбышев, где я служил, — это гигантский комплекс заводов, ракетных, авиационных, танковых, подводных лодок, а город пристегнут к этому индустриальному комплексу. Это как на боевом корабле — наверху оружие, а там где-то в трюмах ютится экипаж...

Все такие города теперь прежнее количество оружия больше не производят, но перестроиться на новый лад наша промышленность военная тоже не может.

А ГРУ выполняло задачи в основном военно-промышленного комплекса. Вся наша разведывательная (добываемая) информация делилась на четыре основных раздела: чисто военная информация, военно-по-

литическая, военно-экономическая и военно-техническая. Чисто военная — это планы. Ну достал один план... Не может же все ГРУ постоянно доставать планы, планы и планы, если они годами не меняются! Один достал, другой это дело продублировал, а остальным что делать? Военно-экономическая — это можно делать без всякого шпионажа. Этот сбор информации производится по множеству легальных каналов, и никакого шпионажа не требуется. Мы и без него знаем, где проводятся трубопроводы, где строятся электростанции... Мы знаем, где нужно перерезать провода, чтобы остановилось то или это предприятие, где производится водоснабжение. То есть военно-экономическая информация не является столь секретной. Даже если и что-то секретно, оно легко вычисляется математически. Военно-политическая... Ну, кто-то что-то сказал, что-то кто-то передал... Если, предположим, добудешь такую информацию (министр обороны Соединенных Штатов что-то кому-то сказал...). Все это несерьезно. Это не материально. Эффективно. Нельзя пощупать. Трудно проверить. На сплетни похоже.

... Остается военно-техническая информация. Вот есть пушка, нарезная, есть пушка гладкоствольная. А вот появилась пушка наполовину нарезная... Господи, что творится! Немедленно отдается приказ эту пушку любой ценой добыть. Или, допустим, летят американцы в космос, делают свой «Шаттл». Мы тоже делаем такой же. И у нас возникает какой-то очень маленький, но предельно важный вопрос, как сделать этот самый клей, которым приклеить брикеты, чтобы они не отваливались. Этот клей должен выдерживать температуру в десять тысяч градусов, или перепад давлений, или вибрацию... Именно вот такие задачки, в основном, ГРУ и решало в интересах

военно-промышленного комплекса. Сейчас такие задачи не ставятся.

— *Количество людей, штаты остались примерно те же самые?*

— Да, конечно.

— *И чем же эти люди занимаются?*

— Люли занимаются самообеспечением. Допустим, мы с тобой офицеры. Я говорю, что мне осталось до пенсии, допустим, пять лет. А тебе — семь. Скоро выгонят нас, как собак. И появляется очень неприятный вопрос: что мы с тобой будем делать.

И мы начинаем искать каких-то заказчиков, которым вот эта военно-техническая информация может быть интересна. Причем это какие-то частные бизнесмены, и они сами нас тоже ищут. И тогда ГРУ, используя свой опыт, свои средства, свои связи, вербует людей и работает уже в интересах частного бизнеса. А этот частный бизнес у нас весь перевязан с мафией. То есть ГРУ тоже полностью связано с этой мафией. Там уже и не различить кто на кого работает и кто с кем связан. кто кому чем обязан.

— *То есть, на самом деле внешней опасности стало гораздо меньше?*

— Внешней опасности стало гораздо больше. Вот китайцы на Дальнем Востоке — тысячами, тысячами переходят границу. А границу защищать никому.

— *Вы считаете, что китайцы, работающие на Дальнем Востоке, представляют военную опасность?*

— Да. Конечно!

— *А именно?*

— А именно? Люди, которые там бывают, говорят, что Дальний Восток в ближайшее время считать китайским будет нельзя. Но его уже нельзя считать и русским. Он уже не русский. Мафиозные группировки там уже полностью заселяют целые районы, где действует китайская грамота, китайская мафия, китайские законы. Туда и соваться нечего. Так вот, скоро русские — в ближайшие десять лет — будут в меньшинстве. И никто с этими китайцами справиться сейчас не может.

— *Но ведь они работяги?*

— Да, но они на себя работяги.

— *Ну, видите ли, любой работяга работает на себя и на общество, которое его окружает.*

— Так вот в ближайшее время его будут окружать китайцы. В качестве общества.

— *Понятно. Но я имел в виду, что сейчас ГРУ работает уже не на войну. Работает на промышленный шпионаж. И представляет опасность для стран, где оно работает, именно с этой точки зрения.*

— Да, конечно, да. То есть странам, в которых они работают, это угрожает в той же мере, как и раньше. Ибо какая тебе разница, если твой секрет украдут и передадут государственному предприятию в Куйбышеве или частному предприятию в городе Самаре, который раньше был Куйбышевым? Опасность стала даже больше, потому что частный бизнес обойдется с этим лучше, чем государство. И украденный секрет будет иметь больший коммерческий смысл, потому что советская промышленность коммерческого смысла не

имела. Ничего не продавала и ни с кем не конкурировала.

— Хорошо. А как вы себе представляете демократизацию в России и эволюцию этих организаций? Чем, по идее, должна заниматься в нормальной демократической стране военная разведка в мирное время? И в окружении, в общем, дружественных стран?

— Так вот, военная разведка полжна прежде всего вычислить будущие опасности для страны. Существующие и будущие. Этих будущих опасностей у нас дай боже сколько. Это — пробуждающийся исламский Восток, терроризм... Вот тут, пожалуйста, — это океан работы. Этим никто не занимается... Я просто удивляюсь. Вот министр обороны и Верховный главнокомандующий заявляют: «Мы должны держать военные базы в Грузии!»

Зачем вам базы в Грузии? У вас Дальний Восток, а дальневосточную границу некому охранять.

— Но ведь это старые рефлексy. Они продолжают бороться с НАТО.

— Я понимаю. Но это же идиотизм в чистом виде! То есть люди хотят видеть ту опасность, которую они сами придумали. И не хотят видеть опасности, которые на самом деле существуют, которые реальны.

— Как, на ваш взгляд, должна была бы выглядеть деятельность офицеров российской разведки в Западной Европе? Количественно и качественно.

— Элементарно просто. Кто для нас главный противник? Кто покушается на наши границы? Это — мусульманский экстремизм, это — китайское проникновение на Дальнем Востоке. Вот против них и работать.

— Вот посольство России в Берлине, а там резидент ГРУ и еще куча офицеров. Им работать против Китая?

— Ты можешь работать против китайских или любых других экстремистских организаций, находясь в Берлине, находясь в Женеве, находясь в Вашингтоне, находясь в Катманду или где угодно. Так мы и работали. Я находился в Женеве, это Швейцария, от Швейцарии для нас угрозы нет, поэтому мы работали против главных врагов. Другие люди работали в Лондоне, но не обязательно против Великобритании, а работали против Франции, против Швейцарии, против Соединенных Штатов Америки, против Германии... и всего остального мира. То есть не имеет никакого значения, против кого разведчик работает, где бы он ни находился. Вот вам пример: Рихард Зорге находился в Японии, а работал против Германии. Не надо находиться в Германии, а работать обязательно против Германии. Не надо гадить там, где живешь.

— Понятно. Теперь о численности... Как можно сравнить численность офицеров ГРУ и численность представителей военной разведки в посольствах западных демократических стран? Я имею в виду дипломатов-разведчиков.

— В каждом посольстве, конечно, присутствует контрразведка и разведка. В любом посольстве — американском, британском и т. д. В основном это разведка, но присутствуют один-два контрразведчика, которые следят, чтобы в посольстве не слишком распоясывались. Это первое. Но, конечно, ничего похожего на резидентуру КГБ, которая всегда в два раза больше резидентуры ГРУ, у них, конечно, и близко нет.

— Как бы вы себе представили идеальное, нормальное российское посольство, и сколько там должно быть людей сейчас?

— Дело в том, что я совершенно против всяких посольств. Когда-то, давным-давно, это было необходимо. Сейчас посольства в нынешнем виде сохраняются только потому, что бюрократам хочется друг к другу в гости ходить. Пить волку на халяву. Существует Интернет, существует факс. Есть Министерство иностранных дел России, и есть Министерство иностранных дел Германии — взяли и позвонили туда или послали факс: у нас есть такой вопрос, ответьте нам... Зачем посла иметь?

— Без послов — это как бы уж совсем экзотично. Все-таки без личных контактов не только в вербовке агентов, но и в обычной политике не обойтись. Но состав посольства? В советское время это были уже не посольства — это были по существу шпионские резидентуры.

— Да. В свое время, когда я работал в Женеве, между нашим братом и чистыми дипломатами всегда существовало очень мощное отчуждение. Это были кланы, которые не то чтобы всегда между собой враждовали, но всегда презрительно относились друг к другу. И вот однажды я был свидетелем такой сцены на какой-то официальной пьянке по случаю, ну скажем, 7 ноября. На таких мероприятиях все должны присутствовать — и мы, и чистые дипломаты, и иностранцы. А чистые дипломаты — они вообще ничего не делали, потому что все проблемы решались в Центральном Комитете, где был международный отдел. ЦК все и решал. Из ЦК КПСС все решения спускались в МИД, там перепечатывались на бланке МИД, и тот уже, как вы-

разились бы ревнители изящной словесности, «озвучивал» решения, которые принимались в ЦК КПСС. Все чистые дипломаты были сынками и дочерьми высоких начальников, ничего не делали и ничего не решали. Думать не надо было, важно не отклоняться от инструкций, которые тебе сверху спускали.

И вот вечеринка, все поддали крепко... И чего-то не поделили две женщины, жена «чистого» дипломата и жена офицера ГРУ. Та, «чистая», нашей говорит:

— Вот вы тут сидите, наши места занимаете!

А наша за словом в карман не полезла:

— Да нет, дорогая, вас здесь держат только для того, чтобы нашу жопу прикрыть!

То есть вас держат здесь для мебели. Не все, мол, здесь шпионы, которые вкалывают день и ночь.. Это было действительно сказано с душой, и была высказана вся правда. Все эти дипломаты, «чистые», — это было полное безделье.

Кстати, анекдот очень красивый вспомнил, про Великобританию. У них МИ-5 — это контрразведка, а МИ-6 — это разведка. В свое время на посту руководителя МИ-5 была женщина, чем не все были довольны. Как только она завершила срок, сразу решила написать книгу о том, как она руководила контрразведкой в Великобритании. Никто никогда на это не шел, ведь сразу возникал вопрос: а о чем, простите, вы будете писать? Секреты выдавать — это значит работать против своей страны. А не выдавать секреты — писать о погоде. Кому это нужно?

И вот сразу же после того, как она сдала должность, на следующий день она является туда, идет в секретную библиотеку и задает первый вопрос: «Вот я сейчас буду писать книгу, объясните мне, пожалуйста, одну вещь. Есть

МИ-5, МИ-6. А где МИ-1, МИ-2, МИ-3 и МИ-4?» А ей отвечает библиотекарь: «Вы знаете, это совершенно секретная информация, и ее мы вам выдать не можем». Ее, эту тетю, очень не любили. Она и говорит: «Как же так, я вчера была начальницей!» Ей отвечают: «Вот вчера это вопрос и надо было задавать!» Тогда она идет на хитрость, приносит им листок (написанный задним числом) и говорит: «Год назад, когда я была начальницей, я вам послала запрос, что такое — МИ-1, МИ-2, МИ-3 и МИ-4?» Вот, говорит, запрос, давайте ответ. Ей отвечают: «Да, да, год назад мы получили такой запрос. Так вот год назад мы вам ответ и направили. Ищите в своих бумагах!» Короче, послали ее на хрен.

— *Еще вопрос, а чем вы сейчас занимаетесь? Я имею в виду не творческие занятия, а профессиональные.*

— Профессионально я профессор в одном очень престижном военном учебном заведении.

О ГРУ и Пеньковском

— Насколько новыми для общественного мнения были сведения о ГРУ, приведенные в «Аквариуме»?

— Совершенно новыми. Писатель Михаил Веллер написал как-то, что раньше даже такой аббревиатуры — ГРУ — в СССР не знали. Настолько не знали, что в Грузии машины ездили с номерами, начинающимися с «ГРУ». Скажем, машин с номерами, включающими «МВД», никогда не было. Понятно почему, все знали это слово. А слово «ГРУ» — никому ничего не говорило! Кстати, в фильме Штирлиц ездил по Германии на машине с номером «21-47 ГРУ». Прямо так: по гитлеровской Германии с русскими буквами.

А оттого, что никто про ГРУ не знал, то многие в армии — даже офицеры высокого ранга, полковники — считали; что вся информация к ним поступает из КГБ. Вот, мол, у нас есть разведбаты всякие, а все это венчается КГБ.

— То есть эта структура — ГРУ — на определенном уровне не была известна даже в армии?

— На уровне командиров полков она не была известна даже в армии.

— *Командиры полков не знали, какие существуют структуры в армии!?*

— Не знали. Вообще незнание структуры Советского Союза многими просто потрясает. Вот вышел «Ледокол», и на задней обложке написаны такие слова: «...с 1970 года в номенклатуре Центрального Комитета». На это полковник, преподаватель Академии Генерального штаба, пишет: «Что значит — в номенклатуре? Как такое понимать? Официантом, что ли, он там работал?»

Что значит номенклатура? Это означает — списки своих людей. Была номенклатура Политбюро, номенклатура Секретариата ЦК, была номенклатура ЦК, каждый отдел ЦК имел список должностных лиц. Две трети всей номенклатуры ЦК замыкалось на отдел административных органов. Это был список людей, которых можно назначать, снимать или вообще что угодно с ними делать только по решению ЦК. Если я в эту номенклатуру попал, то меня оттуда выгнать или назначить на другую должность без решения ЦК нельзя. Вот, например, командир дивизии — это номенклатура ЦК. Его нельзя арестовать без решения ЦК, его нельзя перевести на другую должность без решения ЦК. Так вот, все заграничные кадры были номенклатурой ЦК. Только ЦК мог решать мою судьбу. Если принималось решение судить, то это не прокуратура решала и приговор выносил не суд.

Конечно, могли быть задействованы и другие структуры, к примеру, Верховный суд. Но они действовали в подобных случаях на основании «решения инстанции». Инстанция решила — все! К примеру, я поступил на работу в Министерство иностранных дел. Почему? Потому что было решение инстанции.

— *ГРУ находилось в прямом подчинении ЦК?*

— Нет, ГРУ подчинялось Генеральному штабу. Наше сокращение — ГРУ ГШ. Второе Главное Управление Генерального штаба.

— *А реальное подчинение?*

— А реальное подчинение — Центральному Комитету.

— *То есть наравне с Генеральным штабом?*

— Наравне с Генеральным штабом, то есть параллельно. Конечно, мы подчиняемся начальнику Генерального штаба, мы — часть Генерального штаба, однако во все перестановки внутри ГРУ начальник Генерального штаба вмешиваться не имеет права. Он может дать взбучку начальнику ГРУ, но любого лейтенанта ГРУ, который числится в номенклатуре ЦК, он, начальник Генерального штаба, никуда передвинуть не может. Конечно, он ведь сам член ЦК и в реальной жизни может прийти к начальнику ГРУ, выпить с ним и сказать: «Убери к такой-то матери этого мужика, не нужен он мне!» Уберут, если «сам начальник Генерального штаба мной недоволен». Но он не может сделать это персонально. Для этого должно быть решение Центрального Комитета.

Так вот, полковник (!), преподаватель Академии Генерального штаба, просто не представлял себе, что такое номенклатура!

Вообще-то это нигде и никому никогда не объяснялось. Тот, кто не в номенклатуре, тот ничего не знает. Это как среди блатных: у них есть свои законы, которые они никогда и никому не объясняют.

— *А прямые противники были ли в курсе всех этих нюансов? Контрразведка западная...*

— Да, они были в курсе, тем более что у меня был предшественник в лице Олега Владимировича Пеньковско-го. Это ведь чисто советский феномен, когда открываешь заграничный справочник, а там расписана вся наша боевая техника. А для нас она была секретной.

— *Раз уж упомянут Пеньковский, расскажите, пожалуйста, что об этом известно. Мало кто знает, что стояло за его историей.*

— За этим стояла очень необычная ситуация. Начнем с того, что Советский Союз имел тогда самую большую бомбу в мире, она даже в Книгу рекордов Гиннесса занесена. На испытаниях она дала 52 или даже 57 мегатонн, вспышка была видна в Канаде, Норвегии, на Аляске... Но взрыв не получился.

— *Он был воздушный?*

— Да, взрыв был воздушный, 300—400 м над землей. Но ударная волна три раза обошла вокруг земного шара. После этого наши ученые пришли к Никите Сергеевичу, шапки сняли, пали на колени, говорят: «Она не достигла проектной мощности, надо там что-то подкрутить, подвинтить, и тогда вдарит как следует». Они хотели 400 мегатонн сделать, но не получилось. Достигли всего 15% мощности от планируемой! Недобрали! Но Никита Хрущев говорит, что, мол, на этой планете просто места нету хряснуть такой штукой... Негде...

Все «супостаты», конечно, вздрогнули. Тогда Никита Сергеевич всему миру доложил, что мы, мол, можем и стомегатонную сделать. А американцы сделали самую большую — на две с половиной мегатонны. Так вот — это номер один.

Номер два. У нас первый мужик в космосе, у нас пер-

вая женщина в космосе. Однако донести вот эту бомбу до Америки было не на чем. Ни одна ракета ее не брала. А внутрь бомбардировщиков она не помещалась. Доносили ее до места сброса так, что пузо торчало снизу из-за открытых створок бомболюка, сбрасывали ее и возвращались. Таким образом допереть до Америки не получалось. Весь мир думал, что у нас ужасная, потрясающая мощь, несмотря на то, что Америка имела к тому времени зарядов в 17 раз больше, чем было у СССР. А у нас была только одна мощная бомба! Ну, мы могли сделать вторую, может быть, третью. Но донести до Америки было нечем. Только у себя бросать.

Так вот, когда заходит речь про карибский кризис, никто не задает самого дурацкого простого вопроса: а зачем ракеты привезли на Кубу? Ну, стреляй себе из Сибири, если они у тебя есть! Правда?

— *В общем, да. А хватало дальности?*

— Нет, дело в том, что не хватало! На параде мы показывали — вот какая мощность едет! Загружали «ракеты» песком, чтобы они не подпрыгивали на выбоинах... Но все, что выпускала промышленность, сразу же шло на демонстрации в космосе. То есть это была тупая чистопроходная! Мы могли бы сделать одну ракету, которая долетела бы до Америки, ну — две! Но реально стрелять могли только с территории Кубы.

Поставили ракеты на подводные лодки. У американцев уже была «Джордж Вашингтон», она несла 16 ракет, которыми могли стрелять из подводного положения. А у нас только из надводного положения и только три ракеты. Недавно вышел фильм «К-19» с Гаррисоном Фордом в роли капитана советской подводной лодки. Как она подошла к берегам Америки и там потекли реакторы. Семь

человек, которые там дырки закрывали. сразу умерли от радиации.

Лодка вышла к берегам Америки и держала под прицелом Нью-Йорк и Вашингтон. Первая и единственная наша лодка с ракетами. У нее вдруг начала подниматься температура реактора, а охладитель — вода — начал выливаться, была то ли течь, то ли еще что. Вот эту течь нужно было заделать, а заодно нужно было как-то охлаждать реактор. Вокруг — забортная вода. Бери и качай. Но это не было технически предусмотрено.

И вот мужики залезали в реакторную, а там уровень радиации был в три раза выше смертельного. В три раза больше смерти! Они там работали по пять, семь, десять минут, чтобы смонтировать новую систему охлаждающую, из подсобного материала. Умельцы. Сделали систему, чтобы качать питьевую воду, поскольку забортную они не могли взять.

Лодка всплыла. Когда они выскакивали из реакторного отсека, они уже были фиолетового цвета, их рвало, они уже умирали... Их обманывали, говорили, что, мол, у тебя все хорошо. Но они все понимали, да и видно было: все тело покрылось волдырями. Семь человек умерли. Человек двадцать получили такие дозы, что лучше бы сразу умереть, а они гнили медленно. Вся остальная команда тоже «вятила». Вся лодка стала радиоактивной к чертовой матери... Ее потом отчистили, но на флоте у нее было свое имя — Хиросима.

Если бы не удалось охладить реактор, то он бы гарантированно взорвался, а заодно и те три ракеты, которые находились на подводной лодке. Счет шел на несколько часов или даже минут. Фильм страшный, жуткий, он соответствует действительности до такой степени, что экипаж лодки «К-19» сейчас выдвинут на соис-

кание Нобелевской премии мира. Они ведь действительно мир спасли.

Когда возникла эта ситуация, лодка находилась очень близко около Америки. Это было в июне 1961 года. Гагарин полетел в апреле, в августе — Титов, а между ними — «К-19»... Представляете, если бы ядерный взрыв произошел где-то неподалеку от американских морских баз? Они ж не знают, что происходит, война началась или что?..

Итак, Пеньковский...

Советский Союз разваливался. В обозримой перспективе должен был развалиться. Его «гонок» затянула только тюменская нефть. Обнаружили там нефть и начали качать на Запад. Стали нефтяным магнатом. А так, в 1961—1962 годах уже чувствовали, что экономика наша не тянет ни на что. Жрать нечего, в Америке хлеб покупали, а чем платить? Вот, нефть нашли и расплачивались.

И тогда Никита Хрущев начал блефовать. Он решил с Германией что-то сделать. Ведь если бы сделать всю Германию демократической, это бы был путь к счастью. Мы потребовали, чтобы Запад убрал все свои войска оттуда, разоружил ФРГ. Для начала возьмем Западную Германию, а потом и дальнейшие социалистические преобразования...

Для этого Хрущ играл в эти кубинские бакеты. Но три мужика, а именно начальник Генерального штаба маршал Советского Союза Бирюзов, начальник Главного разведывательного управления Иван Серов и командующий ракетными войсками и артиллерией маршал Варенцов, собравшись вместе, решили, что так можно здорово нарваться. Начальник ГРУ, и командующий ракетными войсками, и начальник Генерального штаба знали, что у нас зарядов в семнадцать раз меньше, чем у американцев. Наша подводная лодка вышла к берегам Америки и тут

же обосралась полностью. Другой лодки нет. А эта — вся зараженная.

Так вот эти мужики втроем решили предупредить американцев, что Хрущ сейчас будет блефовать, чтоб они не пугались... Что нету у нас ракет, чтобы донести ту большую бомбу, которая есть, до Америки. А те бомбы, что поменьше, так их в семнадцать раз меньше, чем у вас....

А как предупредить американцев? Это не только измена Родине. Измена — это только одна сторона. С другой стороны — тебе ж никто не поверит! Вот приходит начальник ГРУ и говорит: «Ребята, вы думаете, что у нас много ракет, а у нас их мало! Вот сейчас Хрущ начнет вас пугать, а вы не бойтесь!»

Кто же этому поверит? Может, он их вместо этого еще больше напугает... Может, они решат, что СССР сосредотачивает войска для нанесения внезапного удара...

Так вот, был один-единственный способ предупредить их — послать туда человека, который прикинулся бы завербованным шпионом. А Олег Владимирович Пеньковский был в родственных отношениях с одним из трех этих лиц. Кажется, зятем Варенцова... Впрочем, точно сейчас не помню. Ему было приказано впутаться в это дело.

Чтобы понять историю Пеньковского, нужно задать один вопрос: как мог Пеньковский передавать сведения, к которым у него не было и в принципе не могло быть никакого доступа? Он — «добывающий» офицер ГРУ, но он давал американцам сведения о советских ракетах! Он ведь должен был американские секреты добывать, а не узнавать что-либо о советских ракетах — где они, какие они, сколько их и т.д. Он мог вообще что-то знать, но такие совершенно секретные вещи были ему недоступны!

— *А где Пеньковский работал?*

— Он работал в Москве под гражданским прикрытием, но имел выходы за границу, постоянно туда ездил. Информация была специально для него подготовлена... Это была зубодробительная, убойная информация. Такая информация, которая средствами американцев и британцев могла быть проверена. Не просто— у вас вот столько и столько ракет, а у нас урановые заводы вон там-то и там. Обогачительные комбинаты там-то. А рядом электростанция построена, так ее мощности не хватает, чтобы центрифуги крутить! И фабрика не может дать столько обогащенного урана, чтобы сделать вот столько зарядов.

То есть он давал действительно убойную информацию! Они могли убедиться в том, что вся советская мощь — это блеф! Вот такие дела.

— *А как его раскрыли?*

— А вот этого я не знаю. Этот вопрос не ко мне. Но готов допустить, что по причине американского непрофессионализма. Возможно, они стали проверять его информацию, но делали это грубо.

Есть один момент, говорящий в пользу этой версии. Он же работал и на англичан, и на американцев. А ведь это чепуха какая-то. Если он вышел на американцев, почему он потом вышел на англичан? Ну, зачем? Если ты на американцев вышел, имеешь с ними контакт, они тебе платят деньги, не пойдешь же ты с той же информацией продавать ее еще и англичанам! А дело было так.

Пеньковский вышел на американцев и передал во время дипломатического приема очень важные документы американскому дипломату, которого он считал разведчиком — и правильно считал его разведчиком. А у американцев разведка — это что-то за пределом понимания. Это

не разведка, это какой-то цирк. И этот американец, разведчик, две недели носил эти бумаги с информацией в кармане. Через две недели снова встретил Пеньковского и сказал, что, «вы знаете, я, вообще-то, не шпион, я не могу это у вас взять». Потом, когда разбирались с этим американцем, «почему ты не взял?», он отвечал: «А может, это провокация КГБ?» Ну и хрен с ним, КГБ же знает, что ты шпион. Он за свою шкуру боялся... Ну, что с ним могут сделать, ну, выгонят из страны... В Америку, в Калифорнию свою. И что, плохо тебе, что ли?

Так вот, после этого целый месяц Пеньковский крутился, думал, что делать. И пошел к англичанам. А британцы сообразили, что это такое. Но им эта информация не нужна, она нужна только Америке. Поэтому с ним одновременно работали две разведки. Сдали, может быть, непреднамеренно. Но сдали.

Есть тут еще один любопытный момент.

Когда нам рассказывали про Пеньковского, то самое основное объяснение, почему он такой нехороший человек, — он любил баб и деньги.

А он же очень часто выезжал за рубеж, в Великобританию, Германию... Если ему бабы и деньги нравились, почему же он не убежал? В Москве он все равно с бабами не мог открыто гулять. И деньги тратить не мог. Ну сколько он мог потратить? Ну, двести рублей истратить лишних, тех, советских рублей, в шестьдесят-то первом году? Больше ты не натратишь, ну, получку полковничью... А если ты шестьсот начинаешь в месяц тратить, то на это обратят внимание. Не мог он тратить деньги в Москве!

— *Откуда известно, что Пеньковский был подставой тех троих военных начальников?*

— Это наша внутриведомственная история... Об этом

я хочу как-нибудь написать, потому что в трех словах обо всем не расскажешь.

— *Чем эта история закончилась для тех троих?*

— Маршал Советского Союза Бирюзов гробанулся в Югославии на самолете. До того никто из наших высокопоставленных военных на самолетах не бился. Иван Серов был разжалован, изгнан из ГРУ. Варенцов был разжалован из Главного маршала артиллерии в генерал-майоры и покончил самоубийством.

— *Вскоре после этого?*

— Нет, не вскоре. Может быть, лет пять прошло или больше. Ни в каких энциклопедиях Главного маршала Варенцова ты не найдешь. Так что для них кончилось это... не дай бог. А Пеньковского убили.

— *Получилось так, что делу был дан ход независимо от начальника ГРУ? КГБ, что ли, на него вышло?*

— Арест производит контрразведка. А контрразведкой занимается КГБ.

— *То есть американцы сдали его по нечаянности КГБ?*

— Да. Ситуация вот какая. Партия наша в лице Никиты Сергеевича Хрущева заинтересована в том, чтобы американцев вышибить из Германии, а всю Германию сделать демократической, социалистической, миролюбивой и так далее. КГБ — это боевой отряд партии. КГБ делает то, что хочет партия. Они понимают, что если рухнет Советский Союз, то партии не поздоровится. Сейчас создалась такая ситуация, что партии нет, а КГБ выжил... почему-то! Но это же везение. Могло же дело пойти и по эстонскому варианту, и по латышскому, и по

чешскому, и по восточногерманскому варианту, когда их всех повыгоняли с работы. То есть, им просто повезло. Сделать Германию демократической — это была задача партии и КГБ. А сделать это они могли только блефом, потому что реально сил не было. А армия знала, что в любой ситуации она нужна народу, что при любом раскладе она сохранится.

Если армия выйдет из-под контроля, то армии это на руку. После крушения коммунизма армейские генералы обогатились, как олигархи. Оттого, что нет над ними контроля партии и КГБ. Интерес армии в том, чтобы не допустить конфликта, потому что могли получить по мозгам, и никто лучше армии этого не понимал.

Пеньковский был странный предатель. Морально разложился, но почему-то не убежал, а снабжал и снабжал западные разведки материалами, к которым у него доступа не было. А те, кто за ним стоял... Не может же Хрущев допустить такой скандал, из которого станет ясно, что армия восстала против него и посылала своего человека в Америку, чтобы договориться с американцами...

— *Пеньковского раскололи?*

— Да. Конечно. Когда меня спрашивают, можно ли устоять на допросах в КГБ...

Знаете, я вчера вечером вернулся из Эстонии. Там меня возили в один уникальный музей. Он создан в лесу одним рыбаком и охотником. Он симпатизировал «лесным братьям» и собирал всякие исторические и военные материалы. У него ферма, хутор, озеро... И стоят два танка Т-34. Один Т-54, БТР-60ПБ, БРДМ, артиллерийский тягач, пушек штук пять, крылатая ракета! Это что-то фантастическое! Спускаемся в подвал. Там у него три пулемета «Максим». Ну где вот сейчас «Максим» можно

найти, если он в 1943 году снят с вооружения? Пехотный пулемет Дегтярева, танковый пулемет Дегтярева... Автоматы... Чего там только нет...

И, кроме всего прочего, пыточный стул НКВД. Когда в 1941 году энкавэдэшники все бросили и убежали, кто-то из родственников коллекционера в Таллине забрался в пустое здание и этот стул утащил. Не знаю, применяли ли его «лесные братья» против кого-либо или нет. Но стул в музее стоит.

Это что-то жуткое. Такая мощная скамейка из планочек. Как в парках в советское время стояли, только на одного человека. Подлокотники железные и для ног такие же. Тебя привязывают ремнями, а там, где икры соединяются с ножками, там наплетено колючей проволокой. И под задницей тоже колючая проволока проложена, и под спиной. Что они еще делали на этом сиденье, не знаю, но если тебя привязать к этому сиденью, а у тебя хотя бы три или десять шипов колючей проволоки в заднице и в спине и ты не можешь крутиться долго, то думаю, это было достаточно мучительно.

В 1940 году пришли, а в 1941 году уже все было налажено... Так вот, когда меня спрашивают, если тебя поймут, то сколько времени выдержишь допрос в КГБ или в спецназе ГРУ, я говорю — 2,5 секунды, не более.

После побега

— *Давайте остановимся подробнее на разговорах с британской контрразведкой после побега. Что они хотели знать, какие вопросы задавали?*

— Это очень интересно потому, что это было очень смешно. Во-первых, было очень много вопросов о Советской Армии.

— *А прямые вопросы о шпионской деятельности задавали?*

— Конечно. Но я поставил условие: ребята, вы на меня на давите. Я вам расскажу многое из того, что будет во вред коммунистическому режиму, но не во вред моему народу и моим друзьям. Я уже рассказывал, что моих коллег и друзей после моего побега отозвали, а потом постепенно вернули, когда поняли, что я своих не сдаю... Они потом работали, и их никто не трогал никогда.

Так вот, вопросы часто были совершенно удивительные. Меня много спрашивали американцы. Я потом написал книгу, которая называлась «В Советской Армии». В свое время эта книга была в Америке книгой месяца. В принципе, это были ответы на их вопросы. Она никогда не была издана на русском языке. Книга эта — актуаль-

ная тема, нужная в данный момент. Как горячие пирожки. Но если эти самые пирожки лет двадцать пролежали на складе, то вкус уже не тот. Сейчас издатели говорят: давай! Я на это не иду. Если бы в то время кто решился ее опубликовать на русском языке, то сейчас можно было бы перепечатать, да и то с оговорками: мол, сейчас все это всем известно, а в 1980 году было откровением. Но коль скоро тогда никто не решился, то сейчас это делать просто глупо.

Вот, например, вопрос: «Почему в Советской Армии так глупо готовятся сержанты?» У нас же сержант — это кто? Просто солдат с лычками. Я в учебной дивизии два года прослужил, отмахал четыре выпуска, мы делали два выпуска сержантов в год. Лично я считал, что мы совершаем преступление, что мы готовим брак. Но это единственное, что мы могли выпускать. Никто другой в этой ситуации ничего другого сделать не смог бы. В данной заданной ситуации это было оптимальное решение.

Когда я был в училище, то мечтал попасть в учебную дивизию. А туда отбирали лучших! Обыкновенно взводным был старший лейтенант или даже лейтенант. Больше ты не получишь. А в учебной дивизии это уже капитан. Пусть я еще лейтенант, но у меня уже капитанская должность. И получаю я больше. Ротный командир везде — капитан, а в учебных подразделениях — майор. Так же было и в военных училищах. Для каждого офицера попасть в учебную дивизию — было мечтой!

Попадаю я туда и сразу же удивляюсь, какое говно нам дают и заставляют делать из этого говна сержантов. Он придет в войска и сержантом не будет, с него сорвут эти лычки и назначат сержантом хорошего солдатика, кото-

рый у них там свой есть. Зачем же мы гробим народные деньги, зачем мы это делаем?

Попав в учебную дивизию, я попытался с этим разобраться и разобрался. А потом и британцам, и американцам все это рассказал. Я с этой системой лично был совершенно не согласен!

Итак, раньше, при Сталине, были полковые школы. Вот тебе полк мотострелковый, в нем три батальона, отдельные батареи и так далее. И, кроме всего, было подразделение, которое называлось «полковая школа». Самого злого командира роты, первого кандидата на батальон, ставили командиром этой полковой школы. Допустим, ты, командир роты, получил новое пополнение. Посмотрел быстро, кто пришел... Ну, видно же сразу, кто служить будет.

Лучших посылают в своем же полку в полковую школу. И через десять месяцев, через год он возвращается. При Сталине была служба три года, из них год в полковой школе, а полковая школа была краса и гордость полка. Если нужно показать учения, гимнастику, ну, любую показуху делать, это делает полковая школа! Туда отбирали лучших со всего полка. Через год ему пришивают лычки, и он возвращается в свою роту. Я, командир, его туда отправляю, я знаю, что через год он придет ко мне обратно. Я могу за это время уйти, но кто-то другой придет на мое место. Какой-то взводный, который придет на мое место, он же заинтересован в этом. Он отправил солдатика, зная, что если он будет не взводным, а ротным, — все равно его заслуга. Все офицеры полка были заинтересованы отправлять туда самый цвет. В целом было говно, но все-таки из говна можно было что-то выбрать.

Однако что получалось в результате? Получалось, что туда, в полковые школы, отбирали украинцев, татар, и к ним еще примыкали литовцы. То есть, хороший сержант — это хохол. Или татарин. Или литовец. А из узбека ты хорошего сержанта не сделаешь. Это лежит в национальном характере. Грузин может быть хорошим офицером, но хорошим сержантом он быть не может. Офицером — умным, грамотным — может! А вот придирается по мелочам (застыбнить пуговку!) грузин не будет.

А у нас армия мобилизационная. Это означает, что объявляется мобилизация, и в Грузии, допустим, дивизия сокращенного состава пополняется мужиками, которые живут недалеко отсюда. Но сержантов в нужном количестве ты призвать не можешь, потому что среди грузин мало сержантов. В Узбекистане объявляется мобилизация — нет там сержантов. То же в Киргизии — нет сержантов запаса. Из казахов — может быть. А хохлы — они все сержанты, там рядовых мало!

Поэтому полковые школы были ликвидированы, вместо них были созданы учебные дивизии, которые готовили сержантов на всю Советскую Армию. Я служил в 66-й Гвардейской учебной мотострелковой дивизии. Город Черновцы. Мы готовили каждый год два выпуска по максимуму десять тысяч сержантов (иногда — пять-шесть тысяч) то есть 10—20 тысяч сержантов в год.

Генеральный штаб сидит и рассчитывает: для Узбекистана надо накопить в запасе столько-то сержантов танковых войск, артиллеристов-сержантов — столько-то, ракетчиков-сержантов на такую-то ракету — столько-то. Отбирают нужное количество пацанов, загоняют их в эшелон, гонят к нам и говорят: «Вот делайте сержантов из узбеков». Потом приезжает эшелон азербайджанцев —

«Делайте из них». Мы делаем, а их потом разгоняют по всей армии. Потом они демобилизуются, и где-то записано, что нужное число сержантов для пехоты, для артиллерии — заготовлено, для танковых частей — заготовлено. А они — говно!

Вот американцы этого понять не могли. Оттого я противник этих учебных дивизий, что сам был вынужден быть отличным командиром взвода и роты, а быть отличным командиром взвода и роты и подняться выше можно было только с помощью очковтирательства. Потому что нельзя из человека, который не говорит по-русски и служить в армии не хочет, за шесть месяцев сделать не просто сержанта, да еще отличника. Вот у всех моих товарищей выпуск — все отличники. А у меня — нет. Они получают повышение, а я не получу. Так что, я дурнее их? Нет. Тогда и я вынужден хитрить. Точно так же, как и любой председатель колхоза должен был приписывать нолики и крестики куда угодно, иначе его закусает!

Была система, которую ты, как плетью обуха, не перешибешь. Я два раза пытался, а на третий раз сделал отличный взвод и пошел на повышение. А там больше — и уже в Академию забирают. В академию и так меня забирают, но когда смотрят дело, то кивают: отлично, волевые навыки, командирские качества и так далее. А если у тебя отстающий взвод, то никто тебя в Академию не возьмет! Скажут, что «он же командовать не умеет!»

Так вот, возвращаемся к вопросам. Американцы спрашивают, почему советский солдат ходит в сапогах и портянках, а не в ботинках. А я говорю: «А вы попробуйте по грязи походить без сапог, в ботинках!» Объясняю им, что такое и зачем портянки. Не понимают.

Спрашивают: какой военный бюджет Советского Союза? Официально — 17 миллиардов рублей. Может ли такое быть? Не мало ли? Они переводят это в доллары, и у них ни хрена не получается. Не может же такого, говорят, быть!

А я им объясняю, что — да, не может это быть. И что же?

Предположим, у вас сейчас проблема с Китаем. На китайской границе осложнения. И вам нужно, допустим, перебросить туда одну танковую дивизию. Что такое танковая дивизия? Это десять тысяч человек. Это триста тридцать пять танков. Это около 600 бронетранспортеров, 2000 автомобилей и черт знает еще сколько и горючего, и шинелей, и всякого другого.

Так вот. Задача на сообразительность. Вы перебрасываете дивизию из Белоруссии на китайскую границу. Десять тысяч километров. Эшелонов вам нужно очень много. И вы — глава правительства. Я спрашиваю: в чем, товарищ Косыгин, ваш интерес был бы — чтобы железная дорога побольше содрала с этой дивизии за переезд или поменьше?

И вот они думают, думают. Ничего они придумать не могут. Полдня спорят. И такие аргументы, и другие. Решают, конечно, выгодно, чтоб побольше: будет железной дороге прибыль.

Я говорю: «Ага, получается, что если железная дорога — а она же государственная, от Министерства путей сообщения! — потребует за перевоз дивизии сто миллионов, это означает, что товарищ Косыгин должен из одного кармана достать сто миллионов рублей, отдать Министерству обороны, Министерство обороны отдаст эти деньги Министерству путей сообщения за перевозку дивизии, а те перечислят доход государству, товарищу

Косыгину. А если один рубль потребуют, он вытащит один рубль, отдаст армии, армия отдаст Министерству путей сообщения, а то вернет товарищу Косыгину. Так вот, термин «военный бюджет» в Советском Союзе смысла не имеет никакого!

Они не понимают. Говорю: допустим, вы взялись давать уроки вождения вашей жене. Она не работает. Бюджет у вас общий. Вот как бы вам было лучше: обобрать ее, как липку, чтобы она вам по сто долларов платила за урок, или по одной копейке в час. Разницы-то нет. Любую сумму она из твоего кармана возьмет и тебе ее вернет!

И они на меня смотрят, как на дурака, а я им объясняю, что невозможно разделить — где военный бюджет, а где невоенный.

Вот строим мы Братскую ГЭС — сколько она стоит? Да никто не знает, сколько стоит Братская ГЭС! Можно отчитаться, но... Дело вот в чем. Однажды Косыгин, когда стал премьер-министром и затеял «косыгинские реформы», собрал академиков и спросил их, сколько стоит тонна стали в Советском Союзе. Академики думали-думали, а потом пришли и сказали, что определить у нас цену тонны стали невозможно. Вот если кто-нибудь у нас ее купит и что-то заплатит — тогда можно. Если это крутится внутри, то мы не знаем. То есть мы можем назначить цену. А что в нее включать? Стоимость угля включать? А сколько он, уголь, стоит? А хрен его знает! Нет рынка!

Британцы поняли, а американцы — нет.

— *Какие еще были вопросы?*

— Да множество вопросов! После этого я сделал вывод: американцы знают все! Про Советский Союз они знали все. Фамилии командиров дивизий знали все! Я говорил о 66-й дивизии, а они сразу по своим записям

прокрутили и говорят: генерал-майор Нильга, а начальник штаба полковник Трофименко. Так точно, говорю. Так вот, они знали все, но они не понимали ничего. Они знали все без меня, никаких секретов я им не открыл. Но ни хрена не понимали.

Еще был хороший вопрос: что бы я предложил предпринять, чтобы разрушить Советский Союз? Я говорю — скажу. Но вы же все равно этого не сделаете. Вот Советский Союз покупает у вас хлеб. Вы не продавайте им хлеб, и все рухнет.

Удивляются — как рухнет? Они ж тогда сами начнут производить!

Говорю: в том-то и дело. Они начнут производить свой хлеб, а чтобы Россия производила свой собственный хлеб, и картошку, и все прочее, мужику нужно платить не фальшивым рублем, а настоящим.

Вот Ленин когда-то ввел Новую экономическую политику. Ничего нового в ней не было, это был обыкновенный капитализм. Разрешили торговать. Делай хлеб и торгуй. Платили золотым рублем. Прошло два года, завалили хлебом Россию, а в 1927 году — трудности с хлебозаготовками. Вы, говорю, понимаете, почему? Трудности с хлебозаготовками!

— Нет, говорят, не понимаем.

— Был продналог. А в 1927 году мужики перестали хлеб на рынок вывозить. Мужики сосредоточили в своих руках червонцы, приезжают на рынок, а на рынке ничего не могут купить. Потому что промышленность работает на военные вещи. И ничего для него не производит. За рубеж мужик уехать не может. Купить не может ни ковров, ни гвоздей.

Перед Сталиным был путь: дальше вводить не только НЭП, но и всю промышленность переводить на нужды

мужика, который кормит страну. Выпускать мотоциклетки, велосипеды, примусы, керосину побольше, цемент, ковры. Школ побольше, чтобы мужик мог на что-то свои золотые рубли потратить. Но промышленность работает на армию, на войну. И тогда нужно или мужика уничтожить, отобрать у него деньги, загнать в колхозы и забирать все бесплатно, или отказаться от всякой индустриализации. От военной индустриализации и от планов мирового господства.

Я им объяснил, что Советский Союз, если не сможет покупать хлеб, будет вынужден дать мужику свободу, вынужден будет платить ему настоящей деньгой, за которую что-то можно купить. Ведь сейчас тотальный дефицит. На рынке очереди стоят жуткие... Поэтому сколько бы вы сейчас ни дали мужику, ВПК работает, все будут покупать хлеб за рубежом и расплачиваться золотом, нефтью. Прекратите снабжать Советский Союз хлебом, и тогда страна постепенно станет нормальной демократической страной, не будет вас ракетами пугать. Промышленность вынуждена будет перестроиться.

Но они не соглашались. Они считали меня дураком, считали, что меня заслали им такие вещи говорить.

Понимаете, в Америке, если находится умный человек, он идет в бизнес и успешно работает. А тех выпускников университетов, которые никуда не годятся, часто забирают в разведку. Вот передо мной такие люди и сидели.

Они готовы балансировать на грани войны. Пусть этот монстр производит оружие, а этим оружием убивают американцев во Вьетнаме, но чтоб только золото шло в Америку за хлеб. Мы с ними говорили, как глухонемой со слепым. Они меня решительно не понимали. А с моей стороны это была не измена Родине. Я работал на свою страну. Если бы они меня тогда послушали, то, может быть,

эти преобразования раньше начались. До того, как жареные петухи начали клевать в задницу. Была бы моя власть, я бы так и поступил. И я считаю преступниками тех, кто нашего мужика держал в колхозе, без паспорта, в пьянстве, в кабале.

Еще был один интересный вопрос. Они попросили у меня совета, как наладить антисоветскую пропаганду. Прежде всего спрашивают: ты «Голос Америки» слушал? — Слушал. Би-би-си слушал? — А как же. Есть, говорю, привычка на Руси ночью слушать Би-би-си.

Они и говорят: если бы ты отвечал за нашу пропаганду, как бы ты ее организовал? Ну, говорю, прежде всего не так, как она организована. А что там не так? Пропаганда ваша объясняет, как у вас хорошо. Слушаешь «Голос Америки» — вот в Америке носки стоят столько-то, апельсины каждый день лежат в магазине и стоят столько-то, и рабочий за один час зарабатывает на три тонны апельсинов. И каждый у нас ездит в автомобиле, автомобиль стоит столько... Вот. Или как начнут про медицину. Я до сих пор помню. Вот у них там одна страховка, другая страховка, и еще какая-то там страховка и как ее правильно выбирать...

А здесь сидит русский человек, у него уши пухнут: он вообще не понимает, зачем страховку нужно иметь, если у нас бесплатно все. Он думает: что вы тут мне рассказываете?! Они говорят: а что же делать? Так, говорю, все просто: вот есть книга, допустим, Авторханов, «Технология власти». За нее дают срок! Вот возьмите, соберите данные, за какие книги какие сроки дают. Пишут эти книги советские люди. Советская власть сама знает, что для нее опасно. Вот, скажем, книга Авторханова весит пять лет лагерей. Солженицын, «ГУЛАГ» — тоже пять. За другую книгу дают три года, и так далее.

Не надо вам никаких программ и прочего создавать, уже

все написано, открывайте такую книгу и читайте в микрофон. Вот и все. Ох ты, говорят, а у тебя такие книги есть?

А я, как приехал, сразу в русский магазин и все свои деньги там истратил. Написал я им целый лист, рассказал, где в Лондоне магазин с русскими книгами найти. Говорю, что и у вас в Нью-Йорке такие магазины должны быть обязательно. Но им списка недостаточно. Принеси, говорят, книги. Отдал я им эти книги, целую библиотеку бесценную. Совета они моего не послушали и книги не вернули. Книжки пришлось второй раз покупать. А ведь книги были замечательные. Например, «Загадка смерти Сталина» Авторханова. Ведь Авторханов — мой учитель!

— *Да, книга эта потрясающая. Методика исследований в ней та же, что и в «Ледоколе».*

— Это у меня та же самая, что у него! Что меня роднит с Авторхановым? Номер один: прежде всего, идет провокация в названии. «Загадка смерти Сталина»! Я как зашел в магазин, сразу увидел.

Какая загадка? Вы что? Умер товарищ Сталин, и все. Открываю, начинаю читать. И вот мне нужно было из Лондона ехать далеко-далеко на автобусе, несколько часов. День-то я в Лондоне провел, возвращаюсь домой на автобусе. Ночь. В автобусе темно. И вот мелькнет за окном фонарь, я строчку — рраз! — прочитал. Оторваться не могу.

Что я у Авторханова взял? Главное: он ставит вопрос, затем он ищет ответ в советской открытой прессе и дает нам цитату. Вот газета «Правда» сказала то-то и то-то. «Я это понимаю вот так, может, кто иначе понимает, но вот у меня такое понимание вопроса». И все. Не навязывает своего мнения, а подводит к вопросу. «Вот, дело было так». Все. Господи, думаю, чего же это я раньше не додумался?

Когда я это все прочитал, я решил, что только так и нужно писать.

Сейчас бьют меня, что, мол, «не научный у тебя стиль»! Ладно, стиль не научный, а содержание? Давайте сравним. Вот «История Великой Отечественной войны», шеститомник хрущевский или двенадцатитомник брежневский. Стиль там научный, а содержание? Откройте и найдите, сколько было военных округов в Красной Армии на 21 июня 1941 года. Попробуйте найти! Сколько у нас было общевойсковых армий? Кто этими армиями командовал? Где они находились? Куда они двигались? Что за этим скрывалось? Сколько у нас было танков? Сколько было самолетов?

Это что, наука у вас? Если Жуков пишет свою книгу научным стилем и пишет, что у нас было в три, пять, восемь раз меньше танков, чем у немцев. Это наука или как? Но стиль научный!

Еще мне казалась интересной манера задавать вопросы. Задают американцы вопрос: почему русские — дураки, делают то или то? У них всегда, если американец что-то не понимает, он считает, что другой дурак. Если британец что-то не понимает, он спрашивает, что за этим кроется. Американец никогда не пытается додуматься. Он считает, что если он делает вот так, то это правильно, а если другой делает не так, то это неправильно.

Допустим, задает вопрос: слушайте, обычный калибр пушки у вас 76 мм. Так? Так. Трехдюймовка. У французов был 75 мм, этот калибр распространился на другие страны. А у нас 76 мм. На Т-34 — 76,2. И вдруг выходит БМП. Там пушка — 73 мм. Нигде в мире такого нет. Или вот, допустим, калибр 122 мм. У вас на ИС-2 стояла пушка 122 мм, была гаубица, полевая пушка, гаубица-пушка и пуш-

ка-гаубица калибром 122 мм. И вдруг вы на танке ставите 125 мм! Три миллиметра разницы, а зачем? Вы что, дурные? Или вот вдруг на Т-62 появляется калибр 115 мм. Ну? Был 100, потом 122, а потом вдруг 115! На Т-64 — 125! Глупость, да?

Я говорю — нет! Это, говорю, у вашей мамы дурные дети. А тут умные люди делали.

У немцев есть пушка 120 мм на «Леопарде-2», есть у вас миномет 120 мм. Казалось бы, стандартизация. Так никакой же стандартизации нет! Ведь 120 мм мина не подойдет к танковой пушке. Не пойдет! Так, на хрена же вам стандартизация? Когда вы делаете новую танковую пушку, то вы преднамеренно делаете чуть-чуть другой калибр, чтобы в бою не было путаницы. Я в бою кричу «сто двадцать», а вы мне — «чего?» А я — «мины, мины»... А вот если я сказал бы «сто пятнадцать», это снаряды для Т-62. Это была особая пушка, совершенно уникальная, для нее уникальные снаряды. Тогда зачем же делать стандартный старый калибр? Поэтому, когда я тебе говорю «сто пятнадцать», ты больше ни о чем не спрашиваешь. «Один-один-пять» — снаряды для Т-62. Или: «семь-шесть» — стандартная трехдюймовка. А на БМП поставили новое орудие, которое называлось 2А28 «Гром». Это совсем другое орудие, это принципиально другие снаряды. Там стоял автомат заряжания. Нам нужен калибр примерно 76 мм, но мы, делая новую пушку, вводим ей другой, совершенно необычный калибр — 73 мм. Если я сказал «семьдесят три», это значит, что я имею в виду противотанковый гранатомет СПГ-9, а тот же снаряд идет на БМП-1. Сказал «семьдесят три» — и все знают, что нужно. Так кто же из нас дурак?

Поездки по миру

— *Вы довольно много путешествуете с выступлениями по разным странам.*

— Да, вот только вчера приехал из Эстонии.

— *Интересна реакция людей на ваши выступления. Кто как в разных странах реагирует? Как дискуссии проходят? Один раз, кажется, чуть-чуть не побили.*

— Да, мне тогда очень сильно повезло. Дело было в Австрии, я там выступал перед офицерами.. Мне повезло в том, что я не похож на профессора. Так же, как — написано в «Аквариуме»! — главное для шпиона — быть не похожим на шпиона. И на профессора я тоже не похож. А со мной в президиуме сидел дядя, очень похожий на профессора. Так все табуретки летели в него.

Свою задачу как историка-просветителя я вижу в том, чтобы довести своих читателей, слушателей, зрителей до мордобоя. Фигурально выражаясь! Больше я себе задачи не ставлю. Что это значит? Я должен пробудить интерес! Человек должен сам искать. Довел я до мордобоя, ну, скажем, определенные слои читателей в России? Я считаю, что довел!

— *Не то слово! Еще бы.*

— По крайней мере, идет битва, и уже не кончится.

Первые публикации были двадцать один год назад. А битва не стихает!

— *Когда «Ледокол» был впервые опубликован?*

— Первая публикация отдельных глав — в мае 1985 года в газете «Русская мысль». До того не брали, но вот подходит сорокалетие Победы! Мне сказали, что к 9 мая мы такую хрень, такую чепуху публиковать не будем, тут будут публиковаться люди серьезные, такие как Александр Моисеевич Некрич. Они тогда с его помощью объясняли, какой Сталин был глупый. А вот, говорят, когда мы закончим эти публикации, то, чтобы повеселить публику, указать на разные точки зрения, мы напечатаем главы из «Ледокола».

Где-то конец мая был мой. Пошла первая глава, которая начиналась с «Сообщения ТАСС». И — понеслось!. После того битва не стихает! Вот сейчас мне прислали наводку на книгу «Что произошло 22 июня 1941 года» А. Усова, 2006 год. «Она, — как написано в предисловии, — разбивает Резуна и резунистов». Наконец-то со мной будет покончено!

Так вот, я считаю, что пока ты человеку внушаешь что-то, это не эффективно. А вот когда начались споры, люди ищут сами доказательств своей точки зрения, правильной или ложной, ругаются, ищут сами, как мы искали, расставаясь, говорят «дурак» — «сам дурак», но после всего этого приходят к тому, что не могут спать, копаются в библиотеке, чтобы показать, что другой — дурак, ищут доказательства своей правоты в каких-то учебниках, в каких-то мемуарах... Вот это — моя скромная задача. Я не желаю никого убедить. А только распалить внимание.

— *Как вас встречают в разных странах?*

— Как правило, очень хорошо. Вот, например, вчера — в Таллине. Провели там долгую программу. Ко мне очень по-доброму отнеслись. Выпили, закусили, а с утра мы уезжаем. И вот в последний момент до кого-то дошло, что Суворов уезжает, а Центральное телевидение не показало это в новостях. Мне нужно проходить контроль, а тут телекамера, тут народ стоит. С одной стороны, я человек стеснительный, а с другой стороны, приятно. Телекамера меня снимает, начинают задавать вопросы. Голос у меня громкий, я захожусь, начинаю кричать в телекамеру. Про президента Путина меня спрашивают, про то, что я делал в Таллине. Тут народ начинает отталкивать телекамеру, суют мне билеты, на которых я должен расписываться, тут же читатели задают мне вопросы. Я говорю: «Братцы, у меня самолет сейчас улетит!»

Меня просто в самолет запихнули, и мы с Татьяной полетели.

По большому счету, самый мой большой триумф был в мае 1992 года в Польше. Это было первое публичное выступление, меня там чуть не раздавили. Но в Польше вообще не было негативных моментов. Было так. Я выхожу в аэропорту, мне сразу репортеры задают вопрос, не является ли это провокацией: наш Лех Валенса полетел в Москву рассказывать, как мы тут сидим без топлива, а тут Суворов в Варшаве...

Я об этом ничего не знал. Контракт с издателем был подписан раньше, за семь месяцев до выхода книги, а в нем стояло, что в тот день, когда «Ледокол» выйдет, я должен находиться в Варшаве. Для рекламы. Издатель не знал, пойдет книга или не пойдет, хотел подстраховаться. Вот я и приехал.

Тут еще была целая предварительная история — как я попал в Варшаву. Правительство мне отказало в приеме. Кто-то откуда-то проговорился, что я появлюсь. А я же не знал за семь-то месяцев, что именно в этот день Лех Валенса полетит в Москву рассказывать Борису Ельцину, как поляки любят русских и что цены на нефть нужно было бы и скинуть. Так вот, он только улетел, а я — прилетаю.

Правительство Польши обратилось к правительству Великобритании, с тем чтобы меня задержали, не выпускали, ибо получается дипломатический скандал.

— *Подождите, а виза польская у вас была?*

— В конечном счете да. Я обратился за польской визой и ее получил. Вдруг в последний момент польский МИД сообразил, что получается накладка, и обращается в британский МИД: слезно просим, задержите его. Британский МИД относится с пониманием и настоятельно рекомендует мне не ехать...

Я поехал в кассу и билет сдал. Приехал обратно и звоню Буковскому. Говорю: «Володя, у меня контракт. Мне хрен с ним, со всем этим, но у меня контракт. Издатель по-своему прав, он сделал книгу, по контракту я должен быть в Польше. Но меня туда не пускают. А издатель вправе содрать с меня за невыполнение условий контракта. И сейчас он обдерет меня полностью... А у меня денег нет, откуда у меня деньги? Книжки мои никто не публикует». И те не пускают, и эти не рекомендуют ехать. Да и зачем Великобритании эти скандалы... А Буковский говорит: никаких проблем, сейчас поедешь. Я говорю: а как? Он отвечает: поможись на меня, все будет.

Он звонит в Польшу. А «Солидарность» еще жива, еще дышит. Он допускает «утечку информации». Вы, мол, по-

ляки, за что боролись? Что терпите? Они, конечно, «как это?!». Польский гонор, вы ж понимаете.. Он и отвечает, что вот автор написал книгу, немножечко против Советского Союза, против коммунизма, а его Польша не принимает...

— *А с кем он говорил?*

— У него там свои контакты — в прессе, в «Солидарности»... И пресса взорвалась. За что боролись?! Человека в Польшу не пускают! Чтобы понравиться Москве! Польский МИД тон сменил. Звонят в британский МИД: мы его приглашаем! От имени правительства! Ну, мне звонят из министерства иностранных дел и говорят: соберай чемодан и езжай. А я говорю, что у меня билета нет. И самолета в Варшаву нет. Тогда они не каждый день ходили. Поезжай, отвечают, тебя правительство Польши просит. Есть самолет из Хитроу в Вену, а из Вены в Варшаву. А тогда в Варшаве не было цивилизованного аэропорта. Я говорю: хорошо. Только самолет улетает в Вену в 4 часа утра. Я говорю: а что я там буду делать? Все тебе оплачено, люкс в аэропорту, переспишь, тебя снимут и посадят в Вене.

Хорошо. Прилетаю я. Если в четыре самолет вылетал, то, значит, ни черта не спал. Выхожу в аэропорту — моего чемодана нет. Жара в Польше — жуткая. Май месяц, кажется 21-го, жара — за 33 градуса. Оттого, что я такой важный, V.I.P., в Вене мой чемодан оставили. Меня так охраняли.

Не успел выйти — вопросы ко мне. Потом смотрел новости — «Вот он летит! Вот он приземляется! Вот он!..» А я грязный, ночь не спал. Чемодана нет.

Выхожу, телекамеры, куча журналистов. Мне первый вопрос: Лех Валенса улетел в Москву, а ты вот прилетел!

Я говорю — ну и что? А они свое: Лех Валенса в Москву полетел, а ты сюда! Я говорю: так в чем вопрос? Вы что, хотите, чтобы я сказал, что в Москве об этом подумают? Там был какой-то коммуняка, он меня подталкивал на то, чтобы я высказался... Вот что, мол, там подумают? Я говорю, что подумают, что Польша — свободная демократическая страна, приглашает того, кого желает, больше уважать будут! В тот день в Варшаве было продано 28 тысяч экземпляров «Ледокола». В один день. Продали бы больше, но не было.

Получилось так, что трое суток я там не спал. Очень сильное нервное напряжение. С утра встаем, меня куда-то везут. Телекамеры. Пресс-конференции. «Давай водки выпьем!» Какие-то еще вопросы. Потом иду спать, захожу в отель, а спать не могу. Открыл окошко, смотрю на звезды, хожу, хожу. А в пять часов нам надо ехать в Краков. Я спускаюсь вниз, а у меня ни рубашки чистой, ничего — все осталось в том, потерянном чемодане. Мне переодеться не во что. Не горюй, говорят, поехали, там найдем, во что тебе переодеться.

Ехали, не помню сколько времени, от Варшавы до Кракова. Жара жуткая. Приехали туда. Мне бы в душ залезть. Не надо, говорят. Вот тебе водки — и выступай. Выступал целый день без остановки. Потом в Краковском замке мне какую-то комнату королевскую дали. А я выхожу на балкон и — спать не могу, так взвинтился. На третий день повезли меня в Быдгощь... Потом приезжаем в Варшаву, а там сенсация. Чемодан Суворова украден! КГБ увезло его в Москву! Желтая пресса, коричневая и прочая...

Вот это был мой триумф.

— *В Болгарии вас тоже любят?*

— В Болгарии любят. Там даже есть «Клуб любите-

лей Суворова». Ездили мы по Болгарии с охранником с пистолетом. Цветан Цветанов его звали. Всю Болгарию мы с ним объездили. А там ночью на автострадах (было это в октябре 1996 года) — дороги пустые. Никого нет. Потому что бензина нет, машины стоят, люди нищенствуют. Жуткий ужас. Едем по дороге, а по ним ездят только турецкие автобусы, турецкие рефрижераторы, гонят турецкий чай, табак или еще что-то в Европу через Болгарию. Цветан ведет машину только ночью. Из Варны мы ехали в горы Пирин, там санаторий Центрального Комитета, в котором мы должны были два дня отдыхать. И вот мы едем через горы ночью. А ночью в горах уже морозит, и дорога идет по серпантину. Он гонит, Татьяна в меня вцепилась, я в нее. Люди-то южные, а на дороге столбиков нету... Пропась, и он над пропастью так лихо... А сзади пристроился турецкий автобус. Прямо в задницу упирается, светит фарами. И уступить ему нельзя, узко. А автобус жмет и жмет. Турок на болгарина нарвался!

И вот так едем мы пять, десять минут. Цветан опускает окно. Мы на заднем сиденье, и на нас холодный ветер. С открытым стеклом он едет минуту-две. У нас уже зубы стучат. Вдруг он левой рукой достает громадный пистолет и выставляет ее в окошко. Машину ведет правой. Оказалось, это он выбирал такой поворот, чтобы водитель автобуса сразу увидел, что у него в руке. Тот сразу же отстал.

— *Это правительство дало охрану?*

— Да, правительство. Мы приехали в Болгарию по приглашению генерального прокурора Ивана Татарчева. Мне он написал в письме: «Я вас приглашаю от имени правительства и от своего имени. То, что там думает о вас

Россия, я не знаю, но Болгарии вы ничего плохого не сделали, я буду вас охранять, как своих личных гостей, поэтому приезжайте». Мы приехали утром, нас встретил генеральный прокурор, потом он поручил нас своим ребятам. Не знаю, гласная или негласная это была охрана. В конце он приехал к нам, привез нас в аэропорт, к трапу, и сказал: «Вот тут моя миссия кончается, это граница Болгарии, болгарская противовоздушная оборона предупреждена». Не знаю, насколько он шутил, но то, что нас встретил и проводил генеральный прокурор от трапа и до трапа, — это было.

— После побега вы, естественно, получили британские документы с новым именем. Под какими именами вы ездите?

— Ну, паспортов у меня много. В Таллин, например, ездил с документами Виктора Суворова.

Интервью и рецензии

**«Когда там завинчивают гайки,
наша роль повышается»**

В Лондоне начал выходить новый русский журнал «Колокол». Его главный редактор — Александр Шлепянов. Среди авторов первого номера — Александр Кушнер, Томас Венцлова, Самуил Лурье, Наталья Толстая, Игорь Померанцев, Вячеслав Сысоев и другие, не менее известные люди. О новом журнале и перспективах заграничной русской прессы Дмитрий Хмельницкий беседует с одним из авторов журнала, историком Виктором Суворовым.

— Виктор, как вам понравился первый номер журнала?

— Когда меня попросили что-нибудь написать для «Колокола», я не представлял себе, что это такое. Когда же я его получил, то был приятно удивлен и обрадован. Журнал превзошел мои ожидания.

— Какова, на ваш взгляд, задача журнала и его отличие от российских аналогов?

— Сейчас над российскими журналистами, над всеми, кто работает в средствах массовой информации, на-

Впервые опубликовано в газете «Европа-Экспресс» №32, 2002, Берлин.

висла некая тяжесть. С одной стороны, цензуры как бы не существует, а с другой стороны, каждый вынужден защищать сам себя, то есть срабатывает прежде всего самоцензура, которая в сравнении с советскими временами приняла совершенно невероятные формы. Я говорю о моих коллегам-журналистам. Над ними висит топор на веревочке. Люди боятся потерять работу и подвести коллег. Как это сейчас принято, в любой момент кто-то может перекупить журнал или газету. Новый владелец проводит реорганизацию, в ходе которой полностью меняет лицо издания, редакторский состав, линию и т.д. Наши коллеги сейчас в России находятся под огромным давлением.

— Каковы нынешние перспективы русской заграничной прессы? Не возвращается ли к ней прежняя роль «свободной прессы»?

— Да, мне кажется, что так оно и есть. В августе 1991 года, когда все рухнуло, мой хороший друг, Сева Новгородцев, пригласил меня на «Севооборот», в свою знаменитую программу. Мы вещали на Россию в эти исторические дни. Программа закончилась, мы пьем кофе, и я говорю: «Сева, как же так, наверно, это наша последняя передача? Вот мы сейчас отгитаровали в эфир, и больше таких программ не будет, потому что Россия — свободная страна, сейчас у них там доступ к информации, они там живут, а мы тут как на Луне». Сева — человек мудрый и немного старше меня. Он потрепал меня по плечу и сказал: «Не бойся, старик, на наш век хватит». Сейчас я отдаю должное моему старшему товарищу. Думаю, он был прав. Полная свобода, которой мы можем пользоваться, несравнима с той полусвободой, которая была там, и с той ситуацией, которая там насту-

пает. Когда там завинчивают гайки, наша роль неизменно повышается.

— *Несколько слов о материалах первого номера «Колокола».*

— Журнал очень мощный. Материалы хорошие и разнообразные. Вот, допустим, в конце совсем небольшая статья Сидорова. Человек с потрясающим юмором разделал новый Уголовный кодекс. Его писали какие-то полууголовные элементы. Затем отличная статья — предсказание распада бывшей империи на множество независимых государств. Автор — С. И. Вилла — с огромной эрудицией и непререкаемой логикой доказывает, что современное состояние России, распад Советского Союза — это только промежуточная стадия. Распад будет продолжаться. Сведения, которые он приводит, оспорить не то что трудно, но, на мой взгляд, невозможно. Или статья Александра Пятигорского «Ясное небо над национальной идеологией». Уж тут человек по национальной идеологии прошелся так, что душа радуется. Понимаете, я, как человек простой, догадывался, что что-то тут не так с этой национальной идеологией, но сам не задумывался над этой проблемой. Я понимал, что это чепуха: не может быть национальной идеологии в современной России. Кто может там составить эту национальную идеологию, кто стоит во главе государства, кто будет ее писать? Но своих аргументов я не имел. Прочитал эту статью, и теперь я полностью подкован по этому вопросу.

Очень хорошее интервью с моим любимым художником Вячеславом Сысоевым. Для «Ледокола» он был маяком. Кроме того, очень сильный раздел культуры. Каждый читатель найдет для себя что-то интересное. Это не узконаправленный политический журнал. Для меня

он — неожиданное и приятное открытие, тем более что в последнее время наша эмигрантская пресса стала не то чтобы увядать, но потеряла свою ведущую роль для свободомыслящих людей, а теперь она в эту роль входит и наверстывает упущенное.

Нужно сказать, что журнал «Колокол» — не единственная новость для нас. В ближайшее время в Париже начнет издаваться новая газета. Ее будет выпускать человек, дружбой с которым я горжусь, — Александр Гинзбург.

Мне это известие доставляет огромную радость, потому что в последние годы создалась такая ситуация, когда мне, как автору, было просто негде публиковаться на Западе. А в России меня не очень любили и было трудно найти для себя трибуну, с которой можно было обратиться к читателям. За океаном хоть и выходили газеты и журналы, но они часто имели крикливый, рекламный привкус. И потом, за океаном — это очень далеко, а мы все-таки европейцы. Я рад, что у нас в Европе это все возрождается.

— Недавно мне попала в руки свежеезданная книга некоего Александра Помогайбо «Псевдоисторик Суворов и загадки Второй мировой войны». Это довольно злобный и глупый фельетон. Одновременно издаются интересные и серьезные книги Бориса Соколова. Ваши главные тезисы о подготовке Сталиным нападения на Европу подаются им как нечто само собой разумеющееся и не требующее дальнейших доказательств. А как выглядят сейчас ваши отношения с российской исторической наукой?

— То, что Борис Соколов мой единомышленник, я считаю своей огромной победой. Я всегда с интересом читаю его книги, у него хороший доступ к материалам.

Это значит, что «Ледокол» пробился. А что касается книги «Псевдоисторик Суворов» — она тоже лежит передо мной, — то я рад, что у меня находятся критики, которые не могут успокоиться, рад тому, что у человека, который исписал несколько сот страниц, не нашлось никаких аргументов против меня. Злоба выплескивается, а аргументов нет. Это тоже моя победа.

— А как складываются ваши отношения с издателями в России и за границей?

— Я написал книгу о маршале Советского Союза Жукове. Она вышла на немецком, польском, болгарском и румынском языках. Сейчас готовится к выходу во Франции, Испании, Италии, США. А вот в России такую книгу опубликовать, видимо, в настоящее время не удастся (*Книга «Тень Победы» вышла в украинском издательстве в 2003 году. — Д.Х.*). Снова появились запретные темы. Я разговаривал с некоторыми российскими историками, которые так и сказали: тема эта запретная, о Жукове писать нельзя. То есть нельзя писать о нем правду. Лично я это очень чувствую, на меня давят, чтобы я эту книгу либо снял, либо переработал под наш современный Агитпроп. Я этого делать не хочу. Каждый желающий может прочесть эту книгу по-английски, по-польски, по-итальянски, и радостно, что мы живем уже не в XX, а в XXI веке, и на нашей стороне Интернет. Я не пускал эту книгу в Интернет, но оттого, что она переводилась на многие языки, книга в Интернет уже попала. Правда, это начальный вариант. Книга уже дополнена и переработана.

Виктор Суворов:
**«Любой провал воспринимается
как ножом по сердцу»**

Живущий в Англии бывший советский разведчик Виктор Суворов выражает профессиональное сочувствие российским спецслужбам, навлекшим на себя подозрения в причастности к убийству Зелимхана Яндарбиева. Но, по мнению автора «Ледокола» и «Аквариума», борьба с терроризмом террористическими методами бесперспективна и опасна. Читайте интервью с г-ном Суворовым, взятое для Грани.Ру берлинским журналистом Дмитрием Хмельницким.

— Виктор, какое впечатление на вас произвела история об аресте сотрудников российских спецслужб в Катаре?

— Провал любой разведки всегда воспринимается с точки зрения чисто профессиональной — как ножом по сердцу. Кто бы ни провалился. Думаешь, ребята, ну как же вы так, не смогли поаккуратнее сработать... Первое впечатление — провал, и очень противный. Конечно, только суд может вынести окончательный приговор, но

Впервые опубликовано: Грани.Ру, 02.03.2004.

в любом случае дело пахнет нехорошо. Россия очень активно борется с терроризмом и по русской привычке клин вышибает клином. И, как всегда, не очень успешно. Есть один политический деятель в России, не могу сейчас вспомнить, как его зовут, но в народе он известен как «сортирный мочильщик». Так вот он не скрывает того, что ведется террористическая война против терроризма.

Не знаю, что решит катарский суд, но все это похоже на наш почерк. Просто сейчас ребята либо забыли, либо никто их не учил, как нужно заматывать следы. Непрофессиональная работа — вот моя реакция.

— Пресс-атташе Службы внешней разведки с возмущением заявил, что Россия к покушению на Яндарбиева отношения не имеет и что с 1959 года бывшее Первое управление КГБ, а ныне СВР, ничем подобным не занимается.

— Это неправда. Любой дьявол всегда начинает с того, что отрицает свое существование. В том и сила дьявола. Не могут же они заявить: «Да, мы действительно повинемся нашему президенту и «мочим в сортирах». Они занимаются убийствами, и об этом достаточно много известно.

Например, Георгий Марков был убит в Лондоне в 1978 году. Олег Данилович Калугин даже гордился тем, что был организатором и вдохновителем этого дела. Он за него получил болгарский орден и персональный подарок от руководства коммунистической Болгарии.

Активная работа против людей, которые не нравятся определенным режимам, всегда велась и всегда будет вестись. Необязательно людей убивать. Можно вспомнить знаменитое похищение Артамонова, он же Шадрин. Это

событие даже упомянуто в «Аквариуме». «У наших боевых друзей большой праздник сегодня — украли человека».

Артамонов был морской офицер, командир эскадренного миноносца, ушел в Америку из Польши. Длительное время работал в Америке, потом его заманили в Вену. Олег Данилович Калугин был руководителем этого «проекта»... Он этого и не скрывает. Артамонова похитили, вывезли в Чехословакию, и там он скончался. Говорят, по ошибке удушили. Но профессионалы таких ошибок не допускают. Его убили.

Руководству КГБ было выгодно украсть этого человека и допросить, а исполнителям было очень невыгодно, чтобы этот человек предстал перед следователями. Впрочем, даже если бы они его и не убили — похищение человека нашими родными карательными органами равносильно смерти. Лучше умереть в ходе похищения, чем оказаться на конвейере в КГБ.

Я прошу прощения, что вынужден приводить себя в качестве примера. Существует 18-серийный фильм «Последний миф» обо мне. Там есть такой эпизод. Создатель фильма Владимир Синельников берет интервью у Калугина и спрашивает: «А Суворов был вашим клиентом?» — «Да, — отвечает, — был». — «А что ж вы его не умочили?» — «Не нашли. А если бы нашли, так сделали бы». И объясняет механику. Его дело было найти. А исполнители были бы другие. Это древний китайский метод — «убить чужим ножом». Сейчас мы с Олегом Даниловичем Калугиным находимся в хороших отношениях.

— *С Яндарбиевым, видимо, было то же самое.*

— Видимо. Трудно судить о том, что там в действительности было, но происшедшее вполне укладывается в

официальную политику — «мочить в сортире». Ну и в автомобиле тоже.

— *Судя по тому, что Катар пошел на такой международный скандал, основания у них были более чем серьезные.*

— Да, конечно. Небольшое государство всегда оглядывается по сторонам, прежде чем предпринять какие-нибудь действия против относительно мощных государств. А Россия таковым является. Видимо, у них были основания. С другой стороны, арабские страны — постоянные объекты международной критики. Дескать, они вдохновители и укрыватели террористов. Оказывается достаточно мощное давление и на Саудовскую Аравию, и на другие страны, чтобы они прекратили помощь террористам. Руководители нефтедобывающих арабских государств в регионе Персидского залива находятся в достаточно сложном положении. С одной стороны, они должны торговать нефтью, получать деньги, они зависят от западных стран и с экономической, и с технической точек зрения. Кто-то же должен бурить скважины, они должны держать деньги в западных банках. Запад имеет на них влияние. С другой стороны, существуют радикальные исламские группировки, которые в любой момент могут предпринять какие-то действия против них же. Руководители этих государств должны играть на два фронта. С одной стороны, быть добрыми в отношении Америки и заверять, что они не поддерживают терроризм. С другой — они вынуждены откупаться от радикальных группировок. Арест российских граждан по обвинению в терроре политически им очень выгоден. Он показывает, что не только от них эта зараза идет. С политической точки зрения для них очень важно раскрыть это дело.

— Вы считаете, что покушение на Яндарбиева — это нормальная тактика российских спецслужб, а по сути дела — российского правительства? Ведь нет сомнений, что это все исходило от Путина. Или могут быть сомнения?

— В этом случае Россия будет отрицать свое участие до последнего. Но ведь совсем недавно Путин заявил, что «Россия с террористами переговоров не ведет, она их уничтожает». Этот теракт вполне укладывается в политику России. Здесь нужно выяснять, где курица, а где яйцо. Кто-то совершил теракт, мы в ответ совершаем теракт. Кто-то кого-то убил, мы в ответ тоже кого-то убиваем тем же самым методом, причем на территории иностранного государства. Такая игра никогда не приводила к хорошему результату. Есть же исторический опыт.

В начале прошлого века российская охранка увлеклась борьбой с террористами руками самих террористов. Там перекупали руководителей боевой организации эсэров, например Азефа. Чтобы их законспирировать, им разрешали проводить некоторые акции, кого-то убивать. В конце концов полиция сама запуталась в том, кто террорист, а кто нет и кто против кого борется. Мне кажется, что и сейчас происходит потеря ориентации. Неясно, кто на самом деле террорист. Быть террористом очень плохо. Но использовать такой же террористический метод в борьбе с террором — не лучше. Тот клин этим не вышибить.

— Ясно, что с моральной точки зрения это абсолютно недопустимо. Для Запада все происшедшее — шок. Особенно при нынешних хороших отношениях с Россией. А вот с практической точки зрения — какова, на ваш взгляд, ре-

альная цель Путина и в какой степени он этой цели может добиться?

— Трудно сказать, какие цели у Путина, но ясно, что ничего хорошего из террористической борьбы против терроризма не выйдет. Просто потому, что объекты террора открыты — московское метро, театры... Защитить их невозможно. А террорист — он невидим. Кроме того, такой решимости бороться с террористами, какая есть у них самих, у России нет. Там люди идут на самоубийство. А нашего человека послать на самоубийство не так просто, мягко говоря.

Поэтому, если мы вступаем в эту борьбу на их правилах и на их условиях, то мы обречены на поражение.

— А что значит в данном случае поражение? Я не могу понять смысл этой деятельности. Таким образом войну в Чечне ведь не закончить. Так ее можно только усугубить.

— Во всех разговорах о войне в Чечне я обычно задаю один и тот же вопрос. Я говорю — господа, дайте мне автомат Калашникова, я пойду в Чечню, я буду их убивать, только сначала объясните мне, непонятливо-му, — почему с чеченами нам будет хорошо? Вот без них нам плохо, а с ними будет хорошо. Чего вы добиваетесь? Вы же сами пишете, что чеченцы — бандиты, террористы. Почему вы хотите жить с бандитами и террористами? Говорят, что там работорговля.. Почему вы хотите жить в одной квартире с людьми, которые занимаются работорговлей?

Тогда мне говорят: ты ничего не понимаешь. Там же нефть! Тут я признаюсь, что ничего не понимаю. России нефть ведь не нужна. Россия сейчас и без Чечни производит нефти больше, чем Саудовская Аравия, больше

всех в мире. Вам нефти не хватает? Чего только в России нет — золото, газ, алмазы.. Вам от этого лучше? Жизненный уровень поднимается? Кто-то между вами эту чеченскую нефть поровну разделит? Не достанется же вам ничего.

И тогда мне говорят: ты ничего не понимаешь. Если дать свободу Чечне, то и все другие захотят свободу. Я отвечаю: тогда ситуацию нужно квалифицировать иначе. Надо честно признать: Россия не желает жить под властью Москвы. А как иначе, если дай свободу — и все расползутся? И тогда нужно разбираться, почему Россия не желает жить под властью Москвы. Тогда нужно искать решение всех проблем именно в Москве, а не на периферии. Почему так получается: есть один президент, и за него мы всенародно и чуть ли ни единогласно голосуем, а чуть дай свободу — и все разбегутся? Тот, кто так говорит, признает, что все в России склеено на соплях и на крови. Если ситуация именно такова — давайте эту свободу сейчас. На условиях Москвы. Не ждите ситуации, когда жареные птицы начнут вас клевать. Тогда окраины начнут отделяться не на ваших условиях, а на своих собственных.

— *Странная вещь, по немецкому телевидению об аресте российских агентов в Катаре даже не упомянули.*

— Я тоже обратил внимание на то, что британская пресса об аресте не упомянула.

— *Чем это можно объяснить? И другой вопрос: чем грозит России это событие во внешнеполитическом смысле? Запад, видимо, просто растерялся. Они не знают, как это подать.*

— Если обвинения подтвердятся, то большой друг За-

пада Владимир Владимирович попадет в очень неприятную ситуацию. И все его союзники на Западе, а у него их много, — тоже. Сейчас все делают вид, что вроде ничего не заметили. Идет война против терроризма, и Россия один из главных ее вдохновителей. После 11 сентября Россия сразу же нашла общий язык с Америкой. И вдруг выясняется, что Россия ничем не отличается от тех же террористов, использует ту же тактику, то же оружие, те же приемы, ту же философию. Западу крайне неприятно все это слышать.

— Тут еще одна параллель всплывает. Не так давно исполнился год теракту на Дубровке в Москве. С той поры, как заложников «Норд-Оста» потравили газом, никакой новой информации не публиковалось, о расследовании ни слуху, ни духу. Это может означать самые неприятные вещи.

— Да, об этом имеет смысл поговорить с Александром Литвиненко. Он накопил очень интересные материалы. Там следы совершенно очевидно ведут совсем не в том направлении, в котором хотелось бы российскому руководству.

— Странная закономерность. С одной стороны, более чем вероятное участие спецслужб в покушении на Яндарбиева, а с другой — непонятное нежелание распутывать настоящий несомненный теракт, совершенный чеченцами в Москве.

— Если он был совершен чеченцами.

— Исполнители-то точно были чеченцами.

— Но кто стоял за ними? Здесь вполне мог сработать тот же старый китайский принцип — «убить чужим но-

жом». Самый распространенный метод вербовки в любой разведке — «темная» вербовка. Например, лучшие источники информации для Сталина всегда думали, что работают не на советскую разведку. Их вербовали от имени, скажем, британской разведки. Исполнители были чеченцы, ими кто-то руководил, этими тоже кто-то руководил. И кто там за кулисами за веревочки дергал — с этим надо разобраться. Следы ведут прямо в высшие сферы.

«Россия готовится к прошлой войне...»

Виктор Суворов о российской армии, ракетах и политике

— Российский президент начал свой новый срок правительственной реформой и, в частности, подчинением себе лично всех силовых структур. Виктор, что Вы думаете по этому поводу?

— Шаги, которое предпринял Путин, на мой взгляд, означают, что президент никому не доверяет. Это ситуация, хорошо знакомая нам по истории. Например, Сталин тогда, когда его власть была неоспорима, занимал только одну должность — Генсек ЦК ВКП(б). И все. Во время войны он был вынужден принять должность главнокомандующего и одновременно стать председателем Совета Народных Комиссаров. Во время войны иначе и быть не могло. Но после войны Сталин занял множество должностей. Он был и министром вооруженных сил, и главой правительства, и генеральным секретарем и пр., и пр. Это уже свидетельствовало не об усилении его власти, а об ее ослаблении.

Я не хочу проводить никаких параллелей. Но вот по-

Впервые опубликовано в газете «Европа-Экспресс» № 382, 2005.

смотрите на Гитлера, который никому не верил. Был момент, когда он занимал должности верховного главнокомандующего, командующего сухопутными войсками и одновременно командующего группой армий «А». Кроме того, и канцлер, и фюрер... Так вот была ситуация, когда командующий группой армий «А» должен был обращаться к командующему сухопутными войсками, а тот — к верховному главнокомандующему. И это был все один и тот же человек. Ничего хорошего из такого никогда не получалось и получиться не может. Когда человек никому не верит — это очень плохая ситуация.

— Что реально означает прямое президентское управление всеми силовыми структурами?

— Ничего реально это не означает. Вообще-то талант любого руководителя в том, чтобы переложить ответственность на заместителей. руководишь ты, а отвечают они. Не самые умные руководители принимают на себя официально ответственность. От этого власть не может увеличиться, но зато все знают, на кого валить, если что-то происходит. Все знают кто козел отпущения. Человек сам становится козлом.

Да и руководить всем один человек не способен. Еще римляне знали, что в подчинении одного человека может находиться пять человек, пять каких-то структур. Больше пяти невозможно. А в России президент должен думать и об экономике, и о внешней политике, и за армию, и за МВД... При Сталине Государственный комитет обороны состоял из пяти человек. Сталин, его заместитель Молотов и три ветви власти. Партия — Маленков, от армии был Ворошилов, и от НКВД-НКГБ — Бэрия. В подчинении Сталина и

Молотова было трое — Маленков, Ворошилов и Берия. Ими они руководили.

Когда у человека в руках сосредоточено практическое руководство и армией, и экономикой, и политикой, и финансами — ничего хорошо не получается.

— Возникают две, отчасти взаимоисключающие друг друга версии. Подчинение президенту напрямую силовых структур, с одной стороны, может быть следствием страха того, что они уйдут из-под власти, с другой стороны — следствием верности профессии. Может быть, просто любит он это дело. Он гэбэшник, он хочет руководить военными. То есть президент в России не бывший гэбэшник, а настоящий и действующий.

— Может быть. Хорошего от этого все равно ничего не будет.

— В России принята как бы французская модель управления. Есть президент, который за всем надзирает, и есть премьер-министр, который руководит правительством. В отличие от американской, где всем руководит президент и несет всю ответственность за страну.

В реальности это явно не так. Ни у кого не было сомнений, что Путин реально управляет правительством, а его премьер-министр не играет никакой самостоятельной роли. Но в этой ситуации получается даже формально, что силовые министры могут плевать на премьер-министра и сноситься только с Путиным. Образуется «вертикаль власти», минующая премьера.

— Ситуация совершенно абсурдная. Правительство и так играло незначительную роль. Его смещали, назначали премьерами каких-то странных, никому не известных людей. То есть они становились известными, только за-

няв эту должность. Во времена Брежнева было нечто похожее. Премьер Косыгин, например, был чем-то вроде верховного завхоза, руководил промышленностью. А вооруженными силами руководило Политбюро. Впрочем, и завхозом тоже руководило Политбюро. Мы знали, что министр обороны Председателю Совета Министров не очень сильно подчиняется. Сейчас ситуация усилилась. Даже официально министры не подчиняются премьер-министру! Это абсурд. Зачем вообще нужен тогда премьер-министр?

С другой стороны, чудовищное разрастание бюрократии еще больше снижает роль правительства.

— Как Вы себе представляете перспективу путинского правления?

— Ничего путного из этого не получится. В свое время упали цены на нефть, и Советский Союз рухнул. Если теперь упадут цены на нефть — и Россия рухнет. А цены скоро трепыхнутся. Производство в Саудовской Аравии барреля нефти стоит три доллара, а в Ираке — от 50 до 75 центов. То есть в 4— 5 раз дешевле.

Ираку нужны огромные деньги, и он будет производить нефть в ближайшие годы. Как только пойдет нефть из Ирака, Россия распадется на куски.

— Так прямо и на куски?

— Прямо на куски. Недавно Путин разделил Россию на семь сатрапий. Уже наметил трещинки, по которым Россия распадется. Недавно Владимир Буковский в разговоре представил этот процесс очень наглядно. Сидит, допустим, на Дальнем Востоке путинский представитель. Бывший чекист или военный. Сидит

там же командующий военным округом. И беседуют они между собой. И один говорит, что если на Дальнем Востоке в очередной раз отключат отопление и свет, да еще и хлеба нету, то рано или поздно здесь все взорвется. Бить будут тебя и меня. Путина не тронут, до него 10 тыс. км.

— Ты от Путина что-нибудь получаешь из Москвы?
— Да нет, портянки не шлют... А ты, губернатор, получаешь? — Да нет, ни защиты, ничего... — Ну так давай...

Был такой прецедент — Дальневосточная республика. Хорошо жила отделившись от России и находясь под протекторатом Японии. И торговля пошла... А если отделится Татария, то сама Россия распадается на две части.

— Сейчас такой странный момент, что невозможно сказать, какой дальше будет российская политика. Вообще политики нет.

— Да, политики нет. Идет шараханье. Попытки надуть себе рукава воздухом и показывать мускулы. Армия воевать не способна. Я за армией слежу, я самый внимательный читатель «Красной звезды».

Во-первых, офицерам просто негде жить. Вот выпустился ты, получил звездочки и золотые погоны, приезжаешь с молодой женой в дальний гарнизон, а жилья нет. И не предвидится.

Или вот недавняя публикация — на призывном пункте в Москве офицеры стали брать деньги с допризывников за посещение туалета. Это не дедовщина какая-нибудь. Офицеры!

Опубликовано это на первой странице «Красной звезды» в качестве призыва к офицерской совести. Если

обращаются к совести, значит, к прокурору не обращаются. В советское время такой публикации не было бы. Если бы узнали, нагрянули бы прокуроры, разобрались, посадили бы кого-нибудь. Но та же «Красная звезда» пишет, что прожить на офицерскую зарплату человек не способен.

— Какой смысл в существовании российской армии сейчас, зачем она нужна и каков ее разумный размер? Есть подозрение, что если бы сегодня российская армия перестала существовать, то вздохнули бы с облегчением все — и Россия, и окружающие страны.

— Прежде всего вздохнули бы все допризывники. Уровень так называемого казарменного хулиганства совершенно невероятный. И убийства, и самоубийства. Такое и в мое время было. Я когда-то служил на румынской границе. Так там солдатики время от времени убивали окружающих и рвались к румынской границе, чтобы ее перейти. С одной стороны, это жесточайшая глупость, непонимание того, что их ждет. Они думали, что в Румынии у товарища Чаушеску уже полная свобода. Сейчас такие случаи участились.

Армия занимается сбором картошки, самообслуживанием. Продолжают существовать военные совхозы. Государство неспособно кормить армию, и она оказывается на самообеспечении. Существуют свинарники в каждом полку. Представляете, солдат приходит со службы с военной специальностью «свинарь». Зачем его вообще в армию брать? Путь в деревне работает.

— Можно понять, зачем нужна милиция, спецназ — на всякие острые случаи. Но зачем существует армия в нынешнем виде — непонятно. В Чечне ведь тоже не армия воюет.

— Да, это удивительно. Туда посылают от Министра внутренних дел разных милиционеров, омонцев... Создают сборные команды и никак не могут урегулировать, кто же командует. МВД ведет свою войну, ФСБ — свою... Тут же какие-то «восстановители», тут же и армия. Вообще непонятно, зачем это все существует.

— Правительственная реформа была первым шагом нового президентского срока. А как ситуация с силовыми структурами может развиваться дальше? Не знаю, почему, но меня резанула информация, что недавно заложили какую-то очередную гигантскую атомную подводную лодку в Северодвинске, первую лодку новой серии.

— На стапелях там же, в Северодвинске, уже давно стоит лодка «Юрий Долгорукий». Совершенно чудовищная. Достроить ее невозможно, потому что под нее нету ракет. Сама лодка готова, а ракетных шахт нет, потому что неизвестно, какие они должны быть. Подводная лодка — это ведь только носитель ракет. То есть сначала нужно запроектировать и построить ракетные шахты, а уже потом вокруг них строится лодка.

Вообще все финты с российской ракетно-ядерной мощью — это полная чепуха. Раньше были «нефтедоллары», которые можно было пустить на строительство и авианосного флота, и атомных подводных лодок, и ракетных, и торпедных, и многоцелевых...

Но даже в то время, когда адмирал Горшков строил этот самый флот, отношение к флоту было преступным. Потому что строился флот, но не строилась инфраструктура для него. Например, огромный корабль «Киров» был

построен, но в море выходил только один раз. Для него просто не было причальных стенок.

Я как-то был на базе у американцев. Там автострада уходит в океан, огромный мол до горизонта, к которому причаливают авианосцы. Подходит авианосец, к нему подключают водопровод, канализацию, прочие сети. Это же город целый, а не корабль.

У нас же корабль стоит в гавани, и его механизмы постоянно работают, чтобы обеспечивать его всем необходимым — водой, электричеством. Через десять лет он изнашивается. А ремонтных баз тоже нет. Поэтому строили гигантский флот, корабли списывали, резали, тут же строили новые. То же самое происходит и сейчас.

— Еще один аспект проблемы. Эти лодки рассчитаны на борьбу с кем? С Америкой?

— Хороший вопрос. Вот передо мной лежит статья из «Красной звезды». В ней говорится о преодолении противоракетных систем. Противоракетную оборону имеют только США. Не Израиль, не Франция, не Германия, не Китай... А Россия строит лодки, которые могли бы нести ракеты, которые могли бы прорывать систему противоракетной обороны.

— Это по сути дела очередная волна холодной войны.

— Это все еще наработки Советского Союза. Когда СССР рухнул, все эти программы были заморожены. Новых идей нет. И теперь начали реанимировать старые бессмысленные затеи. Сегодня война приобретает совершенно другие формы. Она может выглядеть ударом по компьютерам каким-то вирусом. Одним разом останавлива-

ются, скажем, все гидроэлектростанции или атомные электростанции другой страны. И не надо никаких ракет. А Россия традиционно готовится к прошлой войне, а не будущей.

После Второй мировой войны СССР поставил на вооружение 70 тысяч танков. Содержать их негде было, сейчас это все порезано. Теперь, после того как отошла холодная война, они опять вспомнили о том, что нужно сокрушить Америку...

А реальные опасности совсем другие. Внутри страны — терроризм, а у той же милиции нет хороших радиостанций, у милиционеров нет жилья... Вот куда стратегические деньги вкладывать надо.

— Недавно состоялись грандиозные маневры, чуть не первые такого уровня с советских времен. И шли они под анекдотическим названием «Отработка антитеррористических операций».

— Ну да. Они же свои задачи решают. Дело в том, что ВПК в СССР требовались гигантские программы. Самый большой в мире самолет — наш. Самые огромные подводные лодки — наши. Очень нравится строить гигантские вещи. Тот же БАМ. Кому он был нужен — никто не знал. Но замысел! Или построить в Сталинграде бабу с мечом невероятной величины. А вот мелкие дела вроде того, чтобы захоронить кости солдат, погибших на войне 60 лет назад, — это неинтересно. Это не получается. А бабища — пожалуйста. Потому что тут фонды, тысячи тонн бетона, арматуры, бездна народу работает... То же самое происходит и с этими гигантскими подводными лодками. Исполнители такие проекты любят.

— Все эти традиционные рефлексы советской военной промышленности пробудились именно сейчас. И складываются в неприятную картину. Напоминает начало очередной холодной войны. Если еще вспомнить подрыв Яндарбиева в Катаре... Ведь нет сомнений, что команду мочить в сортире и строить гигантские подлодки отдает один человек.

— Конечно. Больше никому. Зачем он это делает — я не знаю. Я отказываюсь понимать. Конечно, с одной стороны, идет давление ВПК — нам нужны грандиозные проекты, грандиозные заказы. Но, видимо, это и ему самому выгодно по какой-то причине. В принципе, его действия определяются потребностями ВПК. Военным промышленникам один хрен, что и зачем делать, все равно какой противник, главное пограндиознее.

В свое время в СССР строились гигантские гидроэлектростанции там, где это было удобнее с технической точки зрения, а не там, где были потребители. Потом к ним тянули дико дорогие линии электропередач, на которых энергия терялась. Инвесторы не думали о конечном продукте. То же самое происходит сейчас и с военной промышленностью. Их не интересует, какая война будет в будущем, их интересуют гигантские заказы. А где будем эту лодку ремонтировать, где ее держать, против кого она предназначена — это никого не интересует.

— Высказывались предположения, что Путин сейчас сознательно делает ставку на враждебность к Западу. Возможно, это и так. В глазах населения — это патриотическая деятельность. Она дает ему голоса и поддержку. Запад все равно не в состоянии ничем ему повредить. И похоже, что тенденция будет усиливаться.

— Когда в стране плохо, ищутся объяснения на стороне. Если нет желания решать внутренние проблемы, нужен внешний враг. Чтобы продемонстрировать необходимость находиться в мобилизационной готовности. Так и в России сейчас. У меня ощущение, что у руководства России нет никаких реальных планов, они не знают, куда вести страну. Когда еще Путин стал только премьер-министром, я обратил внимание, что он никогда не говорит об экономике. Давайте увеличим в два раза ВПП! Ну давайте. Это маниловщина какая-то. Благие пожелания. В настоящее время России затевать новую войну — это все равно, что импотенту мечтать об изнасиловании.

— *Это чистое сваливание денег в прорву ВПК?*

— Да, именно так. Сейчас Россия должна по соглашению с США уничтожить оружейный плутоний. Точнее, не уничтожить, это невозможно, а привести в такое состояние, чтобы никто другой не мог им воспользоваться. На это нужны миллиарды долларов. И вот Россия заявляет, что уничтожить она согласна, но денег нет. И США соглашаются платить за нейтрализацию российского плутония. С одной стороны, мы производим новый, с другой — нейтрализуем старый, причем на американские деньги.

Уже в начале пятидесятых годов был сделан четкий вывод, что тот, кто начнет первым ядерную войну, тот погибнет вторым. Если мы нанесем удар по Америке и прорвем их оборону, а Америка свой удар нанести не успеет, то в конечном счете мы тоже погибнем от той радиации, от которой сначала погибнет Америка. Если Америка нанесет первая ядерный удар, то она погибнет второй. Ионосфера будет повреждена, радиосвязь прекратится,

климат изменится, начнутся болезни... Все равно они погибнут. Поэтому гонка ядерных вооружений смысла не имеет никакого. Это тупик. И сейчас продолжать эту гонку — безумие.

О пугливом Сталине и научно-историческом патриотизме

Исторические сочинения Суворова интересны вдвойне — сами по себе и в связи с общественной реакцией на них, совершенно необычной для сугубо специальных исследований. Российский читатель бурно реагирует на Суворова и выдает свои собственные сокровенные мысли о родной истории. Историк Суворов может быть прав или ошибаться (на мой взгляд, прав) — судить об этом, в конце концов, его коллегам. Провокатор Суворов заставляет людей высказываться на темы, более чем болезненные для советского исторического сознания. Для социологов-советологов споры вокруг Суворова — золотое дно.

Первый раз мне пришлось присутствовать на открытой дискуссии по Суворову в Берлине в 1995 году. Бывший восточнонемецкий профессор читал в эмигрантском клубе лекцию о советско-немецких дипломатических отношениях в тридцатые годы. Суворова он обойти не смог. Сам показал публике свежешедшую книгу «День М» и высказался следующим образом: напи-

Впервые опубликовано в газете «Русская мысль», № 4243, 4 октября 1998 г .

сано убедительно, очень возможно, что с военной точки зрения все так и было, подготовка к советской агрессии против Германии действительно велась. Но он, профессор, не поверит в это до тех пор, пока ему не покажут подписанный Сталиным приказ о нападении на Германию. Он, надо полагать, и в секретный протокол к пакту Молотов—Риббентроп послушно не верил, пока компетентные советские органы в этом сами не признались. А ведущий вечера советский профессор-эмигрант взял книжку, полистал ее и сказал брезгливо: ну, какая же это, граждане, наука! Я Суворова не читал, но как ученый могу с полной ответственностью сказать: научные книги выглядят иначе. Публика, на большую часть состоявшая из ветеранов войны и пенсионеров, была явно обрадована. Этими двумя точками зрения, корректной по форме, но советской по содержанию и некорректной и по форме, и по содержанию, как правило, исчерпывается отрицательная критика Суворова. Полгода спустя я из чистого любопытства сам организовал обсуждение книг Суворова в том же клубе и столкнулся буквально с волной ненависти. Участников дискуссии трясло от злости при одном упоминании о том, что СССР мог хотеть напасть на Германию. Создавалось впечатление, будто именно эта довольно очевидная мысль подрывала смысл существования и национальную гордость советских людей, а вовсе не конец коммунистической идеологии и развал СССР. Последнее они пережили довольно легко. Об аргументах речи не было. Суворов был враг, которого нужно было заткнуть, растоптать, не слышать...

Некоторые интеллигентные, но несогласные читатели вменяют ему в вину «ненаучный стиль». По сути это — комплимент. Если единственная претензия к не-

скольким томам, набитым интереснейшими фактами и их оригинальным истолкованием, — «ненаучность стиля», автор может праздновать победу. Интересно, что другой книге, написанной в том же жанре, — «Архипелагу ГУЛАГ», — ненаучность стиля в вину не вменяется. Скорее наоборот. Думаю, что значение книг Суворова именно в научном смысле больше, чем значение «ГУЛАГа». С Солженициным никто не спорил, даже КГБ. Он не совершил научного открытия. Он детально обрисовал явление, о котором все, кто хотел, и так догадывались. Суворов открытие совершил. Он опровернул общепринятые (и в СССР, и, как ни странно, на Западе) концепции развития советской истории. Перечеркнул работу сотен настоящих, обладающих «научным стилем» ученых. Причем сделал это темпераментно, страстно, язвительно, литературно увлекательно — то есть «ненаучно». И параллельно вытащил на всеобщее обозрение постоянно действующий феномен постсоветского сознания: примириться с мыслью, что в СССР людей убивали десятками миллионов, оказалось легче, чем признать, что цель этих мероприятий была проста до похабства — агрессия против всех и вся. И никакого идеализма. Приговор Солженицина «Сталин — убийца» восприняли безоговорочно. Приговор Суворова «Сталин — агрессор» переварить не получается. Психологически реакция понятна. Если Сталин убийца, то мы — жертвы. Если Сталин агрессор, то мы — соучастники.

Новая книга Суворова «Очищение», выпущенная в 1998 году издательством «АСТ» в Москве, — очередной подарок ревнителям научного стиля. Она вызывающе ненаучно написана. Это монолог, иногда захлебывающийся, с ехидными отступлениями в сторону, часто за-

тянутыми, но всегда остроумными. Книгу можно было бы переписать заново, не меняя содержания. Она стала бы респектабельней, «научнее» — и скучнее. Впрочем, стиль — дело десятое. Главное, как всегда у Суворова, — факты, неожиданно и логически безупречно интерпретированные. Тема книги — разбор серии устойчивых советских мифов, касающихся сталинского террора против армии. Традиционно считается, что Сталин совершил непростительную глупость, уничтожив высших командиров Красной Армии накануне нападения Германии. Суворов возражает: глупости не было — был по-сталински точный и единственно для него возможный расчет. Сталин не готовился к обороне — некому было нападать. Единственного потенциального агрессора он создал себе сам, взломав вместе с Гитлером мир в Европе. Сталин готовился к войне за мировое господство. Ему была нужна не просто победа СССР, а победа СССР с ним, Сталиным, во главе. К 1937 году верхушка армии была единственной группой советской элиты не Сталиным назначенной и лично ему не преданной. В канун агрессии против всего мира Сталину было необходимо эту группу уничтожить, даже если бы все они были гениальными стратегами. В мирное время стратеги ему не нужны, а в военное лояльность важнее. Тем более что момент перехода мирного времени в военное определял он сам.

Суворов полагает, что стратегические таланты уничтоженной военной элиты сильно преувеличены. Значительную часть из них — треть, по мнению автора, — составляли политкомиссары, военюристы и энкавэдэшники с армейскими званиями вроде Фриновского, Берзина, Гаранина... Все они проходили по спискам жертв террора против армии. Впрочем, Суворов отказывает в во-

енных талантах и многим известным военным — Дыбенко, Примакову, Блюхеру, Якиру, Штерну. Он считает их циничными политическими функционерами и карателями, одерживавшими основные победы при подавлении крестьянских восстаний, не оставившими после себя никаких теоретических военных трудов и в принципе ничем не отличавшимися с профессиональной и моральной точек зрения от сталинских шестерок — Ворошилова, Буденного и прочих. Разве что менее лояльными по отношению к вождю. Особенно много места Суворов посвящает разбору личности, трудов и профессиональных качеств Тухачевского, которого в хрущевские времена объявили главным советским военным гением. Он рисует образ малограмотного, не сильно умного, напыщенного функционера и делает это весьма убедительно. Возразить трудно.

По версии Суворова, Хрущеву, а за ним многим поколениям советских историков понадобилось изобразить Сталина глупцом, уничтожившим цвет советского генералитета в самый опасный для Родины момент, для того чтобы затушевать действительную роль СССР в подготовке и развязывании Второй мировой войны. Сталин-дурак вписывался в партийно-исторические концепции. Сталин-агрессор — никоим образом. СССР пропал, но концепции не изменились. То, что Сталин не испытывал недостатка в талантливых генералах, показал результат войны. Не от генералов зависел разгром сорок первого года, это просчет Сталина, но окончательная победа зависела только от них.

Последняя глава книги называется «О сталинской панике». Это анализ вполне официальной легенды о том, что Сталин якобы знал о неготовности СССР к войне, безумно боялся нападения Гитлера, старался его оттянуть,

а после нападения впал от страха в недельную прострацию. Нет, говорит Суворов, чем угодно можно объяснить поведение Сталина, только не страхом. От страха ведут себя иначе. Если бы Сталин боялся нападения Гитлера, должен был лихорадочно готовиться к обороне. Никаких признаков этого до 22 июня не наблюдалось. Да и сразу после тоже.

По журналам, в которых регистрировались сталинские посетители, видно, что первую неделю после нападения, с 22 по 28 июня 1941 года, Сталин работал буквально сутками. Об апатии речи нет. Он пытался переломить ситуацию и начать наступление. Только через неделю, когда неизбежность разгрома стала очевидной, у Сталина опустились руки. Но не от страха — от отчаяния. Рухнули планы начать победоносный захват Европы, насмарку пошла десятилетняя подготовка.

Литературный темперамент Суворова — его достоинство и одновременно недостаток. Иногда неоправданно много места уходит на доказательства уже доказанных или очевидных вещей. Этим особенно грешат главы про Тухачевского. Вот, например, описание фантастического случая про то, как трое курсантов Военной академии имени Фрунзе, выделенные для охраны Сталина во время октябрьской демонстрации 1927 года, опоздали к началу, прорвались в Кремль без пропуска, избили часового, ворвались на трибуну мавзолея и затеяли потасовку, в которой Сталин получил кулаком по затылку. Рассказ дополнен целой главой о правах и обязанностях часового, читать которую интересно, но не обязательно. Кстати, любопытно, что терпеливый Сталин расстрелял обидчика, Якова Охотникова, только через десять лет. Вместе с его покровителем Якиром.

Впрочем, чаще отступления от «научности» не ослабляют, а обогащают текст. Например, перечисляя расстрелянных во время террора высокопоставленных военюристов, Суворов добавляет: «... А ведь не мог советский военный юрист быть хорошим человеком. Дадут приказ из ЦК помиловать — помиловает, прикажут расстрелять — и он, руководствуясь статьями такими-то, вынесет соответствующий приговор. Прикажут расстрелять сто человек — расстреляет. Прикажут двести — будет двести... И не мог нормальный человек работать на такой работе. И вовсе это не работа. Не мог человек с нормальной психикой такими делами заниматься...»

Такая «ненаучность» стиля дорогого стоит.

Претензии, которые можно предъявить к книге, в первую очередь касаются издательства. Видно, что текст вообще не редактировался. Нет библиографии и ссылок. Книга подана и оформлена, как дешевый триллер с вульгарными картинками. Это же касается и предыдущего тома суворовской серии «Последняя республика», вышедшего в том же издательстве. Но самое возмутительное — рекламные аннотации. Про «Последнюю республику» сказано: «Прочитав эту книгу, вы узнаете о загадочной судьбе Дворца Советов, где в огромной голове Ленина собиралось заседать правительство, о пирожках с детским пальчиком внутри, о прорыве неприступной линии Маннергейма». Забавно, что в качестве читательской приманки использована одна из немногих фактических ошибок Суворова — стометровая фигура Ленина на крыше Дворца Советов проектировалась как архитектурное излишество в чистом виде. О ее прикладном использовании речь даже идти не могла по техническим причинам.

На задней странице обложки «Очищения» значится: «Сенсация!.. Вопреки общественному мнению, автор оправдывает истребление высшего командного состава Красной Армии накануне Второй мировой войны...»

Эта чушь к тексту Суворова отношения не имеет.

Военный гений

Новая книга Виктора Суворова «Тень Победы» посвящена маршалу Жукову. Она продолжает его многотомное исследование обстоятельств начала Второй мировой войны. Книга выходит в декабре 2001 года на немецком языке в издательстве «Pouq le Merite». Сроки выхода русского издания в московском издательстве «АСТ» пока неясны. До сих пор все книги этой серии, за исключением «Ледокола», появившегося еще до эпохи расцвета российских свобод, выходили по-русски быстро и большими тиражами. Похоже, что теперь Суворов опять задел особенно чувствительную струну в душах российского руководства. И опять намеренно. Выбор темы, полагаю, определялся не только ролью Жукова в войне, но и местом, которое он занял в новой постсоветской российской мифологии. Жуков — единственный из сталинских приближенных — остался героем новой демократической России. Ему ставят памятники, с помпой отмечают юбилеи. О нем пишут только хорошее. Он великий полководец, автор Победы, гордая жертва сталинской неблагодарности. Символ величия российской военной славы. И это несмотря

Впервые опубликовано в газете «Европа-Экспресс» №1—2, 2002, Берлин.

на общеизвестную, хотя и неофициальную информацию о его фантастической жестокости. И на тот очевидный факт, что Жуков, как начальник Генерального штаба весной-летом 1941 года, несет такую же, как и Сталин, ответственность за катастрофу начала войны.

Суворов взрывает жуковский миф очень последовательно. И с моральной, и с профессиональной точек зрения.

Характер.

Суворов приводит множество характеристик Жукова, сделанных его коллегами, начальниками и подчиненными. Во всех говорится об упрямстве, болезненном самолюбии, грубости и жестокости. В 1930 году Рокоссовский был командиром дивизии, в которой Жуков командовал бригадой. «Рокоссовский описывает обстановку дикой нервозности в бригаде... Бригаду трясло и лихорадило, порядок удалось навести только убрав Жукова с бригады... Рокоссовский пишет: «Попытки воздействовать на комбрига успеха не имели. И мы вынуждены были в целях оздоровления обстановки в бригаде «выдвинуть» Г.К. Жукова на высшую должность». Можно понять, почему были вынуждены. Жуков обладал качествами, которые ценились в сталинской иерархической системе выше чисто профессиональных способностей, — волей и жестокостью. Когда в 1957 году Хрущев снял Жукова со всех постов, против него на пленуме ЦК выступили высшие чины Красной Армии, маршалы и генералы. Выступили, понятно, по приказу, но претензии в таких случаях высказываются вполне реальные. У коллег Жукова претензии были одинаковые — грубость, жестокость, мордобой. Хамство, выходящее за границы принятого в сталинском СССР. Хотя границы эти были очень широки. Мнение

маршалов совпадало с мнением солдат: «...У солдат для Жукова одно определение: мясник».

Суворов делает вывод: «Мордобой в генеральской среде и на всех нижестоящих уровнях Красной Армии был распространен так же широко, как воровство и пьянство... Современная армия России поражена садизмом. Который официально именуется термином «неуставные отношения». За этим термином скрываются дикое унижение человеческого достоинства в запредельных масштабах, мордобой, пытки, истязания, зверские убийства. И ломают головы социологи: откуда напасть? Да от генералов наших и от маршалов! От дважды Героев Советского Союза, от трижды Героев, от четырежды. От Чуйкова и Гордова. От Еременко и Захарова. От Москаленко. От Жукова».

Вранье.

Много места Суворов уделяет вранью Жукова. Вранью о своих собственных мыслях и достижениях в предвоенное и военное время и вранью о предвоенной исторической ситуации в целом. В декабре 1940 года в Москве по приказу Сталина состоялось совещание высшего командного состава РККА. Жуков в своих воспоминаниях написал, что на совещании обсуждались вопросы возможного нападения Германии на Советский Союз и отражения гитлеровской агрессии. «Все принявшие участие в прениях... были единодушны в том, что война против Советского Союза будет развязана фашистской Германией...» Материалы совещания были секретными. Только когда они были опубликованы в 1994 году, выяснилось, что Жуков врал. Об обороне речи не было. Суворов: «Сам Жуков говорил на том совещании о новых приемах нападения. Внезапного нападения. И все выступающие гово-

рили только об этом. А оборона на главных направлениях не предусматривалась даже теоретически. Только на второстепенных...» Жуков в своем докладе о новых способах наступления говорил о необходимости гигантских концентраций живой силы и техники на узких участках фронта. Суворов: «...смотрите немецкую хронику, листайте немецкие журналы 1941 года, вы увидите все то, о чем говорил Жуков: «масса танков, громадное количество автотранспорта и других средств». Все это было собрано у границ. И все сторело. Немецким летчикам не надо было даже искать цели... Если «массу танков, громадное количество автотранспорта и других средств» поставить в оборону, то можно создать непроходимый барьер на фронте в несколько сот километров. Если же поставить в оборону не одну армию, а все 26 советских армий, то фронт будет непробиваемым от Ледовитого океана до Черного моря. Но ни одна из 26 советских армий не стояла в обороне... Все они были собраны в ударные группировки на предельно узких участках. Именно так, как рекомендовал великий стратег».

По приказам Жукова вся кадровая Красная Армия со стратегическими запасами и аэродромами была выдвинута к самой границе и погибла, не сумев ничего предпринять. По вине Жукова она осталась без планов обороны. У всех командиров были «красные пакеты», которые нужно было вскрыть по приказу. Но приказа не поступило, так как содержащиеся в них планы не были рассчитаны на такое развитие событий. Именно Жуков готовил и подписывал безумные директивы первого дня войны — сначала, за три часа до нападения немцев, «не поддаваться на провокации», а затем, к концу дня, — приказ о переходе в наступление на территорию противника. В любом случае войскам запрещалось обороняться.

Впоследствии Жуков писал, что еще в 1940 году предвидел, как будет развиваться наступление немцев. Если предвидел, почему не принял меры по предотвращению? Ведь 5 предвоенных месяцев Жуков был начальником Генерального штаба. Если не предвидел, то хвостун. Если предвидел, но не принял мер, то преступник. Получается и то и другое. Не предвидел, потому и не принял мер. Преступник, потому что вместе со Сталиным готовил агрессию и не позаботился о самых элементарных способах обороны. Катастрофа лета 1941 года в такой же степени заслуга Сталина, как и Жукова.

Стратег

Самое неожиданное, что Суворов отказывает Жукову в, казалось бы, очевидных достоинствах — способностях стратега. Стратегами, разработчиками операций служили у Сталина другие люди — Василевский, Рокоссовский, Баграмян... А Жуков был сталинским погонялой. Старшим, которого посылали на важные участки, чтобы матом, мордобоем и расстрелами выжимать из людей невозможное. И образование имел соответствующее. Четыре класса школы и кавалерийские курсы. На войне в армии Жуков играл ту же роль, что Ягода на строительстве Беломорканала. И на прочих стройках социализма.

Роль Жукова в халхин-гольской операции, за которую тот получил первое звание Героя Советского Союза, Суворов считает сильно преувеличенной. В мемуарах Жукова упоминается огромное количество имен людей, имевших отношение к операции, — от солдат и журналистов до снятых Жуковым предыдущих командующего и начальника штаба группировки советских войск. Но он не упоминает имени собственного начальника штаба, которому по должности положено было разрабатывать

операцию. Это имя известно из других источников — комбриг Богданов. Ему, надо полагать, и принадлежит заслуга стратегического замысла. Если бы он не справился, то Жуков его бы снял и обязательно впоследствии вспомнил.

Суворов описывает многие другие операции, которыми командовал Жуков.

Взятие Ельни в августе-сентябре 1941 года. Полтора месяца Жуков непрерывно, в лоб штурмует окопавшуюся 2-ю танковую группу Гудериана, якобы угрожавшую Москве. Это практически не причиняет никакого урона немцам, но стоит невероятных потерь Красной Армии. Жуков просто перемалывает советскую пехоту. Он продолжает бессмысленно штурмовать ельнинский выступ и тогда, когда танки Гудериана оттуда уходят, чтобы участвовать в разгроме советских войск под Киевом. Жуков берет Ельню, заваленную советскими трупами, но в конце сентября ее сдают без боя, поскольку вернувшийся Гудериан наступает на Москву по другим направлениям. Обескровленный Резервный фронт, которым командовал Жуков под Ельней, разгромлен. Но сам Жуков уже переброшен в Ленинград. По такой же схеме — гигантская концентрация войск и тупые лобовые атаки — строятся и прочие операции Жукова.

К победе под Сталинградом Жуков отношения не имел, хотя публично ее себе приписывал. Он побывал под Сталинградом несколько раз. Но план Сталинградской операции, закончившейся победой, разрабатывали полковник Потапов и генерал Василевский. Последний раз Жуков уехал из-под Сталинграда за три дня до начала контрнаступления советских войск. Он в это время командовал Калининским и Западным фронтами, пытавшимися взять Сычевку и Ржев. Картина та же —

гигантская концентрация войск, лобовые атаки, немислимые потери и неудача.

Победу на Курской дуге Жуков тоже приписал себе и тоже врал. Маршал Рокоссовский: «Ко мне обращаются товарищи — участники Курской битвы с вопросами: почему Г.К. Жуков в своих воспоминаниях искажает истину, приписывая себе то, чего не было?..»

5 июля 1943 года штаб командующего фронтом Рокоссовского получил данные о том, что немцы готовят через несколько часов наступление. Рокоссовский принимает рискованное решение опередить немцев и начать советское контрнаступление. Присутствующий тут же заместитель Верховного главнокомандующего Жуков взять на себя ответственность отказывается и уезжает. В подготовке же сражения Жуков вовсе участия не принимал.

Но самое страшное поражение Жукова — это взятие Берлина. И не только потому, что сама эта операция, начатая по приказанию Сталина, была преступлением. Не было никакой военной необходимости брать силой окруженный, лишенный подвоза продовольствия и боеприпасов и надежды на освобождение извне город. Сдача была неминуема, достаточно было подождать пару недель. Жуков умудрился и здесь повести операцию с максимальным количеством жертв. Танки в городе беспомощны. Жуков загнал и погубил в Берлине две танковые армии. Взятие города стоило только Красной Армии около полумиллиона жизней. Фактически это было массовое убийство.

Именно Жуков в первую очередь виноват в том, что боевые потери Красной Армии во много раз превышали потери немцев. И на фоне этих преступлений почти невинно выглядят документированные рассказы о мародерстве Жукова и его приближенных, о вывезенных им ваго-

нах с трофейным добром. О коврах и драгоценностях в поражающих воображение количествах.

Бонапарт

В середине пятидесятих годов Жуков, который помог Хрущеву победить всех своих соперников, — на вершине власти. Он нарком обороны. Руководит советской армией в мирное время теми же методами, что и в военное. Руководство флота Жуков буквально разгромил. Выгонял из армии старших офицеров, генералов и адмиралов сотнями. В самой хамской, присущей ему манере. С оскорблениями и без объяснений. И похоже, метил еще выше. О планах Жукова по захвату власти в стране Суворов упомянул только мельком. Этому будет посвящена следующая книга.

Дмитрий Хмельницкий

**Виктор Суворов,
советская история
и советские люди**

Значение ключевых книг исторической серии Суворова — «Ледокола» и «Дня М» — далеко выходит за рамки собственно военной истории. Хотя совершенно закономерно, что ключевое для истории СССР открытие совершил военный историк — ведь главные цели Сталина были именно военными. Но именно потому, что сталинский СССР был милитаризованным государством, существовавшим ради решения исключительно военных задач, концепция Суворова дала ключ для понимания всей советской истории. Она логично и непротиворечиво склеила воедино во многом еще мозаичную и неясную картину сталинской культуры и сталинского государства.

Вот один пример из близкой мне области — истории архитектуры.

В апреле 1941 года журнал «Архитектура СССР» публикует материалы архитектурного конкурса, в котором приняли участие все ведущие зодчие СССР. Тема — «Здание для панорамы «Штурм Перекопа». Гигантская панорама (130x18 м), посвященная победе Красной Армии в 1920 году, писалась группой художников с 1934 по 1941 год. Это был последний крупный архитектурный конкурс перед началом советско-германской войны.

Трудно объяснить, исходя только из истории архитектуры, почему именно весной 1941 года Сталину

вздумалось занять самых титулованных советских архитекторов таким странным заданием — монументом в честь полузабытой победы Красной Армии в Гражданской войне.

Может, это, конечно, чистая случайность, но мне так не кажется. Сталин вообще ничего не делал случайно. Если действительно, на лето 1941 года готовилось нападение на Германию, то весна — самое время, чтобы начать разработку архитектурных символов будущих побед Красной Армии. Как вполне своевременно, тоже именно весной 1941 года сочинять песни, которые должны были воодушевлять бойцов Красной Армии на эти победы. Такие песни, как раз тогда заказанная «Священная война».

А храм в честь штурма Перекопа мог быть без малейших проблем чуть позже перепосвящен штурму Парижа, Вены, Берлина, Мадрида... И построен где угодно.

* * *

Дискуссии вокруг книг Виктора Суворова, только выглядят дискуссиями о Суворове. На самом деле — это дискуссии о Сталине. В них в концентрированном виде, выявился главный и нерешенный вопрос всей советской истории — чего добивался Сталин, ломая и калеча страну и людей, выстраивая личную, неповторимую и ни на что не похожую систему власти? Ради чего происходило все то, что происходило в его правление?

Вариантов ответа даже теоретически может быть только два. Один — крайне лестный для советского прошлого. Второй — исключительно неприятный.

Первый ответ нам хорошо знаком. Несколько поколений советских людей разучивало его буквально с детского сада. Он гласит: СССР всегда последовательно бо-

ролся за мир. Сталин стремился предотвратить мировую войну. Пакт 1939 года был спасительным для СССР, а оккупация с согласия Гитлера территорий нескольких европейских стран была вынужденным оборонительным шагом. Сталин к нападению на Германию в 1941 году не готовился, он готовился к обороне и именно с этой целью вывел на границу всю Красную Армию. Но армия, которая готовилась только оборонять свою страну, защищаться почему-то не смогла и погибла летом 1941 года в результате коварной агрессии Германии.

Второй ответ впервые в полном виде дал в своих книгах Виктор Суворов. Он звучит так: Сталин сознательно, с первого же момента прихода к единоличной власти в конце 20-х годов начал готовить завоевание Европы. Его цель была — милитаризовать страну, спровоцировать мировую войну, вступить в нее в самый удобный момент и остаться в конечном счете единственным победителем. Провокация войны удалась в 1939 году. Кульминация советского нападения на Европу должна была прийти на лето 1941 года, но Сталин ошибся в сроках и позволил Гитлеру напасть первому.

Иногда встречается и третий вариант — Сталин вообще ни о чем не думал, ни к обороне, ни к нападению не готовился, никаких планов не имел, а войска двигал туда-сюда без всякой цели. Но рассматривать всерьез вариант Сталина-идиота не имеет смысла.

В научных спорах вокруг сталинской политики с обеих сторон принимает участие множество людей, но имя Виктора Суворова по-прежнему остается в центре полемики. Обойти его невозможно, хотя сам Суворов в прямых дискуссиях практически не участвует. Виктор Суворов первым сформулировал проблему, расставил точки над «i» и привел множество доказательств правоты своей

концепции сталинской истории. И поставил своих противников перед необходимостью не только опровергнуть его доводы в пользу версии «Сталин — агрессор», но и последовательно аргументировать альтернативный вариант — тезис о «Сталине -миротворце».

Всего в России вышло к 2005 году около двух десятков книг, оспаривающих Виктора Суворова. Большая часть из них направлена против него лично. Это поношения «предателя Резуна», авторов которых даже с большой натяжкой невозможно рассматривать как дискуссионтов в научном споре. Попытки опровергнуть концепцию Суворова более или менее корректными способами до сих пор ни к чему не привели.

Ситуация оказалась для его оппонентов крайне неудобной. Практически вся связанная «антисуворова» деятельность свелась к малоуспешному оспариванию второстепенных и третьестепенных деталей его книг, до упора набитых аргументацией. Главных контраргументов, то есть доказательств того, что Сталин нападение на Европу вообще, и на Германию в частности, в 1941 году НЕ готовил, а наоборот, готовил оборону, никто не привел. И похоже, в природе их не существует.

Выстроить последовательную защиту альтернативного варианта советской истории тоже до сих пор никто не решился. Для этого следовало бы доказать, что Сталин не только в принципе не готовил захват Европы, но и что у его внешней, внутренней, экономической и культурной политики были какие-то другие, неизвестные пока цели. Сегодня мы достаточно много знаем о Сталине, чтобы с большой долей уверенности утверждать: такая версия недоказуема.

Остается суворовский вариант развития советской истории, но согласиться с ним мешает очень многое. В пер-

вую очередь это означает пересмотр — «ревизию» — устоявшихся и канонизированных послевоенной политкорректностью взглядов на историю Второй мировой войны. В той ее части, где речь идет о роли Советского Союза. Смена статуса сталинского СССР с «жертвы и освободителя» на статус «палача и агрессора» тяжело дается даже людям, не испытывающим симпатий к сталинизму. Даже если они специалисты по истории СССР. И тем более, если они — советские специалисты по военной истории СССР.

Впрочем, и на Западе, скажем в Германии, научный истеблишмент крайне раздраженно реагирует на книги Суворова. Причина раздражения прямо противоположна мотивам российских «антиревизионистов». Последние защищают благородную репутацию СССР во Второй мировой войне.

Немецкие исследователи (не все, но очень многие) боятся неожиданного обеления репутации Гитлера. Логика здесь простая, но абсурдная. Если Суворов прав и Гитлер опередил нападение Сталина всего на несколько недель, значит, нападение было превентивным и оправданным. Значит, Гитлер был прав.

Ни одного слова, оправдывающего Гитлера, в книгах Суворова нет. Мотивы поведения Гитлера, его мораль и его политика никак не могли зависеть от того, собирался Сталин на него напасть или нет. Заподозрить Гитлера в симпатиях к СССР в любом случае невозможно. Вынужденность — «превентивность» — нападения Германии на СССР именно летом 1941 года, а не в другое, более удобное для этого время, никак не может оправдать Гитлера.

Странным образом получается, что репутация Гитлера, уже развязавшего вместе со Сталиным Вторую миро-

вую войну, напавшего на множество европейских стран и установившего нацистский режим на половине Европы, зависит от того, напал он на своего союзника по агрессии превентивно, упреждая его удар, или просто потому, что очень этого захотел.

Однако репутация Сталина весьма сильно зависит от ответа на вопрос, было нападение Гитлера «превентивным» или нет. В первом случае Сталин — агрессор, хоть и не вполне состоявшийся, во втором — практически невинная жертва.

Накал эмоций, очень сильно мешающий научным исследованиям, и превращает дискуссию вокруг теории Виктора Суворова в постоянный общественный скандал.

В дискуссиях российских историков о причинах и характере Второй мировой войны есть один любопытный момент. Обе стороны оперируют второстепенными или косвенными материалами. Ключевых архивных документов нет. Точнее, считается, что как бы нет.

В книге М.И. Мельтюхова «Упущенный шанс Сталина», вышедшей в 2000 году, — фундаментальнейшем исследовании по предыстории Второй мировой войны, в главе «Советское военное планирование в 1940-1941 гг.» из 122 ссылок только семь — на документы из архивов (Российского государственного военного архива и РГАС-ПИ). Это все, что было доступно исследователю. Мельтюхов пишет: «...Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развертывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций, все еще остается, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырех докладных записок на

имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов...»¹.

В опубликованном журнале посетителей кремлевского кабинета Сталина можно легко выяснить, что Жуков, со 2 января по 21 июня 1941 года (начальником Генерального штаба он был назначен 13 января 1941 года) побывал в кремлевском кабинете Сталина 33 раза. В среднем каждые 5 дней. Только в июне — 10 раз. Ни малейшей информации о том, чем они там занимались, нет. Хотя можно легко догадаться, что именно военным планированием.

Мельтюхов: «...В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество «белых пятен», что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939—1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов все еще остаются слабо изученными»².

Иными словами, хорошо известно, где именно находятся все документы, касающиеся предвоенного военного планирования. Легко вычислить людей, которым эти документы доступны, которые могут любоваться ими хоть каждый день. Это сотрудники архива Генерального штаба и Президентского архива, бывшего архива Политбюро. Ну и их начальство. То есть самые главные противни-

¹ М.Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 371.

² М.Мельтюхов. Упущенный шанс Сталина. М., 2000. С. 370.

ки суворовской концепции. А прочие ученые в целом уже догадываются о том, как именно происходила разработка этих документов, но ничего не знают об их содержании...

Получается, что где-то совсем рядом лежат буквально тонны недоступных для исследования бумаг — ключевых документов, публикация которых мгновенно разъяснила бы ситуацию и ответила на все вопросы. А дискуссии разворачиваются лишь вокруг нескольких, случайно выпавших из папок и из контекста. При этом есть люди, по долгу службы прекрасно обо всем осведомленные, — хранители секретных архивов. Но они в дискуссиях не участвуют. А может, и участвуют, но информацию свою держат в секрете.

Очевидно, что никакой пользы для себя из обладания секретами архивов Генерального штаба казенные российские военные историки извлечь не могут, иначе бы давно все с было бы рассекречено. Единственной польза — сокрытие научной информации, чтобы ею не смогли воспользоваться их противники.

Сторонникам концепции Суворова намного легче. Приказы Генштаба и решения Политбюро можно скрыть в архивах, но реальные процессы, захватившие всю страну в результате исполнения секретных приказов, спрятать невозможно. Это позволяет и без секретных архивов вполне достоверно реконструировать секретный смысл сталинской политики и те же самые недоступные для изучения приказы.

* * *

Дискуссии о том, каковы были предвоенные планы Сталина, автоматически оказываются дискуссиями вокруг концепции Виктора Суворова. Это часто порождает

иллюзию того, что Суворов — единственный защитник своей идеи. Однако Суворов с самого начала не был одинок. Его концепцию поддержало достаточно много очень серьезных историков — и российских, и иностранных. Просто эта поддержка высказывалась, как правило, в сугубо научных публикациях, не имеющих широкой аудитории. При этом она часто выражалась не в форме прямого согласия лично с Суворовым, а в виде самостоятельных научных изысканий, результаты которых совпадали с выводами Суворова. Можно сказать, что на сугубо научном уровне концепция Суворова уже одержала полную победу. Аргументация его главных противников — генералов Махмуда Гареева и Юрия Горькова, полковника А. Мерцалова и Л. Мерцаловой, Габриэля Городецкого и пр. — опровергнута не только и не столько самим Виктором Суворовым, сколько работами Михаила Мельтюхова, Владимира Невежина, Татьяны Бушуевой, Владимира Данилова, Владимира Дорошенко, Ирины Павловой и многих других.

Сейчас можно с очень большой долей уверенности утверждать, что научной альтернативы суворовской идее о том, что Сталин готовил агрессию против Германии и Европы, нет, поскольку не существует ни малейших доказательств того, что СССР в 1939—1941 годах готовился к обороне, а внешнеполитические планы Сталина носили оборонительный характер. Не существует также никакой внятной альтернативы и предположению, что подготовка агрессивной войны против Запада была главной целью Сталина в течение всего периода его правления и предопределяла всю внутреннюю и внешнюю политику СССР.

Среди историков, фактически поддержавших концепцию Суворова, одно из самых важных мест принадлежит

доктору исторических наук Михаилу Мельтюхову. Во-первых, он автор основополагающего труда о подготовке СССР ко Второй мировой войне «Упущенный шанс Сталина». Во-вторых, его нельзя заподозрить как в личных симпатиях к Виктору Суворову, так и в том, что он разделяет политические взгляды Суворова. Подготовку к нападению на Европу, которую Суворов считает преступлением, Мельтюхов воспринимает как совершенно разумный шаг.

Тем важнее совпадения выводов Суворова и Мельтюхова относительно характера подготовки Сталина к мировой войне.

В 1996 году Михаил Мельтюхов опубликовал в сборнике «Советская историография», вышедшем под редакцией академика Ю. Афанасьева, статью «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол»¹. Статья интересна не только взвешенным взглядом на работу самого Суворова, но и жесткой оценкой выступлений его российских критиков — Ю. Горькова, М. Гареева и других. Вот как оценил Мельтюхов основные тезисы книги Суворова на фоне тогдашнего состояния дел в российской историографии:

«Основная идея В. Суворова заключается в том, что главной целью внешней политики большевистского руководства было осуществление «мировой революции». Для ее достижения был разработан четкий план по подготовке мировой войны, которая разрушила бы Европу, облегчив ее «советизацию». С этой же целью в Советском Союзе создавался колоссальный военно-промыш-

¹ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 488—521.

ленный комплекс и наращивались мощные вооруженные силы.

Кроме того, Москве был необходим политический лидер, которого она могла бы использовать для развязывания войны в Европе. Таким политиком и стал Гитлер, по мнению Суворова, сотворенный и приведенный к власти при помощи Сталина.

Используя экспансионистские устремления Германии, советское руководство всячески способствовало обострению международной ситуации в Европе и возникновению войны. Автор «Ледокола» утверждает, что коммунисты «руками Гитлера... развязали в Европе войну и готовили внезапный удар по самому Гитлеру, чтобы захватить разрушенную им Европу»¹. Из этого проистекает и общий вывод В. Суворова о том, что Советский Союз — главный виновник и зачинщик второй мировой войны»². <...>

«Версия Суворова о Гитлере — «Ледоколе Революции», который подорвет капиталистическую систему и в нужный момент будет разгромлен Красной Армией, для отечественной историографии нова. Но материалы об оценке советским руководством событий Второй мировой войны в 1939—1941 гг., имеющиеся у историков, позволяют говорить о ее определенной плодотворности. Вряд ли стоит отрицать, что советское руководство действительно пыталось использовать любое столкновение между великими державами для осуществления «революции» в Европе, рассматривая в качестве основных своих противников Англию и Францию. И все же смысл советской

¹ В. Суворов, Ледокол, с.14

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 488—489.

позиции заключался не в том, чтобы самим начать войну (это могло бы привести к образованию единого антисоветского фронта), а в том, чтобы использовать такую войну в своих интересах. Кроме того, Англия и Франция также надеялись использовать Гитлера для уничтожения СССР, на что справедливо указал А.Д. Орлов, а США намеревались воспользоваться войной в Европе для расширения своего влияния. Другими словами, подход В. Суворова столь же тенденциозен, как и подход некоторых отечественных ученых, видящих во всей предвоенной ситуации только козни «западных империалистов»¹. <...>

«Версия В. Суворова о советско-германском разделе Польши и советских территориальных захватах в Восточной Европе с целью создать будущий плацдарм для удара по Германии² также стала достоянием отечественной историографии. Официальная историография продолжает поддерживать версию о том, что нападение Германии на Польшу и ее быстрый разгром обеспокоили СССР и вынудили его начать военные приготовления и ввести Красную Армию на территорию западного соседа. Среди сторонников этой версии очень популярна мысль об антигерманской подоплеке советских действий в Польше³. Ряд

¹ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 490.

² См.: Суворов В. Ледокол. С. 36-41, 59.

³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза. Т. 1. С. 395—404; История второй мировой войны. Т. 3. С. 345—355; История внешней политики СССР. М., 1986. Т. 1. С. 391—392, 420—425; Розанов Г. Л. Сталин — Гитлер: 1939—1941 гг. М., 1991. С. 110—116; Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 г. — июнь 1941 г. М., 1991. С. 3, 8-И; Парсаданова В. С. «Польская» политика СССР в сентябре 1939 — июне 1940 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940 г.). М., 1990. С. 53—66; Волков С. В.,

авторов, наоборот, отмечает, что действия советского руководства в отношении Польши были predetermined договоренностью с Германией о разделе сфер интересов в Восточной Европе и сталинской политикой территориальных захватов. Отсюда делается вывод, что 17 сентября 1939 г. Советский Союз нарушил свои договоры с Польшей и совершил против нее агрессию. В результате договора 28 сентября 1939 г. СССР и Германия поделили Польшу и та исчезла с политической карты мира, а следовательно, рухнула Версальская система в Восточной Европе»¹. <...>

«Рассуждения В. Суворова о наступательном характере советской военной доктрины, опирающиеся на работы советских военачальников 20–30-х гг.², в целом сопоставимы с теми идеями, которые уже высказывались в отечественной литературе. Как правило, указывается, что основной идеей советской военной доктрины являлась оборона и быстрый переход в контр-наступление для разгрома агрессора³. Правда, ознакомление с тогдашними военно-научными разработками не подтверждает это мнение⁴. В литературе при-

Емельянов Ю. В. Указ. соч. С. 150–160; Антосяк А. В. Освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 52.

¹ См.: Орлов А. С. Указ. соч. С. 14–15; Бережков В. М. Прочет Сталина // Международная жизнь. 1989. № 8. С. 19; Семиряга М. И. Указ. соч. С. 84; Розанов Г. Л. Указ. соч. С. 112–113; Лебедева Н. С. Катынь: преступление против человечества. М., 1994. С. 9–34.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 492.

³ Суворов В. Ледокол. С. 55–64.

⁴ См.: Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 80–86; Горьков Ю. А. Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 34–37.

водятся также материалы, свидетельствующие о том, что применительно к проблеме начального периода войны в них доминировала идея внезапного упреждающего удара по противнику, исключая пассивное ожидание его действий¹. <...> Вопреки содержанию военно-теоретических разработок того времени в отечественной историографии преобладает точка зрения о сугубо оборонительной военной доктрине Красной Армии. Лишь некоторые авторы отмечают, что оборонительный характер военной доктрины не препятствовал подготовке наступательных действий войск, которая, судя по приводимым в литературе данным, преобладала². При этом в стороне остается вопрос, почему явно наступательную военную доктрину в литературе упорно именуют «оборонительной»? Вместе с тем в историографии ряд авторов считают ошибкой то, что военной доктрине был присущ наступательный характер³. Однако, даже признавая наступательную направленность боевой подготовки Красной Армии, авторы отмечают, что советская военная доктрина не содержала агрессивных устремлений⁴. Тот факт, что Красная Армия не раз использовалась по приказу со-

¹ См.: Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 75–76.

² См.: Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. Т. 2, ч. 1. С. 56–57; Орлов А. С. Так кто же начал войну? // Армия. 1993. № 8. С. 17; Хорьков А. Г. Указ соч. М., 1991. С. 51–58.

³ См.: Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Советский Союз накануне Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 30–31; Бабин А. И. Канун и начало Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 56; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 56; Проэктор Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 306–307; Павленко Н. Г. Была война М., 1994. С. 40–72.

⁴ См.: Горьков Ю. А. Указ соч. С. 37; Орлов А. С. СССР — Германия. С. 17.

ветского руководства, против соседей СССР, позволяет скептически отнестись к подобным утверждениям.

Кроме того, не следует забывать, что военная доктрина и не может содержать агрессивных устремлений, поскольку в ней эти вопросы вообще не рассматриваются. Агрессивным бывает внешнеполитический курс государства, а военная доктрина отражает вопросы подготовки Вооруженных Сил к войне, методов ее ведения. <...> Поэтому попытки некоторых критиков обвинить В. Суворова в том, что он «смешивает предумышленную агрессию с наступательным маневрированием»¹, выглядят совершенно бездоказательными, поскольку обходят молчанием вопрос о целях «маневрирования»². <...>

«Рассуждения В. Суворова о состоянии инженерной подготовки театра военных действий (ТВД) накануне войны³ непривычны для отечественной литературы, в которой эти вопросы изучены слабо. Наиболее подробно описано строительство на новой границе укрепленных районов (УР), которое осталось незавершенным, поскольку было длительным и дорогостоящим процессом и, по мнению ряда авторов, просчетом, так как их сооружение по линии границы не позволяло создать полосу обеспечения и велось фактически на виду у противника⁴. Подобное размещение УР было утверждено Москвой, хотя в

¹ См.: Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 294; См. также: Свободная мысль. 1993. № 6. С. 51

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 496–497.

³ См.: Суворов В. Ледокол. С. 73–105

⁴ См.: Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 76–78; Киришин Ю. Я., Раманичев Н. М. Накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1991. № 3. С. 8–10; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 98–107; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 281–283;

случае внезапного нападения противника войска все равно не успевали их занять¹. В литературе указывается, что эти сооружения предназначались и для обороны, и для наступления, а УР на старой границе вопреки распространенной версии об их уничтожении были лишь разоружены и законсервированы². Освещая вопросы аэродромного строительства в приграничных округах, которое велось чрезмерно близко к границе, и отмечая неподготовленность мостов на пограничных реках к взрыву, отечественная историография не предлагает никакого серьезного объяснения всем этим фактам³. Поэтому версия В. Суворова имеет под собой определенные основания и требует дальнейшего изучения»⁴. <...>

«Тезис В. Суворова о наступательной подготовке Красной Армии⁵ не слишком популярен в отечественной историографии.

Общее мнение по этому вопросу состоит в том, что солдаты обучались напряженно, но лишь с лета 1940 г. военная подготовка перешла на более высокий уровень в связи с назначением нового наркома обороны. В лите-

Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 47–48; Владимирский А. В. На киевском направлении. М., 1989. С. 38–41.

¹ См.: Сандалов Л. М. Первые дни войны. М., 1989. С. 7–10, 34.

² См.: Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 98–107; 1941 год — уроки и выводы / Под ред. В.П. Неласова. М., 1992. С. 32–34, 206–207.

³ См.: Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 34, 225–227; 1941 год — уроки и выводы. С. 34–37, 198–199; Семидетко В. А. Истоки поражения в Белоруссии // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 27; Сандалов Л. М. Указ. соч. С. 46–47; Военно-исторический журнал. 1989. № 3. С. 68–69; Владимирский А. В. Указ. соч. С. 56.

⁴ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография» Москва, 1996, с.497–498.

⁵ См.: Суворов В. Ледокол. С. 105–136.

ратуре преобладают малосодержательные высказывания о недостаточной выучке войск¹. Лишь немногие авторы рассматривают проблему боевой подготовки на конкретном историческом материале, который подтверждает общий вывод о резком усилении боевой подготовки с лета 1940 г., показывают ее содержание по родам войск в приграничных округах. Анализируя данные боевой подготовки войск западных приграничных округов, носившей преимущественно наступательный характер, А. Г. Хорьков приходит к выводу, что, хотя индивидуальная подготовка бойца была невысока, в целом войска оказались неплохо подготовленными к ведению наступательных действий. Вместе с тем исследователь отмечает слабую отработку взаимодействия родов войск на поле боя².

Большинство критиков «Ледокола» специально этот вопрос не рассматривали, ограничиваясь общими фразами о недостаточном уровне подготовки войск или преувеличении В. Суворовым боевых и технических возможностей Красной Армии³. В. Анфилов, ссылаясь на «Акт о

¹ См.: Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 67–70; Самсонов А. М. Вторая мировая война: 1939–1945. М., 1990. С. 118; Партийная жизнь. 1991. № 12. С. 29; Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Указ. соч. С. 11; Волконогов Д. А. Триумф и трагедия. С. 139–141; Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 301–304; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 32–50; Мелыпюхов М. И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 26–27; 1941 год – уроки и выводы. С. 45–47.

² См.: Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 51–85; См. также: Сандалов Л. М. Указ. соч. С. 38–42; Кожевников М. Н. Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне. М., 1985. С. 26–31; Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 269.

³ См.: Солнышков Ю. С. По поводу статьи генерал-полковника Ю. А. Горькова // Новая и новейшая история. 1994. № 1. С. 240; Свободная мысль. 1993. № 6. С. 52; Данилов В. Готовил ли Генеральный штаб Красной Армии упреждающий удар по Германии? // Сегодня. 1993. 28 сентября; Соколов Б. Как началась вторая мировая война? // Независимая газета. 1993. 31 декабря.

приеме Наркомата обороны СССР» 1940 г., пытается обосновать мнение об отсталости Красной Армии и невозможности ведения ею наступательных действий. Однако в послесловии к публикации документа указывается на его тенденциозный и предвзятый характер и отмечается, что «Советские Вооруженные Силы даже в то время были современными, по многим показателям не уступали армиям большинства капиталистических государств»¹. С другой стороны, Ю.Н. Афанасьев и А.С. Орлов считают, что подготовка советских войск была наступательной². Е. Крохмаль, по сути, солидаризируется в этом вопросе с В. Суворовым, указывая, что войска к наступлению не были готовы, но моряки успешно наступали³.

Вывод В. Суворова о том, что защиту государственной границы советскими войсками предполагалось осуществить переходом армий прикрытия в наступление⁴, не имеет аналога в отечественной историографии. Правда, вопреки мнению критиков В. Суворова, эти идеи принадлежат не ему, а А. И. Егорову и М.Н. Тухачевскому, в чьих трудах 1932—1934 гг. они детально обоснованы⁵. В ряде работ и других отечественных историков было показано, что идеи этих военачальников не только не были забыты, но, наоборот, к 1941 г. претворились в жизнь⁶. Такой вывод подтверждается и работами, в которых при-

¹ Российская газета. 1993. 10 июля; Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 193-209, 214.

² См.: Афанасьев Ю. Указ. соч.; Орлов А. С. Указ. соч. С. 10.

³ См.: Крохмаль Е. Указ. соч. С. 36.

⁴ См.: Суворов В. Ледокол. С. 136—165.

⁵ См.: Егоров А. И. Тактика и оперативное искусство на новом этапе // Военно-исторический журнал. 1963. № 10; Тухачевский М. Н. Избранные произведения. М., 1964. Т. 2. С. 212—221.

⁶ См.: Филиппов А. О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 г. // Военный вестник АПН. 1992. № 9. С. 6—8; Мельтюхов М. И.

водятся сведения о направленности боевой подготовки и военного планирования в приграничных округах, не противоречащие новому взгляду на эту проблему»^{1,2} <...>

«Что же противопоставляют тезису В. Суворова его критики? Д.А. Волкогонов утверждает, что во всех документах все было нацелено на оборону, но конкретных примеров не приводит³. Ю.А. Горьков для опровержения утверждений В. Суворова использует материалы периода конца 1940 г. Мало того, что автор цитирует лишь отдельные фразы этих обширных документов, из его примеров следует, в частности, что Киевский особый военный округ (КОВО) получил приказ подготовить наступление, а армиям округа приказано подготовить только оборону⁴. Ю.А. Горькова не смущает, что подобные положения лишены всякой логики.

Об оборонительных задачах армий прикрытия пишет и В.Б. Маковский, а в доказательство цитирует одну (!) фразу из обширной директивы Генштаба командованию КОВО от 5 мая 1941 г.⁵ Однако известно, что 10 апреля 1941 г. заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майор А.М. Василевский составил ди-

Споры вокруг 1941 г.: Опыт критического осмысления одной дискуссии // Отечественная история. 1994. № 3. С. 1214.

¹ См.: Военно-исторический журнал. 1993. № 6. С. 10–16; № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35; Петров Б. Н. Указ. соч. С. 10–17; Гуров А. А. Боевые действия советских войск на Юго-Западном направлении в начальном периоде войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 32–37; Семидетко В. А. Указ. соч. С. 22–31; Владимирский А. В. Указ. соч. С. 8–57.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 498–499.

³ См.: Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергли историки.

⁴ См.: Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 33.

⁵ См.: Маковский В. Б. Указ. соч. С. 52.

рективу на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов. К сожалению, Б.Н. Петров приводит из этой директивы задачи лишь Западного особого военного округа, который должен был совместно с Юго-Западным фронтом, наступая на Седлец-Радом, «разбить люблинско-радомскую группировку противника. Ближайшая задача овладеть Седлец, Луков (так в документе. — М. Н.) и захватить переправы через р. Висла... Разработать план первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»¹.

Подобные материалы как минимум ставят под сомнение утверждение отечественной историографии о чисто оборонительных намерениях армий прикрытия.»² <...>

«Рассуждая о советском плане войны с Германией, В. Суворов делает вывод о том, что главный удар Красная Армия должна была нанести по Румынии»³. В отечественной литературе содержание советских военных планов излагается по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника⁴. Однако новые документальные материалы и исследования последних лет суще-

¹ Петров Б. Н. Указ. соч. С. 12.

² М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 500.

³ См.: Суворов В. Ледокол. С. 148–152.

⁴ См.: Анфилов В. А. Указ. соч. С. 80–86; Сандалов Л. М. Указ. соч. С. 22–37; Захаров М. В. Указ. соч. С. 213–225; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 85–130; Кирьян М. М. Указ. соч. С. 12–13; Перечнев Ю. Г. О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии // Военно-исторический журнал. 1988. № 4. С. 46–47; Медведев Н. Е. Артиллерия РВГК в первом периоде войны // Военно-исторический журнал. 1987. № 11. С. 82; Волко-

ственно корректируют подобные подходы. Прежде всего, стало известно, что советское военное планирование боевых действий против Германии началось в октябре 1939 г. и продолжалось до середины мая 1941 г.¹ Опубликованные материалы и работы ряда авторов показывают, что основным содержанием советского военного планирования было «внезапное наступление на Германию в подходящий момент»²

«А. С. Орлов разделяет мнение В. Суворова о том, что главный удар советских войск должен быть направлен в сторону черноморских проливов³. Остальные критики «Ледокола» вопреки фактам пытаются отрицать наличие каких-либо планов, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент^{4,5}. В литературе признается, что последний вариант советского военного плана предусматривал нанесение внезапного удара по противнику. Большинство авторов утверждают, что такой план был

гонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 132–136; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 29–39; Маковский В. Б. Указ. соч. С. 51–58; Киршин Ю. Я., Раманичев Н. М. Указ. соч. С. 12–15.

¹ См.: Захаров М. В. Указ. соч. С. 213; Проэктор Д. М. Указ. соч. С. 307–312; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 133; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 50–58; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 31–39.

² См.: Петров Б. Н. Указ. соч. С. 10–17; Киселев В. И. Указ. соч. С. 14–17; Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 г. С. 4–22; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 29–45; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 55–56; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 136.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 501.

⁴ См.: Орлов А. С. Указ. соч. С. 15–16.

⁵ См.: Волкогонов Д. А. Эту версию уже опровергли историки; Орлов А. С. Так кто же начал войну. С. 18; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 130–138, 284–289.

Сталиным отвергнут, хотя материалов, содержащих данные о его мнении по этому вопросу, нет¹. Но сведения о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, сообщаемые А.М. Василевским, вносят полную ясность: все указания Сталин давал устно².

А. Афанасьев полагает, что в войсках не было никаких наступательных планов, так как во время войны они были бы захвачены и опубликованы немцами³. Однако Ю.А. Горьков утверждает, что «за несколько недель до нападения фашистской Германии ... вся документация по окружным планам была передана из Генштаба командованиям и штабам округов»⁴. Правда, в литературе имеются сведения о том, что эта документация не передавалась не только в штабы армий, но даже и в штабы округов, а все распоряжения отдавались устно⁵. Таким образом, опровергается версия А.В. Афанасьева и мнение М.А. Гареева о том, что утвержденные планы стратегического развертывания для упреждающего удара отсутствовали и в Генштабе, и в штабах округов⁶. Ю.А. Горьков настаивает на необходимости поисков документов, подтверждающих наличие решения о начале войны со стороны советского политического руководства и правительства⁷. Однако не

¹ См.: Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 55–59; С. 36–39; Афанасьев А. Указ. соч.; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 294–297.

² См.: Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 8.

³ См.: Афанасьев А. Указ. соч.

⁴ См.: Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 39.

⁵ См., например: Казаков М. И. Над картой былых сражений. М., 1971. С. 64–65; Галицкий К. Н. Годы суровых испытаний. М., 1973. С. 24–25; Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 51.

⁶ См.: Гареев М. А. Указ. соч. С. 202.

⁷ См.: Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 37.

совсем ясно, какой именно документ он хочет обнаружить.»¹ <...>

«Одним из наиболее содержательных мест книги В. Суворова являются его рассуждения о сосредоточении и развертывании частей Красной Армии накануне войны². О том, что такие меры принимались, было известно и ранее, но только теперь открылись конкретные данные о сроках, месте и составе сосредоточиваемых войск. Сосредоточение началось в феврале, а выдвижение войск из внутренних округов — в апреле 1941 г.³ Ныне в литературе уточнен состав армий второго эшелона, сроки и места их сосредоточения на Западном ТВД, приводятся материалы, позволяющие уточнить запланированную группировку войск. Судя по ним, 20-ю и 21-ю армии предполагалось использовать в первом эшелоне войск Юго-Западного фронта, хотя позднее они действовали на центральном участке советско-германского фронта в районах Смоленск — Гомель⁴. Приводятся данные о сосредоточении ближе к границе войск приграничных округов, начавшемся 12—16 июня 1941 г.⁵ Все это опровергает распространенное мнение о том, что перегруппировки войск в приграничных округах были запрещены Москвой, а Сталин, несмотря на настойчивые

¹ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 501—502.

² См.: Суворов В. Ледокол. С. 186—233.

³ См.: 1941 год — уроки и выводы. С. 80—86.

⁴ См.: Гуров А. А. Указ. соч. С. 32; Владимирский А. В. Указ. соч. С. 50—52; Захаров М. В. Указ. соч. С. 258—262; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 167—168; 1941 год — уроки и выводы. С. 80—88, 214—223.

⁵ См.: Петров Б. Н. Указ. соч. С. 12—13; Семидетко В. А. Указ. соч. С. 31; Киселев В. Н. Указ. соч. С. 14—15; Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 96—97; Владимирский А. В. Указ. соч. С. 50—52; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 125—128; 1941 год — уроки и выводы. С. 84—86; Филиппов А. Указ. соч. С. 4.

просьбы военного руководства, отказывался разрешить передислокацию войск и всячески тормозил проведение подобных мер¹. К сожалению, эти проблемы все еще слабо разработаны в литературе.

Вопрос о целях подобного сосредоточения, который В. Суворов справедливо считает основным², не получил серьезного освещения в отечественной историографии. Имеющаяся версия — усиление войск прикрытия в преддверии германского вторжения — наталкивается на утверждения ряда авторов, что Сталин не верил в возможность нападения Германии до разгрома ею Англии, доверял Гитлеру³, и тем самым опровергается. По мнению некоторых авторов, эти меры были направлены на осуществление советского плана нападения на Германию⁴, что сразу же устраняет все противоречия, имеющиеся в литературе, и делает понятными действия советского военно-политического руководства.

Критики В. Суворова пытаются доказать, что передви-

¹ См.: Якушевский А. С. Фактор внезапности в нападении Германии на СССР // История СССР. 1991. № 3. С. 22; Перечнев Ю. Г. Указ. соч. С. 49; Данилов В. Д. Советское Главное командование в преддверии Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 18–19; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 112–118; Анфилов В. А. Указ. соч. С. 94–97; Исаев С. И., Раманичев Н. М., Чевела П. П. Указ. соч. С. 48–58; Горьков Ю. А. Указ. соч. С. 36; Гареев М. А. Указ. соч. С. 202; Коммунист. 1988. № 9. С. 88–94.

² См.: Суворов В. Ледокол. С. 259–260.

³ См.: Орлов А. С. Так кто же начал войну. С. 19; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 60; Язов Д. Т. Впереди была война // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 5–6; Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 82; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 116; Якушевский А. С. Фактор внезапности... С. 13–14.

⁴ См.: Петров Б. Н. Указ. соч. С. 12–13; Киселев В. И. Указ. соч. С. 14–16; Мельтюхов М. И. Споры вокруг 1941 г.; Хоффман Й. Подготовка Советского Союза к наступательной войне: 1941 год // Отечественная история. 1993. № 4. С. 19–31; Отечественная история. 1994. № 3. С. 4–22.

жения войск были ответом на рост германской угрозы. Это, впрочем, не мешает им же признавать тот факт, что Сталин не верил в возможность германского нападения¹. В.А. Анфилов вообще отрицает факт движения войск к границе, хотя данные об этом приводятся в его книгах². М.А. Гареев отрицает разрешение Сталина на сосредоточение войск у границы и их развертывание, оставляя в стороне объяснение причин проведения всех указанных мер³. Иначе говоря, вместо изучения проблем вновь воспроизводится старая, ничего не объясняющая официальная схема.

Версия В. Суворова о значении Заявления ТАСС от 13 июня 1941 г.⁴ очень любопытна, тем более что ныне стали известны материалы о дезинформации Берлина Москвой, открывшие новую тему в изучении кануна войны⁵. В литературе этот документ традиционно расценивается как приглашение Германии на переговоры или просто дипломатический демарш СССР⁶, но критики «Ледокола» не уделили ему должного внимания.

Проблемы, связанные с репрессиями комсостава, упо-

¹ См.: Орлов А. С. Так кто же начал войну. С. 18; Свободная мысль. 1993. № 6. С. 52; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 283–284, 287.

² См.: Анфилов В. А. Указ. соч. С. 94–101; См. также: Красная звезда. 519. 1993. 20 февраля.

³ См.: Гареев М. А. Указ. соч. С. 202.

⁴ См.: Суворов В. Ледокол. С. 193–266.

⁵ См.: Вишлев О. В. Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 4–5. С. 242–253.

⁶ См.: Вишлев О. В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 78–79; Орлов А. С. СССР — Германия. С. 55–56; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 122; Бережков В. М. Указ. соч. С. 27; Волков В. К. Указ. соч. С. 17; Нечрич А. М. 1941. 22 июня. М., 1965. С. 142; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 317.

минаемые автором «Ледокола»¹, рассматриваются в отечественной историографии довольно широко. Среди критиков В. Суворова наиболее четко мнение о развале Красной Армии репрессиями сформулировал М. Сергомасов: «С кем, спрашивается, Сталин собирался завоевывать Европу?»², в пылу полемики забыв о тех, кто выиграл войну»³. <...>

«Рассуждения В. Суворова о войсках НКВД накануне войны»⁴ не находят отражения в отечественной историографии. В литературе в основном изучаются вопросы, связанные с деятельностью пограничных войск накануне войны, которая рассматривается с точки зрения эффективности охраны границы. Лишь в некоторых работах приводятся отдельные материалы об усилении погранвойск и их подготовке к войне. В целом на сегодня имеется довольно полная картина, раскрывающая организацию охраны границы, численность погранвойск, их действия по охране границы, меры по ее усилению накануне войны⁵. Вместе с тем остаются нераскрытыми вопросы о планах использования погранвойск в начале войны, нет убедительного объяснения тем мерам по усилению погранвойск, которые выходят за рамки оборонительных, почти ничего не из-

¹ См.: Суворов В. Ледокол. С. 240–245.

² Сергомасов М. Указ. соч. С. 119–120.

³ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 502–503.

⁴ См.: Суворов В. Ледокол. С. 64–72.

⁵ См.: Чугунов А. И. Граница накануне войны. М., 1985. С. 86–173; Беляев В. И. Усиление охраны западной границы СССР накануне Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 5. С. 50–55; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 131–152.

вестно о численности, дислокации и задачах войск НКВД на территории западных приграничных округов.

Рассуждения автора «Ледокола» о причинах занятия Сталиным поста Председателя СНК СССР, о его речи 5 мая 1941 г. и об изменении направленности пропаганды¹ не имели аналогов в отечественной историографии. А.С. Орлов считает: Сталин занял этот пост в целях умиротворения Германии и оттягивания войны², что совершенно не подтверждается тогдашними действиями советского руководства. Краткая запись речи Сталина 5 мая ныне опубликована³, а исследования поворота в пропаганде начаты работами В.А. Невежина и М.И. Мельтюхова⁴, материалы которых в целом подтверждают мнение В. Суворова. Интересна точка зрения В. Суворова, объясняющая провал советской разведки в определении намерений Германии в 1941 году⁵. Отечественная историография ограничивается лишь общими фразами об успешной работе разведки, а неиспользование добытых ею данных объясняет тем, что Сталин верил в договор с Германией. Существует версия, что разведка не смогла убедить Сталина в скором

¹ См.: Суворов В. Ледокол. С. 166–188.

² См.: Орлов А. С. Так кто же начал войну. С. 20.

³ Сталин И. В. Речь в Большом Кремлевском дворце, 5 мая 1941 г. // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10–16.

⁴ См.: Невежин В. А. Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939–1941 гг. // Преподавание истории в школе. 1994. № 5. С. 8–19; Он же. Метаморфозы советской пропаганды в 1939–1941 гг. // Вопросы истории. 1994. № 8. С. 164–171; Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера? Сб. ст. М. 1995. С. 122–167; Невежин В. А. Речь Сталина 5 мая 1941 г. и апология наступательной войны // Отечественная история. 1995. № 2. С. 54–69; Мельтюхов М. И. Идеологические документы мая — июня 1941 г. о событиях второй мировой войны // Там же. С. 70–85.

⁵ См.: Суворов В. Ледокол. С. 303–314.

нападении Германии¹. Вместе с тем высказывалось мнение, что раскрытие наступательных намерений Германии не являлось приоритетной задачей деятельности разведки². На сегодняшний день имеются многочисленные материалы, свидетельствующие, что советской разведке были известны замыслы Германии. Многие историки в своих работах осудили Сталина, пренебрегшего данными разведки. Только В.М. Кулиш поставил вопрос: почему же Сталин ошибался, если ему все это было известно³? Автор «Ледокола» предложил свой ответ, но он требует дальнейшего изучения темы. Критики В. Суворова отвергли его версию, не предложив никакой взамен^{4,5} <...>

¹ См.: Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 88-94; Волкогонов Д. А. Триумф и трагедия. С. 137-148; Прозектор Д. М. Указ. соч. С. 312-314; Самсонов А. М. Указ. соч. С. 118; Волков Ф. Д. Взлет и падение Сталина. М., 1992. С. 178-188; Ивашутин П. И. Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 55-59; Хорьков А. Г. Указ. соч. С. 131-152; Язов Д. Т. Указ. соч. С. 4-14; Киселев В. Н. Указ. соч. С. 15-16; В о ю ш и н В. А., Горлов С. А. Фашистская агрессия: о чем сообщали дипломаты // Военно-исторический журнал. 1991. № 6. С. 13-23; Якушевский А. С. Фактор внезапности... С. 3-16; Павленко Н. Г. Указ. соч. С. 227-235; Павлов А. Г. Советская военная разведка накануне Великой Отечественной войны // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 46-60; Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 139-145, 298-299.

² См.: Пранович А. Состояние боевой готовности оперативной и тактической разведки Красной Армии накануне нападения фашистской Германии на СССР в июне 1941 г. (критический анализ) // Военный вестник АПН. 1992. № 2-3. С. 1-15.

³ См.: История и сталинизм. С. 324-328.

⁴ См.: Известия. 1993. 16 января; Маковский В. Б. Указ. соч. С. 58; См.: Крохмаль Е. Указ. соч. С. 38-39; См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии: 1933-1945. М., 1958. Т. 2. С. 150, 207-208.

⁵ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 504-505.

«В военно-исторической литературе пересмотр официальной версии только начался и появление «Ледокола» В. Суворова, который предложил новую концепцию, послужило толчком к его ускорению. В то же время ход связанной с книгой дискуссии свидетельствует о том, что отечественная историография еще не готова к радикальной перемене устоявшихся подходов»¹.

* * *

В обширной статье «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939 — 1941 гг.: становление великой державы», вышедшей в 2006 году Михаил Мельтюхов сформулировал основные идеи своей книги «Упущенный шанс Сталина». Вот несколько выдержек из нее, демонстрирующих близость результатов собственных исследований Мельтюхова к выводам и идеям Виктора Суворова:

«Прежде всего, следует отрешиться от навешанной советской пропагандой совершенно фантастической идеи о некоем патологическом миролюбии СССР, благодаря которой в историографии сложилась довольно оригинальная картина. Если все прочие государства в своей международной политике руководствовались собственными интересами, то Советский Союз занимался лишь тем, что демонстрировал свое миролюбие и боролся за мир. В принципе, конечно, признавалось, что у СССР также есть собственные интересы, но обычно о них говорилось столь невнятно, что понять побудительные мотивы

¹ М. Мельтюхов. «Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова «Ледокол», в сборнике «Советская историография», Москва, 1996, с. 509.

вы советской внешней политики было практически невозможно»¹.

«Летом 1941 г. для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией, и получить, как минимум, благожелательный нейтралитет Лондона и Вашингтона. Правильно отмечая нарастание кризиса в советско-германских отношениях, советское руководство полагало, что до окончательного разрыва еще есть время, как для дипломатических маневров, так и для завершения военных приготовлений. К сожалению, не сумев правильно оценить угрозу германского нападения и опасаясь англо-германского компромисса, Сталин как минимум на месяц отложил завершение военных приготовлений к удару по Германии, который, как мы теперь знаем, был единственным шансом сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение «является одним из основных исторических просчетов Сталина»², упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана «Барбаросса» и Советскому Союзу пришлось 3 года вести войну на своей территории, что привело к колоссальным людским и материальным потерям.

¹ М. Мельтюхов. «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939 — 1941 гг.: становление великой державы», в сборнике «Правда Виктора Суворова», с. 31

² Сахаров А. Н. Война и советская дипломатия: 1939 — 1945 гг.// Вопросы истории. 1995. № 7. С.38.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально вермахт намеревался завершить военные приготовления к 16 мая, а Красная армия — к 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенеся его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок — 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе»¹.

* * *

В 1995 году в журнале «Отечественная история» №3, была опубликована статья полковника, кандидата исторических наук Владимира Данилова «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность»². Причины поражений Красной армии летом 1941 года Данилов видит в том же самом, что и Виктор Суворов — Красная Армия готовилась не к обороне, а к мощному упреждающему удару по Германии:

«Обратимся к языку цифр и фактов, характеризующих начало войны.

К середине июля 1941 г. из 170 советских дивизий, принявших на себя первый удар германской военной маши-

¹ М. Мельтюхов. «Преддверие Великой Отечественной войны. 1939 — 1941 гг.: становление великой державы», в сборнике «Правда Виктора Суворова», с.99—100.

² В. Данилов. «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность». Отечественная история, N 3, 1995.

ны, 28 оказались полностью разгромленными, 70 дивизий потеряли свыше 50% своего личного состава и техники. Особенно жестокие потери понесли войска Западного фронта. Из общего числа разгромленных на советско-германском фронте дивизий 24 входили в состав этого фронта. В катастрофическом положении оказались и остальные 20 дивизий этого фронта. Они потеряли в силах и средствах от 50 до 90%.

За первые три недели войны Красная Армия лишилась огромного количества военной техники и вооружения. Только в дивизиях (без учета усиления и боевого обеспечения) потери составляли около 6,5 тыс. орудий калибра 76 мм и выше, более 3 тыс. орудий противотанковой обороны, около 12 тыс. минометов и около 6 тыс. танков. Военно-Воздушные Силы за это время потеряли 3 468 самолетов, в том числе значительное количество машин новых конструкций. Уже к полудню 22 июня в ходе бомбардировок советских аэродромов немцы уничтожили 1 200 самолетов, из них свыше 800 — на земле. Потери Советского Военно-Морского Флота составили: 1 лидер, 3 эсминца, 11 подводных лодок, 5 тральщиков, 5 торпедных катеров, ряд других судов и транспортов.

К концу 1941 г. Красная Армия потеряла практически весь первый стратегический эшелон — наиболее подготовленные кадровые войска. Только военнопленными, как это теперь установлено, потери за это время составляли около 3,9 млн человек. К 10 июля немецкие войска продвинулись в глубь советской территории: на главном, Западном направлении — на 450-600 км с темпом продвижения 25—35 км в сутки, на Северо-Западном направлении — на 450—500 км с темпом 25—30 км

в сутки, на Юго-Западном направлении — на 300—350 км с темпом 16—20 км в сутки. Для сравнения: потери вермахта за этот период составили около 40% танков от первоначального состава, из них 20% — боевые потери; 900 самолетов; на Балтике — 4 минных заградителя, 2 торпедных катера и 1 охотник. В личном составе потери вермахта, по немецким данным, составили около 100 тыс. человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести 27. Такие потери немцев, хотя и превышали значительно их потери в предыдущих боях в Западной Европе, ни в какой мере не были сопоставимы с потерями советских войск.

В связи со всем сказанным возникает законный вопрос: в чем причина трагедии 22 июня? Среди многих факторов обычно называются «ошибки» и «просчеты» советского военно-политического руководства. Но при более внимательном рассмотрении некоторые из них оказываются вовсе не наивными заблуждениями, а следствием вполне продуманных мероприятий с целью подготовки упреждающего удара и последующих наступательных действий против Германии. Этому стратегическому замыслу и был подчинен принцип оперативного построения войск первого стратегического эшелона. На деле же войну пришлось начинать в условиях мощного неожиданного удара со стороны противника неорганизованными оборонительными действиями. К тому же войсками, практически повсеместно застигнутыми врасплох.

Другой факт. Генштаб с учетом нанесения главного удара по противнику на Юго-Западном направлении наметил сосредоточить здесь группировку войск, которая в полтора раза превышала группировку войск

противника. Да и задачи, поставленные фронту на этом направлении, преследовали наступательные, а не оборонительные цели. Следовательно, не из мифических ожиданий главного удара противника, а исходя из наших расчетов на успех на Украинском направлении именно здесь была сосредоточена соответствующая группировка войск. Противник же нанес главный удар на Западном, Белорусском направлении, где наш Генштаб предполагал вести в основном активные оборонительные действия.

Как уже отмечалось, для Генштаба Красной Армии не было тайны немецкого плана нападения на СССР — плана «Барбаросса». Через 10 дней после утверждения этого плана Гитлером, т. е. 28 декабря 1940 г., его основные положения находились в руках советской военной разведки. А это означает, что советское Главнокомандование располагало информацией относительно немецких планов нанесения главного удара по советским войскам севернее Припятских болот, а также о наступлении особо сильными танковыми клиньями из района Варшавы и севернее ее с задачами разбить силы русских в Белоруссии и т. д. Почему же советский Генштаб сосредоточил довольно сильные группировки войск в Белостокском и Львовском выступах? Не надо быть стратегом, чтобы ответить на этот вопрос. Даже беглый взгляд на конфигурацию советско-германской границы (линии будущего фронта) показывает возможность использования Белостокского и Львовского выступов для нанесения здесь многообещающих концентрических ударов по немцам. Генштаб не мог не использовать такой шанс. Но, как известно с времен сражения при Каннах (216 г. до н. э.), манящий выступ при опреде-

ленных условиях может превратиться в пожирающий котел. Именно в таких котлах оказались войска Красной Армии. Триумф германского командования стал одновременно трагедией сотен тысяч советских воинов»¹.

* * *

Безоговорочным единомышленником Суворова является доктор исторических наук Юрий Фельштинский:

«Безусловная заслуга В. Суворова состоит в том, что им была названа дата принятия Сталиным решения о начале военных действий против Германии: 19 августа 1939 года — день подписания советско-германского пакта о ненападении. Это может показаться парадоксальным, но только так можно объяснить все дальнейшее поведение Сталина, чему и посвящает свои книги В. Суворов.

В смысле позиции Гитлера загадок нет. Можно утверждать, что принципиальное решение о разрыве со Сталиным он принял во время визита Молотова в Берлин в конце 1940 года. Молотов потребовал тогда от немцев согласия на советскую оккупацию Румынии, Болгарии, Финляндии и Проливов. Гитлер ответил решительным отказом и подписал директиву о нападении на СССР.

Перед самой войной, в 1938—39 финансовом году, Германия тратила на вооружение 15% своего национального дохода — столько же, сколько Англия. Гитлер не хотел вооружаться за счет благосостояния германского

¹ В. Данилов. «Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность». Отечественная история, N 3, 1995. с.

народа. К тому же это могло привести к падению его популярности.

В Советском Союзе на оборонные расходы в первые три года третьей пятилетки официально было затрачено 26,4% всех бюджетных ассигнований, причем в 1940 году этот процент был равен 32,6%. А в 1941-м на оборону планировалось затратить 43,4% бюджетных ассигнований.

Эти сухие цифры подводят нас к выводу, что советское правительство готовилось к войне»¹.

«Для изучения проблематики начального периода Второй мировой войны В. Суворов сделал больше, чем вся советская и западная историографии. Он нашел ответы на очень многие, мучившие нас десятилетиями, вопросы. Он очень многое объяснил, и объяснил, безусловно, правильно. Заслуга его неоценима»².

«В заключение несколько слов о еще одной дате, установленной В. Суворовым: 6 июля 1941 года, «Дне-М». Приводимые автором аргументы в пользу этой даты очень серьезны. И все-таки здесь нам, видимо, не обойтись без дополнительной информации, которой пока нет. Может быть, нам помогут недоступные сейчас архивы. Может быть, станут известны протоколы заседания Политбюро 21 июня 1941 года. Как историк я склонен считать, что В. Суворов прав. Если окажется, что «день-М» был назначен на 13 или 20 июля, это, в конце концов, не так уж будет важно. В. Суворов открыл для нас целый пласт нашей истории. В этом его вели-

¹ Юрий Фельштинский. «Читая книги «Ледокол» и «День-М» Виктора Суворова», «Вестник» №26(207), 22 декабря 1998.

² Там же.

чайшая заслуга. По его стопам, я уверен, пойдут теперь другие — поправляя, дополняя и уточняя. Они будут вторыми, третьими...десятыми. Виктор Суворов был первым»¹.

* * *

Доктор исторических наук Ирина Павлова — автор исключительно интересной и важной книги «Механизм власти и строительство сталинского социализма», вышедшей в Новосибирске в 2001 году. В главе «Поиски правды о кануне Великой отечественной войны» Павлова пишет: «Относительный покой в среде российских военных историков разрушила публикация на русском языке книг В. Суворова (В. Резуна), который поставил под сомнение то, что в СССР ранее никогда и никем не подвергалось сомнению. (Его книга «Ледокол» имеет подзаголовок «Кто начал Вторую мировую войну?»). Своими книгами он стремился доказать, что главный виновник и главный зачинщик Второй мировой войны — Советский Союз. Используя метафорический оборот, он назвал день фактического вступления СССР в войну — 19 августа 1939 г. В. Суворову удалось вычислить, что в этот день состоялось заседание Политбюро ЦК, которое приняло решение о начале тайной мобилизации. «Многие историки, — пишет он, — думают, что сначала Сталин решил подписать с Гитлером мир, а потом решил готовить внезапное нападение на Германию. Но факты открыли и подтвердили

¹ Юрий Фельштинский. «Читая книги «Ледокол» и «День—М» Виктора Суворова», «Вестник» №26(207), 22 декабря 1998.

мне, что не было двух разных решений. Подписать мир с Германией и окончательно решиться на неизбежное вторжение в Германию — это одно решение, это две части единого замысла». И далее: «Поэтому я считаю 19 августа рубежом войны, после которого при любом раскладе Вторая мировая война должна была состояться. И если бы Гитлер не начал ее 1 сентября 1939 года, Сталин должен был бы искать другую возможность или даже другого исполнителя, который бы толкнул Европу и весь мир в войну. В этом суть моего маленького открытия»¹.

В. Суворов не замкнулся на одном 1939 годе, а рассмотрел все основные события вплоть до начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г., увязав их в единое логическое целое: «Тайная мобилизация должна была завершиться нападением на Германию и Румынию 6 июля 1941 года... Тайная мобилизация была направлена на подготовку агрессии. Для обороны страны не делалось ничего. Тайная мобилизация была столь колоссальна, что скрыть ее не удалось. Гитлеру оставался только один и последний шанс — спасти себя превентивным ударом. И 22 июня 1941 года Гитлер — на две недели — упредил Сталина»².

Публикация книг Суворова разделила историков на две неравные группы. Подавляющее большинство — историки со стажем и именами, которые в своих трудах «освящали» просталинскую концепцию войны. Ра-

¹ В. Суворов. Ледокол. М., 1992. Он же, День М. М. 1994, с. 130, 131.

² В. Суворов. День М, с. 249.

ботая много лет под эгидой Института военной истории Министерства обороны СССР, они не смогли принять даже той половинчатой правды о войне, которая стала достоянием официальной гласности. Об этом свидетельствует провалившаяся попытка подготовить новую 10-томную «Историю Великой Отечественной войны советского народа». Но и те военные историки, которые (как, например, А.Н. Мерцалов и Л.А. Мерцалова) резко критикуют Сталина и сталинизм за неготовность советских войск к началу войны, за некомпетентность и произвол, безнравственность и жестокость¹, оказались не готовы к тому, чтобы спокойно обсудить концепцию В. Суворова.

Объяснить это можно лишь тем, что суворовская концепция ломала не только устоявшуюся историографическую традицию, но и наносила удар по личным чувствам и представлениям о войне. Тем более, что многие военные историки, как А.Н. Мерцалов, сами были ее участниками. Это не просто неприятие, но и нежелание понять. Книги В. Суворова, по их мнению, не заслуживают развернутых рецензий военных историков, потому что «с помощью «ледоколов» осуществляется конъюнктурный пересмотр важнейших моментов отечественной и мировой истории», бросается «тень на реальные исторические факты, которые давно и с научной точки зрения безуко-

¹ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. Из непрочитанных страниц истории (1930–1990-е). М., 1994.

² Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. «Непредсказуемое прошлое или преднамеренная ложь?», «Свободная мысль», 1993, №6, с. 50–51.

ризненно (! — И.П.) установлены мировой историографией»².

По мере распространения влияния книг В. Суворова на общественное сознание в России усиливалось и их отрицание. От замалчивания эти историки перешли к ругани и неправдоподобным обвинениям. Они заклеймили его как «не историка, не мемуариста, изменника, агента иностранных спецслужб». Оказывается, его книги «написаны разными людьми, скорее группами людей», участие В. Суворова «обнаруживается лишь в отдельных литературных приемах, жаргоне, междометиях»¹.

...В отличие от своих маститых оппонентов, В. Суворов понял, хотя и не занимался специально, механизм власти сталинского режима, основной принцип деятельности Сталина в политике — по возможности не оставлять документов, не оставлять следов, окружать правду «батальонами лжи»².

«В советское время историки не только не имели доступа к секретным материалам партийных и государственных органов, но и воспитывались на строгом соблюдении принципов партийности и классового подхода. Это предполагало следование той интерпретации событий, которая была заложена в самих источниках. В результате в трудах историков воспроизводилась идеология и логика документа. Основная трудность в пре-

¹ Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Между двумя крайностями, или кто соорудил «Ледокол»// Военно-исторический журнал. 1994. № 5. С. 83.

² Ирина Павлова. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с. 352–355.

одоления советского историографического наследства заключалась в том, чтобы научиться вскрывать подлинный смысл событий, которые по-своему отражали оставшиеся документы советской эпохи — секретные и несекретные. Надо отдать должное В. Суворову, проявившему себя в книге «Ледокол» как историк-разведчик, сумевший раскрыть главную тайну советской военной политики и истории. Сделал он это, опираясь в основном на опубликованные советские источники, которые были им сопоставлены, переосмыслены, очищены от идеологической маскировки и маркировки»¹.

* * *

В 1995 году в Москве в издательстве «Прогресс-академия» вышла книга израильского историка Габриэля Городецкого «Миф «Ледокола». Издана она была в Москве, но печаталась в Берлине, и весьма большим тиражом. Я узнал об этом случайно, просто оказалось, что жил тогда прямо напротив берлинской типографии, выполнявшей заказ, и в случайном разговоре сотрудники типографии о нем рассказали. Если московское издательство в середине 90-х заказывает печатание некоей книги в Берлине, значит, денег у него на эту книгу имеется немеряно. И легко догадаться об источнике этих денег. Книга Городецкого рекламировалась как научное достижение иностранного историка, которому удалось сделать то, на что оказались неспособны российские. Городецкого пригласили в Москву работать в зак-

¹ Ирина Павлова. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001, с.356.

рытых архивах и оказывали ему всяческую официальную поддержку. Расчет простой — в России традиционно верят больше иностранцам, говорящим нечто выгодное властям, чем собственным казенным ученым, поскольку их дрессированность и зависимость от власти заведомо очевидны.

Городецкий таких тонкостей, вероятно, не понимал и искренне считал, что тиражи его книги, как и исключительно уважительное обращение с ним в Москве, объясняется пиететом перед его научным весом и эрудицией. Это видно из почти анекдотического ответа Городецкого на вопрос, появились ли после выхода книги в Москве оппоненты среди российских историков или военных.

Городецкий: «Презентация моей книги проходила в Москве. Должен сказать, что это было нечто монументальное. Она просто не сходила с экрана телевидения и со страниц газет. И историки, и военные — все повторяли одно: «Вы сделали за нас то, что мы не могли сделать. Очень, очень сильно». Вопрос, который повторялся все время: «Почему именно израильтянин решил на это — человек со стороны?» Во всем этом я ощущал очень сильный элемент самокритики с их стороны. Я ожидал, конечно, критических высказываний со стороны профессионалов, но критики не последовало. На презентации был один человек, связанный с Суворовым, — Борис Соколов. Так вот, 99 процентов присутствовавших на него буквально набросились. Вот вам разница в настроениях, которые царят на улице, и

¹Зеев Бар-Селла, Татьяна Шрайман. «Анти-Ледокол». «Вести», 02.03 — 08.03, 1995. с.4.

в настроениях тех людей, которые обладают необходимыми знаниями»¹

Книга Городецкого и по сию пору остается наиболее научной по форме и респектабельной попыткой опровергнуть Суворова. Тем более на фоне макулатурных поделок всевозможных анонимов с очевидной кагэбэшной подкладкой.

Мне книга Городецкого показалась вопиюще некачественной. Даже не в том дело, что Городецкий конечно же не смог опровергнуть Суворова, он там практически и не пытается это делать. Городецкий очень плохо понимает советскую историю вообще, не различает психологии и мотивов действий сталинской власти, которая управляла политическими событиями, не врубается даже в те немногие документы, которые приводит.

В израильской русскоязычной газете «Вести» в марте 1995 года появилось интервью с Габриэлем Городецким и убийственный комментарий к интервью и книге, сделанный известным израильским историком, Зеевом Бар-Селлой. Вот несколько ключевых выдержек из статьи Бар-Селлы:

«Сам Сталин неудачи первого периода войны объяснял просто — внезапность! Гитлер, коварно злоупотребив доверием, вероломно напал на мирный Советский Союз. А единственное в мире рабоче-крестьянское государство, естественно, к войне готово не было. Точнее, Гитлер свою армию отмобилизовал, а Красная армия отмобилизоваться не успела. Просто и внятно.

Только один вопрос возникает — неотмобилизованная Красная армия в самые первые месяцы войны теряет только пленными более 4 миллионов человек! Откуда они взялись, эти солдаты, если мобилизации не

было? Ведь после 22 июня мобилизовать и пригнать эту массу на фронт — за столь краткий срок и при известном состоянии русских дорог — было физически невозможно. Так, значит, мобилизация была проведена заранее? И значит, никакой внезапности не произошло? И Сталин страну к войне готовил? И если судить по количеству пленных, количеству захваченных врагом боеприпасов — 25 тысяч вагонов, числу потерянных в боях и брошенных танков, самолетов — многие тысячи, орудий — десятки тысяч, — Сталин страну к войне приготовил?! Тогда в чем же дело? Почему же все обернулось так, а не иначе?

В 1988 году ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов, сотрудник Главного разведывательного управления, сбежавший на Запад. И ответ этот — чудовищный, не лезущий ни в какие рамки. Но ответ, не оставляющий места никаким вопросам. Сталин не был ни слепцом, ни дураком. Он был — преступник. И вины за развязывание Второй мировой войны на нем не меньше, чем на Гитлере. Да, Гитлер хотел войны и 1 сентября 1939 года ее начал. Но начать ее он смог лишь потому, что ему помогал Сталин. Сам же советский вождь помогал Гитлеру не из альтруизма и не по глупости, а потому, что сам хотел захватить и Германию, и Польшу, и Чехословакию, и Венгрию, и Румынию, и Финляндию, и Францию, и Италию, и Англию... И армию свою Сталин отмобилизовал и готовил ее к нападению на Европу, именно к нападению, а не к обороне. И тогда масса несуразностей и загадок получает свое объяснение и разгадку. И если кто-то, говорит Суворов, думает, что под Сталиным Европе было бы легче и лучше, чем под Гитлером, то это еще как посмотреть. Сталин к тому

времени уничтожил, выморил голодом и загнал в лагерь уже четверть населения собственной страны. Полагать, что к европейцам он по какой-либо причине отнесся бы иначе, будет, по меньшей мере, неосмотрительно.

В 1992 году книга В. Суворова «Ледокол» вышла наконец и в России. И естественно, вызвала бурную реакцию. Одни склонялись к тому, чтобы ему поверить, другие (по числу печатных откликов — большинство) яростно возражали. А Суворов меж тем выпустил вторую часть — «День М», в которой привел новые данные, полностью подтверждающие выводы первой книги. И тогда пришел Габриэль Городецкий и дал Суворову развернутый отпор.

Сразу оговорюсь — я ни в коей мере не ставлю своей целью защиту или апологию концепции Суворова. Защита или опровержение таких концепций — это дело военных историков.

И здесь с Г. Городецким мы находимся в равном положении. Поэтому рассмотрим приемы аргументации и полемики, представленные в книге «Миф «Ледокола».

Как уже говорилось, Суворов считает, что Сталин планировал нападение на германскую армию. Опровержение Городецкого: «Документы германской разведки, цитируемые далее в этой книге, определенно свидетельствуют о том, что развертывание советских войск носило оборонительный характер и не представляло никакой опасности для вермахта» (стр. 10). На стр. 29 (примечание 8) указано: «См. наст. изд., с. 115—119». Т.е. на данных страницах обещано процитировать соответствующие аргументы германской разведки, наголову разбивающие домыслы Суворова.

ва. Открываем книгу на указанных страницах — раздел «Германия и превентивная война» — обнаруживаем: не цитируется ни один документ германской разведки, нет ни одной ссылки на хоть какой-то документ германской разведки. А что есть? Есть замечание, что «даже Паулюс, который был бы рад представить такие данные в Нюрнберге, неохотно признал, что «в наше поле зрения не попали какие-либо факты, свидетельствовавшие о подготовке Советского Союза к нападению» (стр. 117).

Я, в отличие от Городецкого, не знаю, что должно было радовать или печалить бывшего фельдмаршала, но мне достоверно известно, что задолго до Нюрнбергского процесса (в 1943 г.) Паулюс попал в советский плен, вступил в руководство антигитлеровского комитета «Свободная Германия», находился в плену в момент Нюрнбергского процесса и оставался в плену еще долгие годы после процесса. Если показания такого свидетеля (не подкрепленные ни одним документом) Городецкий считает доказательством — воля его.

Впрочем, как отмечает Городецкий, все прочие немецкие генералы на том же процессе в Нюрнберге твердо стояли на том, что вермахт нападения Красной Армии ожидал. Но с этими ненужными показаниями Городецкий раздвигается без труда — «благоприятная обстановка «холодной войны». После чего хладнокровно отмечает: «Однако архивные материалы свидетельствуют о том, что немецкая разведка таких сведений вообще не поставляла» (стр. 116—117). Ссылок на данные «архивные материалы» не приводится. Да и откуда им взяться, этим ссылкам, если все материалы ОКБ (Верховного командования вермахта) находятся в Центральном архиве министерства обороны РФ (г. Подольск, Московской обл.) и ни одному западно-

му историку никогда не выдавались. Это с одной стороны. А с другой стороны, «превентивная война — совершенно чуждая идея в советском военном арсенале». Если кто-то готов рассматривать данное заявление Городецкого как аргумент — воля его.

Одно из центральных мест в системе доказательств Суворова занимает проблема странного невнимания советского командования к строительству оборонительных сооружений вдоль новой (после сентября 1939 года) западной границы. Рассмотрению этой странности (вкуче с не менее поразительным разрушением старой оборонительной «Линии Сталина» — одной линии еще нет, а вторую уже разрушают!) Суворов посвящает 20 страниц своей книги, приводя данные мемуаристов и официальных публикаций. И приходит к выводу: Сталин думал не об обороне, но о нападении. Новая же линия оборонительных сооружений ни для какой обороны не предназначалась, а была на самом деле не слишком тщательно изготовленным макетом.

Что же противопоставляет суворовским аргументам Городецкий? Во-первых, отмечает он, «в архивах полно документов, касающихся вопросов строительства укрепленных районов на новых границах» (стр. 283). Отлично — приведи хоть один. Не приводит. А откуда сведения о том, что полно? Источник — и этого, и того, «что работы шли полным ходом и были прерваны только немецким вторжением», — две советские журнальные публикации 1988 года общим объемом в 6 страниц; значит, сам Городецкий никаких архивов не видел и о том, что там на самом деле есть или чего нет, судить не может. Но он советским публикациям хочет верить. И верит.<...>

В интервью Г. Городецкий приводит интереснейшие суждения о Коминтерне. Во-первых, он сообщает, что просмотрел все коминтерновские архивы.

Коминтерн, III Коммунистический Интернационал, существовал с 1919 по 1943 год. А теперь потрудитесь представить, сколько бумаги было исписано коминтерновцами за 24 года упорного труда! Кроме того, Коминтерн работал по секциям, и даже допустив, что язык документов германской, американской или палестинской секций доступен Г. Городецкому, я не смею утверждать, что столь же свободно разбирается он в материалах секций японской и китайской. Скорее всего Городецкий просто не представляет себе ни специфики, ни масштабов работы Коминтерна, ни, соответственно, объема документального материала. Но это к слову. Из всех документов ссылка имеется лишь на один — неопубликованный дневник Георгия Димитрова. Из чтения данного дневника Городецкий уверенно приходит к выводу, что Сталин хотел Коминтерн распустить. А при распущенном Коминтерне ни о какой революционной войне и речи быть не может — значит, Суворов кругом неправ.

Умение читать и понимать написанное столь же разнятся меж собой, как смотреть и видеть. А Сталин говорил Димитрову следующее: «...следовало бы компартии сделать совершенно самостоятельными, а не секциями К. И. Они должны превратиться в национальные компартии, под разными названиями — рабочая партия, марксистская партия и т.д. Название не важно. Важно, чтобы они внедрились в своем народе и концентрировались на своих особых собственных задачах» (стр. 183). О чем здесь идет речь? А речь идет о том, что национальные компартии, давно скомпроме-

тировавшие себя как агентура Москвы, должны внедриться (обратите внимание на термин — «внедриться»!) в политическую жизнь своих стран. Для чего это нужно? А как раз для того, чтобы при захвате той или иной страны Красная армия не выглядела оккупантом. Пример Финляндии налицо — старый московский сиделец Отто Куусинен объявил в Сестрорецке о создании Демократической Республики Финляндия и призвал на помощь Советский Союз. Куусинена пришлось поставить председателем ДРФ после того, как генсек финской компартии от такого предложения отказался. Потому-то в преддверии будущей войны и понадобились якобы независимые от Коминтерна компартии во всех подлежащих захвату странах. Только и всего.

В интервью Городецкий уверяет, что в его руки попали и протоколы того самого заседания Политбюро, на котором Сталин резко отверг планы Жукова и Тимошенко нанести по германской армии превентивный удар, а Тимошенко даже угрожал расстрелом. Если это правда — Суворову придется туго. Правда ли это? Зависит от источника, а источник здесь никакой не протокол заседания Политбюро, а переданная Городецкому Львом Безыменским записка, подписанная генералом Н. Пашенко, которому об этом заседании рассказал Тимошенко (стр. 341). Когда была составлена записка, что и когда рассказывал Тимошенко, рассказывал ли вообще — все под вопросом. Необходимо помнить только, что ответственность за катастрофу начала войны со Сталиным делили и начальник генштаба Жуков, и нарком обороны Тимошенко, и после смерти Сталина им приходилось оправдываться. Но как бы

там ни было, Городецкий или нетвердо помнит, что он в своей книге написал, или плохо понимает, что такое документ. Можно долго перечислять все несообразности этого сочинения — материала хватает, 350 страниц. Но остановимся только на одном рассуждении Городецкого — относительно речи Сталина перед выпускниками военных академий («академиками Красной армии», как называл их вождь) 5 мая 1940 года. Существует несколько версий этой речи. Городецкий долго думает, как эти версии примирить, и в конце концов приходит к сногшибательному выводу — Сталин, оказывается, в один день прочел три речи, перед тремя различными группами выпускников. Я, со своей стороны, могу дать небольшую справку: речь была одна, но состояла из двух частей. Первая часть была опубликована сразу, а вторая — секретная — никогда. Во второй части и содержались те самые знаменитые слова о том, что «Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне». А знаю я об этом от одного из присутствовавших «академиков» — моего отца.

Но Городецкому идеи о трех разных речах мало — ему кажется, что он самого Суворова за руку схватил. В интервью он так и говорит — фальсификация, из слова «контрнаступление» Суворов выбрасывает частицу «контр», и получается «наступление»!

А вот как он проводит эту мысль в книге (стр. 293): «...читатель должен обратить внимание на то, что Сталин несколько раз повторяет слово «наступление», означающее контрудар, т.е. противоположное «нападению», что

означало бы войну, начинаемую по собственной инициативе».

Для человека, знающего русский язык, здесь загадок нет: «наступление» — это наступление, «контрнаступление» — контрнаступление, а вот «нападение» — это не наступление. Нападают на нас (гитлеровская Германия, например), а мы — мы ни на кого не нападаем, мы — наступаем.

Так что не надо, русского языка не зная, о русском языке рассуждать. Даже если очень хочется.

Городецкий — Суворову не соперник. Он никому не соперник. Пишет о войне, не имея военного образования, об архивах, не читая... Что же заставило его взяться за это гиблое дело? Во-первых, конечно, приятно — те самые советские коллеги, которые раньше поворачивались к нему только спиной, теперь поворачиваются другим местом. Документы дают. А если не хотят давать, то говорят, что таких и вовсе нету. И как им не поверить? («Нет оснований не доверять Дмитрию Волкогону, который (...) удостоверяет, что (...) не было документов, свидетельствовавших о воинственных намерениях Сталина в отношении Германии» — стр. 18). Во-вторых, конечно, есть у Городецкого и собственный интерес — российскому историку Сталина защищать неудобно, а израильскому еврею — в самый раз. А кто он такой — не важно. Особенно если в доску свой.

«Суворов избрал интеллектуальный орган белоэмигрантов, чтобы начать крестовый поход против...» (стр. 7)

«Во время «холодной войны» было принято исходить из того, что Сталин последовательно проводил заидео-

логизированную политику, направленную на разжигание войны... Суворов, конечно, изучал (...) курс марксизма-ленинизма, и тем удивительнее ложная интерпретация им основных марксистских положений»... (стр. 61)

«Суворов (...) размахивает жупелом коммунизма (...); этим методом пользовались еще историки периода «холодной войны», пугая Запад...» (стр. 19)

Только в вечно мерзлом грунте социалистического Израиля и мог, пожалуй, еще сохраниться такой реликт»¹.

* * *

Если в сугубо научных дискуссиях концепция Суворова однозначно выстояла и серьезных альтернатив не имеет, то общественная позиция самого Суворова и его идей выглядит гораздо хуже. Только относительно небольшая часть постсоветского общества готова либо согласиться с ним, либо даже всерьез, без ажиотажа и всплесков ненависти рассматривать ее идеи.. Дело тут не в Суворове, а в хаосе, который оставила после себя советская власть в головах советского населения.

К тому же судьба автора концепции — беглого советского разведчика тоже не оставляла участников споров равнодушной. Для одних он — герой, для других — предатель, человек изменивший присяге, ренегат. Его противникам часто кажется, что, скомпрометировав Суворова лично, можно подорвать убедительность его исторических изысканий. Что скандальная идея, выказанная предателем-одиночкой, на которого к тому же

¹ Зеев Бар-Селла. Вечная мерзлота. «Вести», 02.03 — 08.03, 1995. с.8-9.

ополчились и общественность, и научный мир, по определению не может не быть курьезом. Таким образом судьба исторической концепции и судьба ее автора в общественном сознании оказались тесно связанными и часто воспринимаются в равной степени экзотическими.

В общественных дискуссиях научный вес аргументов не играет почти никакой роли. Ключевую роль играет идеологическая сторона. Чисто советский тезис о том, что советский народ вынес невыносимые беды и катастрофы только ради того, чтобы спасти мир от фашизма, до сих пор сидит глубоко в подсознании бывшего советского населения. Этот тезис для многих единственное оставшееся моральное оправдание всей их жизни и основа самоуважения. Сознание изо всех сил сопротивляется мысли, что все было не так. Что жизнь советских людей, переживших сталинскую эпоху, моральных оправданий вообще не имеет. Что ее остается только стыдиться, как стыдятся немцы четырнадцать лет нацистского правления.

Суворов не пишет этого напрямую, но иного вывода из его концепции советской истории сделать невозможно. А желающих любой ценой защитить свое прошлое и свое достоинство всегда гораздо больше, чем желающих добровольно обсуждать свою возможную ответственность за соучастие в преступлениях. За общественным возмущением книгами Суворова стоит совершенно естественный инстинкт морального самосохранения. Иногда такое возмущение принимает форму квазинаучных публикаций, но характер аргументации мгновенно выдает действительные их мотивы

Характерным примером такого подхода может слу-

жить один из первых откликов на книги Суворова — статья доктора исторических наук, профессора Арона Черняка «Глазами участника и историка», опубликованная в 1994 году в № 93 израильского журнала «Двадцать два», вскоре после выхода двух первых книг Суворова на русском языке. Профессор Черняк — специалист по истории артиллерии и военной промышленности, фронтовик, прошедший всю войну с начала до конца. Логика и методика спора Черняка типична для множества дискуссий, будоражащих постсоветскую общественность уже больше 10 лет.

Черняк не согласен с Суворовым категорически, полагает его теорию недоказанной и ненаучной, а сами книги — образцом мистификации. И первое, что возмущает Черняка, — это терминология Суворова, который считает «Великую Отечественную войну» лишь эпизодом Второй мировой войны, агрессивно начатой СССР в 1939 году.

Черняк пишет: «...если автор говорит о том, что он разрушает «память о справедливой войне», «освободительной», то какова же она в глазах Суворова? Понятно — несправедливая, неосвободительная, захватническая. Но тут же встает сакраментальный, быть может, самый главный вопрос: кто же тогда десятки миллионов, погибших на фронтах, в тылу, фашистских концлагерях, — как их теперь называть? Защитниками своей Родины или захватчиками? Героями или преступниками?.. Что за захватническая война, которая начинается с сильно затянувшегося оборонительного периода? Как это захватчик обороняется от обороняющегося противника?.. Рассуждения Суворова о характере Великой Отечественной войны — это образец нравственного абсурда, и они делают его кни-

ги глубоко безнравственными — от этого вывода уйти никуда нельзя»¹.

Стоп, а при чем здесь Суворов? Разве Суворов впервые рассказал нам, что СССР начал Вторую мировую войну одновременно с Третьим Рейхом нападением на Польшу, Финляндию и Прибалтику и что этому предшествовал пакт, поделивший весь мир на сферы влияния Германии и СССР? Что СССР насильственно установил коммунистические режимы в оккупированных им странах восточной Европы и поддерживал их существование с помощью Советской Армии, периодически устраивая вооруженные интервенции вплоть до 1990 года? Если профессор Черняк услышал об этом не впервые, то его рассуждения о безнравственности книг Суворова — чистой воды демагогия.

Апелляция к нравственности немедленно превращает дискуссию из научной в идеологическую и высвечивает главную проблему, созданную книгами Суворова сразу для нескольких поколений советских людей.

Воспоминания о благородной роли советского народа в мировой войне — единственное светлое пятно в истории СССР. Единственный раз за 70 лет советским людям разрешили сопротивляться врагу и ненавидеть его. До и после войны потери населения тоже исчислялись миллионами, но убийца в лице органов и партии подоженно было любить. А тут впервые налицо оказался реальный, не придуманный враг, чужой и жестокий, ненависть к которому не нужно было в себе давить. Светлая идея

¹ Черняк Арон «Глазами участника и историка», «Двадцать два», 93/1994, с. 211 — 223.

победы над фашизмом косвенно оправдывала все — все потери, военные, довоенные и послевоенные, рабский труд, нищету, ГУЛАГ. Поэтому отказаться от нее оказалось психологически гораздо труднее, чем распротиться с самой коммунистической идеологией.

Теория Суворова — будь она доказана — лишает массу людей нравственного оправдания тягот собственной жизни. Если он прав, то они — не спасители мира от фашизма, а агрессоры. То, что советский народ уже был к тому моменту агрессором по отношению к Польше, Финляндии и Прибалтике, в сознании обычно не откладывается,

Риторический вопрос — кто были советские люди в войне, защитники или захватчики? — лишен смысла. Были последовательно и теми, и другими.

Можно было бы задать более разумный вопрос: были ли они антифашистами? Антифашизм определяется не просто позицией в драке, это образ мышления, неприятие государственных режимов фашистского типа. То есть, антифашизм — это борьба за демократию, а не наоборот. Красная Армия была сталинистской и поэтому антифашистской быть, по определению, не могла. Политические цели у советского правительства, а следовательно, у Красной Армии, были преступными независимо от того, нападала она, оборонялась или мирно выжидала удобного момента. Цель была: установить коммунистический режим насильственным путем там, куда удастся дотянуться. Вторгалась в Польшу и Прибалтику, оборонялась от Германии, давила сопротивление в восточноевропейских странах, подавляла восстание в Венгрии одна и та же армия, буквально одни и те же люди.

Владимир Резун, суворовец Воронежского суворовского
военного училища, 1960 г.

2-й взвод 6-й роты Калининского суворовского военного
училища. В первом ряду третий справа Владимир Резун,
1964 г.

Владимир Резун,
третий курс
Киевского высшего
общевойскового
командного дважды
Краснознаменного
училища им Фрунзе,
1966 г.

Владимир Резун,
66-я
мотострелковая
дивизия
Прикарпатского
военного округа,
1969 г.

Татьяна и Владимир Резуны, Разведотдел штаба
Приволжского военного округа, 1971 г.

Владимир Резун,
последняя
фотография в
погонах, сделанная
в здании ЦК КПСС,
Москва, Старая
площадь,
6-й подъезд, 1971 г.

Татьяна Резун,
1971 г.

Владимир Резун вскоре после побега.
Великобритания, 1978 г.

Татьяна с детьми Натальей и Александром. Майорка, 1984 г.

Татьяна, 1996 г.

Наталья и Александр, 1998 г.

УЧАСТНИКУ ВОЕННОГО ПАРАДА
НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ МОСКВЫ

Суворовичу

Розуе Владимировне

За успешное выполнение почетного правительственного задания — участие в военном параде на Красной площади Москвы, посвященном Дню международной солидарности трудящихся 1 Мая, Министром обороны Союза ССР Вам объявлена благодарность.

Выражаю уверенность, что Вы всегда будете честно и добросовестно выполнять свой воинский долг перед Советской Родиной.

Полковник Губина
Командир части
генерал-майор

« 10 » мая 1964 года

Б. Кошаров

Диплом с отличием Киевского высшего общевойскового командного дважды Краснознаменного училища им. Фрунзе, 1968 г.

Диплом Академии Советской Армии (Военно-дипломатической Академии), 1974 г.

ВЫПИСКА

из экзаменационных ведомостей к диплому № 631534

Розин Владимир Григорьевич

за время пребывания в Киевском высшем общевойсковом командном дважды Краснознаменном училище имени М. В. Фрунзе с 1965 по 1968 сдал экзамены и зачеты по следующим дисциплинам:

1. Оружие массового поражения и защита от него	<u>отлично</u>	14. Партиполитработа	<u>отлично</u>
2. Военно-инженерная подготовка	<u>отлично</u>	15. Общая физика и основы ядерной физики	<u>хорошо</u>
3. Связь	<u>отлично</u>	16. Общая химия	<u>отлично</u>
4. Танковая техническая подготовка	<u>отлично</u>	17. Элементарная математика и методика ее преподавания	_____
5. Автомобильная подготовка	<u>отлично</u>	18. Электроника и электрорадио-техника	<u>зачтено</u>
6. Строевая подготовка	<u>отлично</u>	19. Военная психология	<u>зачтено</u>
7. Уставы Вооруженных Сил СССР	<u>отлично</u>	20. Военная педагогика	<u>зачтено</u>
8. Военная топография	<u>отлично</u>	21. Теоретическая механика	<u>зачтено</u>
9. История военного искусства	<u>отлично</u>	22. Иностранный язык	<u>хорошо</u>
10. Стажировка	<u>отлично</u>	23. Военная администрация	_____
11. Политикономия	<u>отлично</u>	24. _____	_____
12. История КПСС	<u>отлично</u>	25. _____	_____
13. Марксистско-ленинская философия	<u>отлично</u>		

Государственные экзамены

1. Основы научного коммунизма	<u>отлично</u>
2. Тактическая подготовка	<u>отлично</u>
3. Огневая подготовка	<u>отлично</u>
4. Высшая математика	<u>отлично</u>
5. Физическая подготовка	<u>отлично</u>

Начальник учебного отдела
училища

8 января
г. Киев

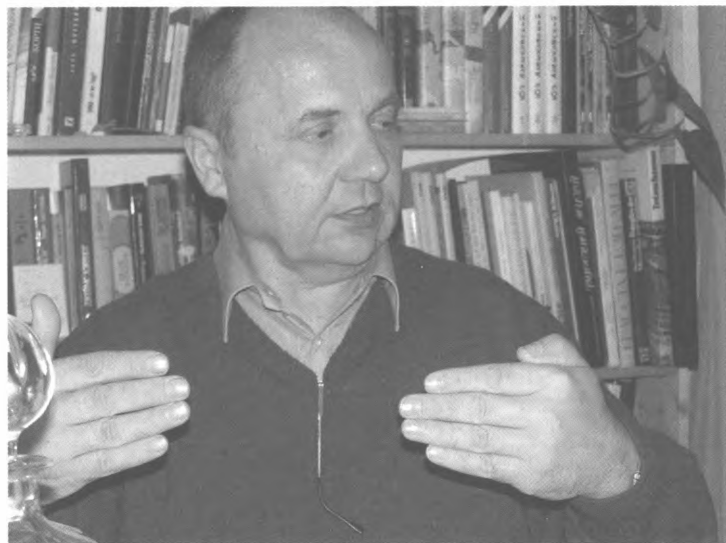
(Гогорьев)

22 июля 1968 г.

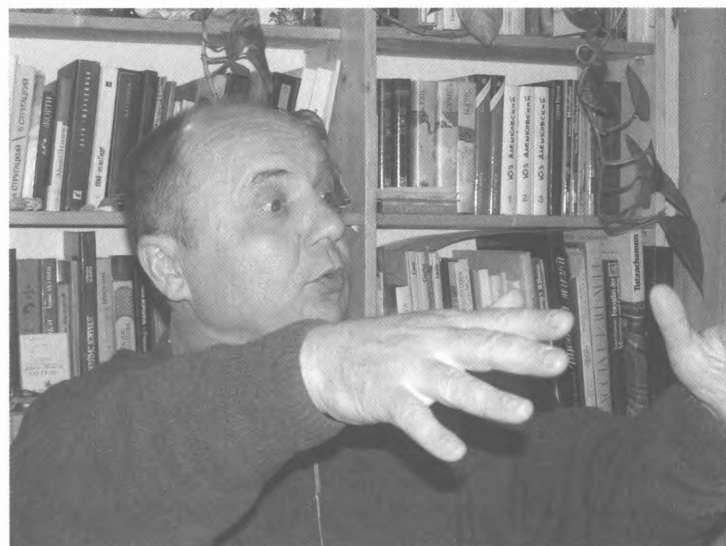
Регистрационный № 4202

Г-175768 Тт. КРОККУ Заг 136

Выписка из экзаменационных ведомостей к диплому
Киевского высшего общевойскового командного дважды
Краснознаменного училища им. Фрунзе, 1968 г.

Виктор Суворов рассказывает

Виктор Суворов рассказывает

За нашу Советскую Родину!

Краткий русско-немецкий военный разговорник.

Русский текст составлен начальником Военного факультета западных иностранных языков, генерал-майором т. Биязи. Разговорник имеет целью помочь бойцу и младшему командиру Красной Армии усвоить немецкие слова и выражения.

Под наблюдением редактора А. В. Любарского

Подписано к печати 29.5.41.

Г584.

Объем 3 $\frac{1}{2}$ л. л., 2 ест. л., в п. л. 57344 тираж. экз. 289

1 я тип. Управления Военного изд-ва НКО им. С. К. Тимошенко
Москва, ул. Сиворова-Степанова, д. 3

Вторая страница обложки Краткого русско-немецкого
военного разговорника, 1941 г.

Где кузнец?	Во йст дэр шмйт?	Wo ist der Schmied?
Собрать и доставить сюда, (столько-то) лошадей (голов скота); будет заплачено!	Цузамнбриинг унт Жэрбайшафн... пфэрдэ (...копф ринтфй); вирт бэ-цальт!	Zusammenbringen und herbeischaffen... Pferde (...Kopf Rindvieh); wird bezahlt!
Где бензин?	Во йст брэнштёф (бэнцин)?	Wo ist Brennstoff (Benzin)?
Где гараж?	Во йст дэр аутошупп?	Wo ist der Autoschuppen?
Сколько машин?	Вйфйль вагн?	Wieviel Wagen?
Где полиция?	Во йст ди полицай?	Wo ist die Polizei?
Где бургомистр?	Во йст дэр бйргэр-майстэр?	Wo ist der Bürgermeister?

Следующая претензия Черняка к Суворову — методологическая. Он полагает, что раз Суворов сам заявил, что почти не использует архивных материалов, а пользуется в основном открытыми советскими материалами, то его книги ненаучны. В доказательство перечисляет несколько не использованных Суворовым известных зарубежных изданий о Второй мировой войне.

Аргумент этот имеет смысл только в том случае, если удалось доказать, что использованных автором материалов недостаточно для доказательств его теории, а самому критику известны архивные материалы, этой теории противоречащие.

Ничего подобного мы здесь не видим. Основную массу приведенных фактов Черняк просто не замечает, а собственных источников также не цитирует. Его рассуждения носят привычно общий характер и, как правило, были уже приведены, разобраны и опровергнуты Суворовым в его книгах, чего Черняк тоже как бы не замечает.

Архивы Генерального штаба — единственное место, где Суворов мог бы найти письменные доказательства своей теории, — ему и его сторонникам недоступны. Впрочем, и его противники только там могут найти аргументы в свою пользу. Могут, но почему-то не находят, хотя сами архивы находятся практически в их руках.

Конечно, Суворов не может предъявить собственноручных приказов Сталина или Жукова о подготовке агрессии, но он анализирует сам процесс подготовки. И это оказывается совсем не сложно. Процесс налицо, и доказательств в избытке. Как раз основной блок суворовской аргументации — ключевые доказательства подготовки Красной Армии к нападению на Германию

весной 1941 года — его противники не пытаются оспаривать.

Цепляются к мелочам, и, как правило, очень неудачно. Скажем, Черняк полагает, что если бы план нападения на Германию существовал, то «...командиры дивизий, корпусов, армий и фронтов, а также командующие флотами и руководители военной промышленности... обязаны были бы знать об этом плане в деталях, принимать активное участие в подготовке, иначе план был бы обречен на неудачу. Отсюда вывод: сохранить в тайне план развязывания Второй мировой войны невозможно; значит, такого плана не существовало».

Очень неубедительно. Во-первых, с какой стати командиры всех уровней обязаны были знать абсолютно секретный стратегический план во всех деталях? Это все равно, что рассказать о нем журналистам.

Полностью в план нападения на Германию могли быть посвящены всего несколько главных разработчиков во главе со Сталиным, Жуковым и Шапошниковым. До нижестоящих командиров план доводился в виде конкретных приказов о передислокации и т.п. Тем не менее многим было ясно по характеру этих приказов, что речь идет отнюдь не об учениях. Суворов приводит массу примеров того, что, отправляясь якобы на маневры весной и летом 1941 года, офицеры догадывались, что предстоит война. И уж никак не оборонительная. Я позволю себе повторить только одну цитату, слова генерал-лейтенанта Телегина: «Поскольку предполагалось, что война будет вестись на территории противника, находившиеся в предвоенное время в пределах округа склады с мобилизационными запасами вооружения, имущества и боеприпа-

сов были передислоцированы в приграничные военные округа».

Забавно и характерно, что, судя по приведенным выше словам Черняка про «план развязывания Второй мировой войны», он считает началом Второй мировой войны нападение Германии на СССР, а не Германии и СССР на Польшу. Для советского историка это естественно, для нормального — странно.

Критике конкретных аргументов Суворова профессор Черняк уделяет крайне мало места, и она какая-то странная. Вот Суворов пишет о том, что до войны советское танкостроение ориентировалось в основном на выпуск легких быстроходных танков БТ. Это был танк-агрессор, рассчитанный на стремительные прорывы по хорошим дорогам, которые тогда были только в Германии.

Черняк возражает: «...эту цель можно было осуществить с одним условием: если по БТ никто стрелять не будет. Максимальная толщина его брони составляла 20 мм, то есть пробивалась крупнокалиберным пулеметом». Но если для прорывов в тылы противника БТ, по мнению авторитетного критика, не годился, то для обороны тем более, тут броня еще важнее. Для чего же его вообще выпускали?

То же и с авиацией. Суворов приводит массу убедительных фактов о том, что перед войной упор был сделан на наступательную бомбардировочную авиацию, которая вся оказалась сосредоточена у самых границ с Германией, что разумно только при наступлении и самоубийственно при обороне. Он описывает гигантские масштабы подготовки военных летчиков в два предвоенных года. Их было так много, что им перестали присваивать офицерские звания, а сроки обучения сократили с трех лет

до девяти, шести и даже четырех месяцев. То есть выпускали недоучек, способных только взлететь, отбомбиться и вернуться на аэродром. Вести воздушные бои их не учили, так как советская военная доктрина предполагала, что авиация противника будет в начале войны подавлена на аэродромах.

Критик удивляется последнему факту, а возражает так: «...большинство самолетов были устарелыми. С 1939 года по 22 июня 1941 года армия получила 17 745 самолетов, но из них новых типов... — около 20 процентов». Возможно, но каких типов? Прав Суворов или нет? Неясно.

Суворов пишет о формировании в СССР перед войной с Германией 10 воздушно-десантных корпусов, что служит явным доказательством агрессивных военных планов. Черняк возражает: «Такие корпуса могли служить и средством сдерживания напавшего противника».

А зачем сдерживать именно таким образом? Кстати, Суворов и пишет о превращении после нападения немцев уцелевших десантных частей в обычные пехотные. Опять Суворов логичнее.

Совершенно неясно, что дало профессору Черняку право с такой уверенностью заявить в завершение статьи, что книги Суворова «...не выдерживают квалифицированной критики» и являются «образцом мистификации». Доказать это ему не удалось. Как, впрочем, и никому больше.

Чтобы судить о добросовестности научной дискуссии, не обязательно быть специалистом в данной области. У меня есть любимая книга «Стенограмма заседания августовской сессии ВАСХНИИЛ 1949 года». Это когда в СССР надолго покончили с генетикой. Партия сказала тогда свое слово только в последний день заседания. А первые три дня «менделисты-морганисты» всю и в открытую

рубилась с лысенковцами. И не нужно было быть биологом, чтобы просто по характеру аргументов и методике спора определить, кто добросовестен, а кто нет. Кто апеллирует к науке, а кто защищает «политически верную концепцию». Здесь ситуация похожа.

Ущербоность позиции подобных критиков Суворова не только в слабости контраргументов, но и в отсутствии альтернативной концепции.

Предположим, что Суворов не прав и Сталин не собирался нападать на Германию в июле 1941 года. Тогда возможны три варианта:

1. Сталин собирался напасть позже, например в 1942 году.

2. Сталин не собирался нападать вообще и готовился только к обороне.

3. Сталин поверил Гитлеру и ни к обороне, ни тем более к нападению не готовился, а занимался другими проблемами.

Первую версию Суворов подробно разобрал в «Ледоколе» и аргументировано отверг.

Доказательств того, что Сталин в 1941 году был озабочен оборонительными мероприятиями, до сих пор обнаружено никаких. Видимо, их не существует в природе. Версию о полной незаинтересованности Сталина в военных проблемах можно не рассматривать за бессмысленностью.

Две последние версии в разных сочетаниях нам настойчиво внушались последние тридцать лет. Они были удобны, так как политически безболезненно объясняли катастрофу 1941 года. Но опирались в основном на веру советского человека в истинность печатного слова. Этот эффект срабатывал, на удивление, долго. Но теперь, ког-

да Суворов создал и аргументировал свою концепцию, от его противников тоже потребовались аргументы. Оказалось, что нет не только контраргументов, но и самой контрконцепции.

То есть на вопрос, а чем собственно занимался Сталин в предвоенное время, если не подготовкой нападения на Гитлера и Европу, ответа нет. Никакого. Вместо этого — яростное цепляние за второстепенные детали и обрывки прежней идеологии.

Профессор Черняк сквозь зубы признает теоретическую возможность нападения Сталина на Гитлера когда-нибудь, но при этом не утверждает, что подготовка к этому велась. Не утверждает он также, что она и не велась. Он утверждает, что СССР к войне был не готов из-за репрессий против военных в конце тридцатых годов. Привычный аргумент, но неубедительный: если репрессии не помешали Сталину выиграть войну после страшного поражения 1941 года, то тем более не помешали бы победить в гораздо более благоприятных условиях — при внезапном нападении на Германию.

Каковы были действительные планы Сталина и к чему в конце тридцатых годов готовился СССР — к войне, к обороне или ни к чему не готовился — этого профессор Черняк не объясняет. Что не мешает ему с уверенностью заявить: «...Суворов не понял в Сталине главного: не подлинные интересы страны, а животный страх за свою власть руководил им. Сталин неплохо знал историю и очень боялся Гитлера: понимал, что начать неподготовленную войну с ним смертельно опасно...»

Того, что Сталин руководствовался «подлинными ин-

тересами страны», Суворов не утверждал. Наоборот, утверждал обратное: Сталин всегда руководствовался только собственными людоедскими интересами. Интересно другое — откуда взялся миф о патологическом страхе Сталина перед Гитлером, страхе, помешавшем ему даже организовать оборону? Исторических свидетельств этому не существует.

Статья Черняка — это типичный пример псевдонаучной, а по существу идеологической, чисто советской критики книг Суворова. Материалов такого типа можно найти в изобилии в прессе, а еще больше — в Интернете. Будучи редактором исторического отдела крупной газеты, я получал их кипами. Как правило, авторы таких статей — люди старшего поколения, военного или послевоенного, часто с научными степенями. Движет ими не научный интерес, а оскорбленное патриотическое чувство.

* * *

Очень резко против книг Суворова выступил писатель Георгий Владимов, сам автор замечательных книг, в том числе и о войне. Владимов опубликовал в газете «Московские новости» (№ 5, 1999) статью «Была ли та война Отечественной?». Раздражение писателя вызвал не столько сам Суворов, сколько полученная им от других поддержка. В частности, историк Юрий Каграманов, который в большой статье о советском внешнеполитическом мышлении, опубликованной в журнале «Континент»¹, использовал выводы Су-

¹ Юрий Каграманов. «...И разбросайте плоды его», «Континент» №97, 1998.

ворова об агрессивных мотивах вступления СССР во Вторую мировую войну как несомненные и доказанные. Владимов считает теорию Суворова курьезом и на двух газетных полосах опровергает ее. Занятие довольно опасное.

Для того, чтобы опровергнуть Суворова, нужно либо доказать, что его сведения неверны, либо что неверен анализ. И в любом случае следует привести доказательства того, что в 1941 году СССР готовился не к агрессии, а к обороне. Владимов затрагивает только некоторые выводы Суворова, далеко не ключевые. Вглядимся в аргументы.

На довольно второстепенное замечание Суворова о том, что, готовясь к обороне, не стоило переходить в 1940 году Неман, обороняться лучше за водной преградой, Владимов отвечает: формально да, но бывают исключения. И долго рассказывает, как под Сталинградом советские войска оборонялись, имея за спиной Волгу, и победили. Все.

Не читавшие Суворова остаются в убеждении, что этот эпизод с Неманом был единственным его аргументом. На нарисованную Суворовым в двух книгах картину многоступенчатой подготовки к нападению — гигантскую концентрацию живой силы, танков и военных аэродромов прямо на границе, подготовку плацдармов для нападения на румынские нефтепромыслы и занятую немцами часть Польши, срочное формирование воздушно-десантных корпусов, передислокацию в приграничную зону военных складов, и т.д. и т.п. — Владимов просто не реагирует. Как будто не читал.

Строительство перед войной легких танков БТ, которые могли сбрасывать гусеницы и мчаться на коле-

сах по автострадам, имевшимся тогда только в западной Европе (по Суворову — доказательство агрессивных намерений), Владимов объясняет просто — «обезьянничанье». Дескать, придумал эти танки американец, а «мы у него слизывали, переняли и нежную заботу о европейском асфальте». Довольно странный и обидный для советских инженеров и специалистов из Генерального штаба упрек в идиотизме. Почему-то за эти злосчастные автострадные танки чаще всего безуспешно цепляются критики Суворова из числа возмущенной общественности. Аргумент, конечно, любопытный и убедительный, но совершенно не ключевой.

Бомбардировочную авиацию дальнего действия Владимов не считает оружием наступательным и приводит пример, когда советские войска в начале войны отступали, а прорвавшиеся бомбардировщики внезапно отбомбились в Берлине. Действительно, был такой героический и не имевший никакого значения для обороны случай. Правильное применение дальних бомбардировщиков продемонстрировали в конце войны американцы и англичане, снеся с лица земли многие немецкие города.

Владимов считает, что оружие, в принципе, на наступательное и оборонительное не делится: «в сущности, всякое оружие универсально — и значит, безразлично к версии Суворова». Конечно, можно микроскопом орехи колоть, но вряд ли это признак универсальности микроскопа. Логика вызывающе непрофессиональная.

Гигантское превосходство СССР в самолетах Владимов считает фактором несущественным и не говорящим

об агрессивности советских намерений: «Если немецкий пилот за войну сбивает 352 самолета, а наш самый успешный трижды герой — 62, будем ли сравнивать, у кого их больше, у кого они лучше?» Конечно, будем, если не решим, что Сталин сознательно планировал массовую гибель самолетов при обороне.

Как и многие другие критики Суворова, Владимов почему-то считает отсутствие официального приказа о подготовке нападения на Германию доказательством неагрессивных намерений Сталина. Отсутствие документов, подтверждающих подготовку страны к обороне, критика, однако, не смущает. А аргументов в пользу массовой подготовки к нападению, которые Суворов приводит в избытке, Владимов даже не упоминает.

Владимов утверждает, что Сталин даже если и хотел, то не мог бы напасть на Германию раньше 1945 года. Почему? Из-за террора в армии в 1938 году! Суворов этой проблеме посвятил целую книгу, ни одного аргумента из которой Владимов не упоминает и не опровергает.

Владимов повторяет старый советских тезис — о том, что война с «малонаселенной Финляндией» показала слабость Красной Армии, никак не объясняя, почему не прав Суворов, развернуто доказывавший обратное. Критикой такую критику назвать трудно.

Самое интересное в статье Владимова — это его оценка предвоенных советских стихов и песен. Он начисто отказывает им в воинственности и агрессивности:

«... «Чужой земли мы не хотим не пяди, но и своей вершка не отдадим». Катюша о чем просит своего «сизого орла»? «Пусть он землю бережет родную». А что у нас в пропеллерах дышит? «Спокойствие наших границ». А как

там наша броня? «Броня крепка и танки наши быстры», так что «заводов труд и труд колхозных пашен мы защитим». Если и слышится угроза, то это «если в край наш спокойный хлынут новые войны» — ну, тогда мы «песню споем боевую», и то — оборонного свойства: «встанем грудью за Родину свою». Так — не готовят нацию к вторжению в чужеземье».

Увы, именно так и готовят. Напрасно Владимов полагает, что если бы готовили к агрессии, то призывали бы в песнях: «давайте захватим чужую территорию и поработим соседние народы». Опять — необоснованное подозрение Сталина в идиотизме. Это же был очевидный пропагандистский принцип — чтобы поднять на агрессию, нужно призывать к защите. И в песнях, и в речах.

Семнадцатого сентября тридцать девятого года, в день нападения на Польшу, Молотов призвал советских солдат защитить единокровных братьев — западных украинцев и белорусов. Когда в сороковом отнимали у Румынии Бессарабию, то защищали страдавших под чужеземным игом братьев-молдаван. От агрессивной Финляндии тоже только защищались. Песни и стихи сработали великолепно. За полтора года после пакта Молотов—Риббентроп. СССР успел напасть на всех своих европейских соседей и оккупировать территории с населением 23 миллиона человек. Советские люди, между тем, и через пятьдесят лет после победы в большинстве уверены, что вступили во Вторую мировую войну 22 июня 1941 года. Для советских военных историков-генштабистов такая позиция естественна. То, что ее разделял Георгий Владимов, серьезный писатель и последовательный диссидент, — удивительно.

Такого рода претензии к теории Суворова только внеш-

не выглядят как исторические дискуссии. Как правило, за ними скрывается моральный конфликт. Идет борьба не за историческую правду, а за право на историческую гордость. Владимов сформулировал это четко: «оставим наших ветеранов при сознании, что они защитили родину, а не сумасбродный замысел своего правителя».

Можно оставить. Можно и дальше говорить о войнах Красной Армии, как о бескорыстных освободителях. Для этого придется забыть о бесчисленных агрессиях и преступлениях против человечности, совершенных Красной Армией и советским режимом. О расстреле 24 000 польских офицеров в «мирное» лето сорокового года, о диком политическом терроре на освобожденных от немцев территориях, о Заксенхаузене, превращенном в часть ГУЛАГа, о людоедских режимах в восточноевропейских странах. О Ким Ир Сене, Мао Дзе Дуне и Берлинской стене. Придется врать дальше.

Проблема в том, что Владимов и его единомышленники призывают обманывать не только стариков-фронтовиков из сострадания, а всех вообще из патриотизма. Душевного благородства в этом, к сожалению, нет никакого.

Еще одну статью против Суворова Георгий Владимов опубликовал в 1999 году в газете «Русская мысль»¹. Опять Владимова больше, чем сам Суворов, раздражают его единомышленники, в частности Анатолий Копейкин, Тимур Мурзаев и автор этих строк, выступившие в той же «Русской мысли» в поддержку Суворова. Суворова и «суворовцев» писатель считает профессиональными еретика-

¹ Г. Владимов. «Кушают ли лошади овес?», «РМ», №4279, 1999.

ми, из чистого азарта ставящими вверх ногами давно устоявшиеся истины — «Каспийское море впадает в Волгу, овес кушает лошадей — вот истинный Суворов».

К тому же они еще и молодые циники — «не размякнут перед обидой участника ВОВ, когда ему доказывают, что не родину он защитил, а преступный агрессивный замысел».

Последний упрек — мне персонально. Отвечаю — размякну. Очень жалко несчастных обманутых людей. Но и размякнув, не смогу считать «участника ВОВ», подавлявшего танками парламентское движение в оккупированной восточной Европе, антифашистом и освободителем. Потому что взгляд на такие вещи определяется не возрастом и чувствительностью, а совестью и здравым смыслом. Потому что знаю, что очень немногие «участники ВОВ» размякли бы перед обидой узников Заксенхаузена 1945—1950 годов. Или перед обидой сотен тысяч собственных соотечественников из перемещенных лиц, с их помощью отправленных в ГУЛАГ в 1945-м. От этого их еще больше жалко.

До Владимова против Суворова не менее эмоционально, но не более убедительно выступил Наум Коржавин¹. Советский военный патриотизм у фронтовиков-диссидентов иногда странным образом соседствует с сознательным антисоветизмом. Но не у всех.

На риторический вопрос Владимова «Была ли та война Отечественной?» еще в 1981 году ответил Виктор Некрасов: «...«За правое дело!» Так называлась книга боль-

¹ Наум Коржавин. «О Сталине мудром...», «Континент» №93, 1998. См. также: Анатолий Копейкин. «Еще раз о технической оснащённости Красной Армии на 1941 год», «Русская мысль» №4208, 1998.

шого русского писателя Василия Гроссмана... Проснись он сейчас, Василий Семенович, мурашки пошли б у него по телу от одного этого названия. Он умный, даже мудрый, много знавший, чего не знали мы, предельно правдивый, даже он считал, что мы воевали тогда за правое дело. Враг будет разбит! Победа будет за нами! Но дело наше оказалось неправое. В этом трагедия моего поколения. И моя в том числе...»

Булат Окуджава, тоже, как хорошо известно, фронтовик, сказал в интервью «Литературной газете»: «Суворова прочитал с интересом... Мне трудно усомниться в том, что мы тоже готовились к захватническому маршу, просто нас опередили, и мы вынуждены были встать на защиту своей страны»¹.

Юрий Нагибин в романе «Свет в конце туннеля» писал: «Он (Сталин. — Д.Х.) просчитался с Гитлером не потому, что свято верил ему или был по уши влюблен, — это годится для сатиры, гротеска (Гитлер, конечно, импонировал ему, как и он Гитлеру), а потому, что случай нарушил точный расчет. Все было сделано безукоризненно: он запудрил мозги Адольфу договором о дружбе, дележом Польши, всемерной помощью сражающемуся рейху, одновременно заказал нашей промышленности танки на резиновом ходу — для гладких европейских дорог и самолеты-штурмовики без заднего прикрытия — все только на атаку, на мгновенный сокрушительный удар. Раздавить Гитлера и пройти, как нагретый нож сквозь масло, уже распотрошенную его временным другом и союзником Европу — вот в чем со-

¹ «Литературная газета», 11.05.94.

стоял сталинский план. Ему не хватило какого-то темпа, Гитлер опередил его себе на погибель»¹.

«Стратегия наших военачальников сводилась к забиванию немецких стволов русским мясом. Жуков был просто мясником. Рухнула под ударами англо-американских бомбовозов немецкая оборонная промышленность, и немцы сдались. А пока этого не случилось, на авансцене битвы народов кривлялись двое отвратительных, кровавых и пошлых фигляров: Гитлер и Сталин. Им подыгрывали на вторых ролях два прожженных политика: Черчилль и Рузвельт. И все время шел какой-то омерзительный торг на крови, на жизнях тех, кто еще уцелел, делили земли, народы, вели новые пограничные линии по человеческим сердцам, и все гуще валил дым из газовых печей. А потом оказалось, что спор шел не между фашизмом и всем остальным человечеством, а между двумя фашистскими системами. Фашизм был побежден, фашизм победил»².

Юрий Нагибин писал под явным влиянием книг Суворова, это видно из упоминания танков на резиновом ходу. Но дело тут опять же не в убедительности аргументации Суворова, а в способе исторического мышления. «Фашизм победил» Нагибина не совместим с призывом Владимирова оставить ветеранов-фронтовиков в сознании своей правоты. Это не научный, не исторический конфликт, а идеологический. Фронтвик Нагибин на 11 лет старше диссидента Владимирова, но освободиться от штампов советского воспитания ему, как и Окуджаве, Виктору

¹ Юрий Нагибин. «Тьма в конце туннеля». — М., 1994 г., С. 86.

² Там же, С. 274.

Некрасову и прочим — немногим! — фронтовикам оказалось легче.

Этот конфликт не решаем научными аргументами. Те, кто не хочет их видеть, — не видят.

Доказательств того, что СССР в конце тридцатых вообще, а в 1941 году в частности усиленно готовился к агрессивной войне, вокруг нас полно и без сутубо научных военно-исторических исследований. Эта подготовка ведь касалась не только армии, а всей жизни бесправного населения до предела милитаризованной страны.

Вот один пример. Когда мне в начале 90-х первый раз попался в руки «Ледокол» Суворова, наполненный ссылками на мемуары фронтовиков, то первая мысль была — а где еще можно найти такие свидетельства? В советское время практически не издавались добросовестные воспоминания о предвоенном времени, а среди относительно добросовестных самой известной (если не единственной) была книга Ильи Эренбурга «Люди, годы жизнь». Открываю четвертую часть, относящуюся к весне 1941 года, и глазам своим не верю.

24 апреля 1941 года Эренбургу звонит Сталин. Хвалит первую, опубликованную часть его романа «Падение Парижа» и осведомляется, не собирается ли Эренбург показать в книге немецких фашистов. Да, отвечает Эренбург, собирается, но боится, что цензура не пропустит. Сталин шутит: «А вы пишете, мы с вами постараемся протолкнуть...»

На вопросы родных о разговоре мрачный Эренбург отвечает: «Скоро война...» И добавляет: «...я сразу понял, что дело не в литературе, Сталин знает, что о таком звонке будут говорить повсюду, — хотел предупредить».

Итак, в апреле 1941-го Сталин лично сообщил Эрен-

бургу, что собирается напасть на Германию и ему понадобится пропагандистский материал. И даже срок указал, месяца через три — столько приблизительно времени требуется на подготовку к изданию и выпуск книги. А лично позвонил для убедительности — посреднику осторожный Эренбург мог бы и не поверить, решить, что провокация. То, что речь идет о нападении, — однозначно. Иного варианта советская военная доктрина тех лет не допускала.

И мрачность Эренбурга понятна. Наверное, после 22 июня он, несмотря на катастрофичность ситуации, вздохнул с облегчением. Так и не пришлось ему стать трубадуром агрессии. Бог миловал. Все-таки обличать агрессоров порядочному человеку психологически легче.

Главное, весной 1941 года Эренбург все знал. И знание свое пронес через всю жизнь, ни с кем напрямую не поделившись. А может, надеялся, что вдумчивому читателю и написанного достаточно, чтобы догадаться. Как выяснилось, зря надеялся.

Надо полагать, людей, знавших или догадывавшихся, как Эренбург, о ближайшем запланированном будущем, было предостаточно. Но после войны, начавшейся и закончившейся вопреки этим планам, вспоминать о них было очень не с руки, да и весьма опасно для жизни.

Одним из таких осведомленных людей, несомненно, был писатель Всеволод Вишневский, автор знаменитой пьесы «Оптимистическая трагедия» и сценария фильма «Мы из Кронштадта». Он принадлежал с самой верхушке сталинской интеллектуальной элиты. До войны он был главным редактором журнала «Знамя», возглавлял Оборонную комиссию Союза писателей, присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной Армии, на просмотрах зарубежных во-

енных фильмов. Он бывал на приемах у высших советских сановников и сам был высоким сановником, одним из тех, кто отвечал за военную пропаганду в СССР. Естественно, что Вишне夫斯基 входил в узкий круг наиболее информированных людей в государстве.

В мае 1995 года журнал «Москва» опубликовал выдержки из дневников Всеволода Вишневского за 1939—1941 года, подготовленные к печати историком В. Невежиным.

Эти дневники — необыкновенно важный исторический документ. Они полностью подтверждают версию о том, что в конце тридцатых годов Сталин готовил нападение на Германию и Европу. Для посвященного в нюансы советской политической кухни Вишневского нет сомнений в том, каков действительный смысл пакта «Молотов—Риббентроп» для советской стороны. Это способ взорвать мир в Европе, сравить европейские страны в долгой выматывающей войне и в нужный момент вмешаться — «ударить Гитлеру по затылку». Вишне夫斯基 с восторгом ждет такого развития событий. Как о главных целях советской политики Вишне夫斯基 пишет о «превентивном ударе» по Германии, о захвате проливов и Балкан, о советизации европейских стран — Германии, Польши, Чехословакии, Румынии... О решении проблем в Азии. О том, что после разгрома Германии СССР останется один на один с Англией и США, с которыми, вероятно, придется временно поделить мир, если сил для продолжения войны будет недостаточно. И о неминуемом продолжении войны за мировое господство еще через 10—15 лет, когда силы будут накоплены. И еще о том, что решающим моментом станет, скорее всего, лето 1941 года...

Вот самые интересные выдержки из дневника Вишневого:

1939 год

28 августа (днем)

Шквал откликов по поводу германо-советского договора. (Может быть, мы сохраняем за собой последнее слово. В случае войны выступим последними. И — вполне возможно — ударим по той же Германии.). <...>

31 августа (утром)

Все время думаю о европейской обстановке. По карте прикидываю: как относятся к германо-советскому договору европейские страны и США .<...>

Мы: 1) выиграем время; посмотрим военную мощь стран в деле; 2) проверим, приобретем опыт — гораздо более полезный, чем в Испании и Китае; 3) приведем себя в максимальное мобилизационное состояние (новый закон о всеобщей воинской обязанности); сохраним первоочередные кадры; 4) а случае необходимости, — через МНР и Китай стукнем Японию, чтобы развязаться на Востоке; 5) сможем улучшить позиции на Западе <...>; 6) сможем выждать роста национально-освободительного движения в урезанной Польше, Чехословакии, Австрии; 7) выждать новых предложений, уже серьезных, от той же Англии, Франции; 8) при случае — денонсировать договор с Германией и ударить. <...>

1 сентября

Днем — по телеграфу доклад т. Молотова о германо-советском пакте. СССР выиграл свободу рук, время. <...> Ныне мы берем инициативу, не отступаем,

а наступаем. Дипломатия с Берлином ясна: они хотят нашего нейтралитета и потом расправы с СССР; мы хотим их увязания в войне и затем расправы с ними. <...> Вторая мировая война несомненно расширяется.<...> Но с кем ни говоришь: «Мы через год будем бить Гитлера». Об этом, как передают, говорят в армии. <...>

Для СССР пришла пора внешних мировых выступлений. За 22 года мы не только восстановили, умножили силы страны. <...>Тут и вопрос о выходе нашем в Средиземное море, — что не удалось в связи с испанским поражением, но может удался через Карпаты, Балканы и, может быть, Турцию. Тут и вопрос о Польше. Возможно, что в нужный момент мы объявим лозунг «восстановления Польши». <...>Нас предпочтут немцам. Мы будем решать и прибалтийские проблемы, и проблемы Чехословакии и Румынии, и Малой Азии. И огромные проблемы Азии.

Гадать, как сложится игра, трудно. Но ясно одно: мир будет вновь переkreоен. В данной войне мы постараемся сохранить до конца свои выигрышные позиции. Привлечь к себе ряд стран. Исподволь, где лаской, где силой. <...>

1940 год

4 апреля

В предвидении различных вариантов мы сохраняем силы, укрепляем армию и флот. Английские политики хотели прийти в конце войны и устроить все в Европе по-своему. Но мы кое-чему научились и перехватили как будто у англичан их здравые намерения.

5 апреля

<...>Дружба с Германией, пакт и пр. — все это временный ход, это тактические приемы. Выиграем ли мы?<...> Или только дадим немцам время, передышку, снабжение. Не знаю.<...>

29 июля

<...>Мы упорно внедряемся на запад и юго-запад.<...> Мы добьемся контроля над проливами. Мы будем па Балканах.<...>

Если мы выиграем эту зиму, если Гитлер сорвется на походе против Англии, дела будут неплохи.

22 октября (днем)

Слушал на активе Московской организации доклад Мануильского.

<...>Уж если воевать, то в наиболее выгодной обстановке. Когда наметится надлом, — хотел бы сказать: надлом Гитлера.

31 декабря

Картина великой войны все яснее и шире перед нами. И вряд ли мы останемся в стороне. Нужно готовиться, быстро. Видимо, мы выступим, выждав, ближе к развязке. Думаю: против «оси».

1941 год

31 января.

<...>Позиция СССР выжидательна, мы, если будет целесообразно, сможем бросить и свою гирию на весы войны.

<...> Продумываешь возможные варианты — в какой уж раз:

<...> Вариант — из наиболее распространенных в нашем обществе: СССР выжидает, спешно усиливаясь, — перевооружаясь, подтягивая на необходимый уровень свои вооруженные силы. Ждем выступления США и, может быть, других стран. <...> Затем выступаем, чтобы общими силами сломить блок агрессоров. <...>

Положительные наши возможности: движение на Запад, присоединение Польши, Чехословакии, Карпатской Украины, отдельных частей на Балканах. Возможность решения проблемы проливов — проблемы тысячелетней важности. <...> Возможность серьезных перемен на Ближнем Востоке, в Средней Азии и пр. Сильное давление СССР, в случае разгрома Германии — в Европе. Советская (народная) Германия. Мы и Англия (с тылом США) лицом к лицу. Разделение сфер(слово неразб.: влияния?). В перспективе, однако, новые войны, — народная Европа и Азия против старого капиталистического мира: Англия — США. Воображение может увести далеко.

<...> Решит, вероятно, ближайшее лето...

Неизвестно — что желательнее: победа «оси» или англо-американское владычество, с новой цепью держав вдоль наших границ — от Атлантики до Тихого океана. Выбытие из строя одной из основных сторон (Германии или Англии) оставляет СССР наедине с врагом. <...> Поле будет расчищено от посторонних, мешающих. Возможны, конечно, и временные компромиссы: после войны, например, когда все будут утомлены, истощены. Но воспроизводство идет быстро. Сменится, одно поколение: еще 20—25 лет, и вопрос может встать

во весь рост. Это уже представляется решать нашим тт. внукам.<...>

Ночь на 10 февраля

В прошлый раз я пробовал наметить возможные варианты.<...> Наше выступление против Германии и «оси». <...> Движение на Запад, Проливы и пр. <...> Перспектива советизации некоторых стран (Польша, Чехословакия, может быть, Балканы, частично<...>) Компромисс с Англией и США. Но — в отдалении неизбежность новых столкновений с капиталистическим миром...

Вариант наиболее приятнейший. Мы пользуемся старым методом «разделяй и властвуй». Мы вне войны, кое-что платим за это, многое получаем. <...> Помогаем вести войну той же Германии, питая ее по «порциям», на минимуме. Не мешаем империалистам вести войну еще год, два.<...> Выжидаем их ослабления. Затем — выступаем в роли суперарбитра, «маклера» и т. п. Вмешательство, давление может быть и мирным, и вооруженным, — «под занавес». <...>

Вечер 3 марта

<...> Трудно предугадывать развитие событий. Но, вероятно, мы подождем, пока Гитлер серьезно увязнет в большой схватке на Западе. Всего скорее — в операции вторжения. Она потребует огромного напряжения немецких сил.<...> В этих условиях СССР сможет ударить Гитлера «по затылку». <...> С англо-американским миром — враги второй очереди — возможен компромисс, лет на 10—15. Это нужный нам срок для развертывания огромной экономической и оборонной мощи, постройки Великого флота и пр.<...>

Днем 9 апреля

<...>Чувствуешь, однако, — несколько выждав, взвесив, что еще не пришел час нашего вмешательства. Нам надо провести весенний сев, надо выполнять программу, вести учебу, работать, нажимать... <...> Как же сложатся события? <...>Пусть затянется дело до зимы, — тогда скажется и оборона Англии, и мощное давление США.<...> Тогда придет наш час!

12 апреля, 5 ч. дня

Сейчас вернулся из Кремля: был у Ворошилова. <...>

Перешел к теме Гитлера: человек оказался гораздо умнее и серьезнее, чем мы предполагали. Большой ум, сила. <...> Пусть упрекают: маньяк, некультурный, экспансивный и пр., но в своем деле — гений, сила... Повторил это. <...> Мы, внимательно слушали. Трезвая оценка возможного врага. Это серьезное качество К. Е. <...>

14 апреля

Германский удар против нас и наш ответ (или превентивный удар) неминуемы. Идя на пакт и мы планировали: пусть начнут драку, ослабят друг друга, вскроют свои сильные и слабые стороны, по возможности увязнут; мы их будем умело поощрять, сталкивать и пр., и при случае, по ленинской формуле, — сами перейдем в нападение... У нас будут резервы: народы оккупированных стран, где озлобление против немцев, тяга к миру, к освобождению неимоверная. <...>Правда вылезает наружу. Временное соглашение с Гитлером трещит по швам.<...>

13 мая

Военная речь Сталина в Кремле на выпуске акаде-

мий. Речь огромного значения. Мы начинаем идеологическое и практическое наступление... Речь идет о мировой борьбе: Гитлер тут просчитывается. <...> В дело вступает Америка, ее готовность к 42-му году. И слово скажем и мы: нам до Европы, в частности, до славян, ближе, чем кому бы то ни было. У нас есть свежесть, неизрасходованные силы, опыт...<...> Впереди — наш поход на Запад. Впереди возможности, о которых мы мечтали давно.

21 мая

<...>Что-то затевается крупное. Германия с ее 250 дивизиями не может терять Времени, быть «в простое». Она выбирает направление...

За рубежом видят и понимают, что мы выигрываем, копим силы, <...> — и сможем стать, если те, воюющие, продлят кровопускание, — суперарбитром в Европе и Азии. Гитлер понимает, что мы ведем дело к тому, чтобы дать ему по затылку, желательно при истощении Германии, этак в 1942 году...

<...>Передовые в «Красной звезде» — информация о мобилизации ряда классов запасных («сотни тысяч»). Печатается как статейка об учебе запасных. Скромно...

В ближайшие дни будет серия статей — о перерастании революционной политики Франции (Наполеон) в захватническую. Аналогия: Германия в 1939 г., борьба против Версаля, восстановление страны, перерастание войны в захватническую.

2 июня

Сосредоточение войск. Подготовка соответствующей литературы. В частях — антифашистские фильмы —

«Мамлок», «Оппенгейм» и др. Чувствуются новые события.

21 июня

Я, взвешивая информацию, — думаю: а может быть, мы, ввиду отказа Германии от консультаций и т. п., с весны начали «тихий» нажим на Германию.<...> Наш нажим тормозит Германии возможность действий на Западе. Вот он, русский фронт, — только в потенции!

* * *

Одних дневников Вишневого было бы достаточно, чтобы снять всякие сомнения в правоте Виктора Суворова. Но вряд ли победа в научных спорах поможет ему в обозримом будущем исправить в глазах соотечественников свою репутацию предателя.

Времена, когда люди, в советское время открыто выступившие против советского режима, начнут пользоваться в России всеобщим уважением, таким, каким в Германии пользуются, например, участники покушения на Гитлера в 1944 году, — такие времена придут еще не скоро. Сам Суворов объясняет это тем, что «пуповина, связывающая нынешнюю Россию с бывшим режимом — коммунистическая пуповина, — не отрезана... И пока эта кровная и духовная связь сохраняется, гниение будет продолжаться».

Чекисты, до конца выполнявшие свой профессиональный долг и не изменившие присяге, воспринимаются в России и через многие годы после развала СССР героями. Те же, кто помогал этому развалу, изменив присяге, данной советскому режиму, по-прежнему — предатели.

Парадоксальность этой ситуации легко увидеть, сравнив судьбу и репутацию Виктора Суворова с судьбой и репутацией его старшего коллеги по советской разведке полковника Артура Адамса.

Прежде чем стать разведчиком, Артур Адамс был инженером. Успешным и высокопоставленным. Он родился в 1885 году в Швеции в семье инженера-судостроителя. В 1890 году Адамсы переехали в Россию. Юный Адамс учился в школе при Минных классах Балтийского флота в Кронштадте, участвовал в забастовках, был сослан, бежал. В 1906 году уехал из России. Жил в Германии, Италии, Египте, Аргентине. Учился в Торонтском университете в Канаде. В 1913 году переехал в США, работал в разных фирмах инженером. В 1926 году был призван в американскую армию, дослужился до майора.

Потом происходит перелом. Уволившись из армии, Адамс начинает работать в неофициальном торговом представительстве РСФСР, а в 1920 году уезжает в Россию. Он быстро делает карьеру. В 1921 году — управляющий автомобильного завода «АМО». Потом другие высокие посты в промышленности, частые командировки за границу. В 1934 году Адамс — помощник начальника Главного управления авиационной промышленности. И новый перелом — его переводят в военную разведку. В 1935 году Адамс становится нелегальным резидентом ГРУ в США под кличкой Ахилл. Он занимался военно-промышленным шпионажем. Получал от завербованных им агентов ценные сведения об американской радиотехнической промышленности, о разработке боевых отравляющих веществ.

В 1938 году Адамса, как и многих других разведчиков, отзывают в Москву, обвиняют в связях с врагами народа,

увольняют из разведки, но почему-то не репрессировывают. Однако в 1939 году опять возвращают в разведку и снова посылают в США, где он продолжает прежнюю деятельность. Адамс возглавляет техническую лабораторию и создает агентурную сеть из своих коллег, друзей и знакомых, которые поставляют ему секретную военно-техническую информацию. В 1944 году ему удается получить очень важные данные о разработке американцами атомного оружия. Руководитель секции закрытого научно-исследовательского института передал Адамсу несколько тысяч страниц документации и образцы урана, бериллия и тяжелой воды. В конце концов ФБР начало следить за Адамсом, но разоблачить его не сумело. В 1946 году его с трудом переправляют в Москву и по возвращении присваивают звание инженер-полковника. Адамс умер в 1969 году.

Приблизительно так преподносится история жизни разведчика Артура Адамса в апологетической статье писателя Владимира Лота («Совершенно секретно», № 11, 2001). Очень интересная история. Но особенно интересна заключительная фраза статьи: «В 1999 году Указом президента Российской Федерации Артуру Артуровичу Адамсу было присвоено звание Героя России».

Стоп! Звание Героя Советского Союза Артур Адамс безусловно заслужил. Но Героя России? Тут сразу завязывается целый клубок моральных, исторических и психологических проблем. Адамс начал свою деятельность разведчика в 1934 году. Это пик произошедшего в СССР глобального перелома. Сталин завершил перестройку государственного и партийного аппарата и экономической системы государства. Уничтожил час-

тное сельское хозяйство, превратил ГУЛАГ в крупнейший производственный концерн и начал строительство военной промышленности в невероятных масштабах. Цель — подготовка мировой войны — была очевидна и Западу, и тем, кто принимал в этом строительстве руководящее участие. Несомненно, и Адамсу. Он работал на чудовищный, бесчеловечный режим, для того чтобы снабдить его оружием. По каким причинам — об этом дальше. Но обманываться он никак не мог. В 1939 году, когда Адамс приехал в Америку во второй раз, СССР начал вместе с Германией войну против западного мира. В 1944 году, когда Адамс добывал атомные секреты, было тоже совершенно очевидно, для чего Сталину нужна атомная бомба. Сам Адамс писал своему руководству в Москву: «...проектируется полное уничтожение и Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие». Адамс знал Америку и знал СССР. Он понимал, что «оказать влияние» означает не напасть, а противостоять потенциальной агрессии. Информация, полученная Адамсом, послужила, видимо, одним из самых важных толчков, заставивших Сталина обратить внимание на атомное оружие и начать его разработку. Трудно даже представить себе, что произошло бы с миром, если бы СССР получил атомную бомбу чуть раньше американцев или хотя бы одновременно. А если бы Адамсу повезло с агентом не в 1944-м, а в 1942 году? С точки зрения западной морали Адамс занимался глубоко преступной деятельностью. Постсоветская Россия торжественно заявила устами своих президентов о разрыве с прошлыми ценностями и переходе в лоно западной демократической

цивилизации. Запоздалое награждение таких людей, как Адамс, высшими государственными наградами выглядит сегодня так же дико, как если бы ФРГ одарила высшим государственным орденом посмертно за заслуги перед отечеством, скажем, Отто Скорцени. Герой, конечно, всегда герой. И награду заслуживает, даже если, с точки зрения врагов, и преступник. Но награждать должны свои. Похоже, что они и награждают. Тогда получается, что декларации о пересмотре взглядов и новых демократических ценностях — ложь, дымовая завеса. У тех, кто наградил Адамса, ценности остались прежними.

Другая сторона этой ситуации — психологическая. Люди типа Адамса — с европейским образованием, высокой профессиональной квалификацией и знанием мира — в советской системе — редкость. Что его заставило? Революционные увлечения молодости не объяснение. Они могли скорее отвратить его и от ленинской, и от сталинской государственной систем, нежели привлечь к ним. Более серьезный мотив — профессиональные амбиции. В 1920 году тридцатипятилетнему отставному майору светила в Москве блестящая карьера. Таких людей советские представители по всему миру заманивали в Советскую Россию, лишившуюся почти всей интеллигенции. Предположить, что через 10—12 лет уже никто в России не сможет распоряжаться своей жизнью и даже своей профессией, тогда было трудно.

Понять, почему в 1934 году замминистра авиационной промышленности СССР (так позже называлась его должность) согласился стать резидентом в Америке, легко. Попробовал бы не согласиться. Но почему не сбе-

жал? Романтиками могли быть его агенты, американские левые интеллектуалы, бескорыстно снабжавшие СССР военными секретами и наивно считавшие, что тем самым борются за мир. Но он-то знал систему изнутри. Разгадку можно найти в той же статье. Оказывается, у Адамса была жена, американка Доротея Кин. Они поженились в Берлине в 1930 году. И все годы его шпионской деятельности жена жила в Москве. Они встретились снова только в 1946 году. Вот и объяснение. Жена была заложницей. Обычная советская практика.

Происходит метаморфоза. Вглядываешься в текст наполненной дежурным восхищением статьи, и сквозь образ замечательного патриота, героя, рискуя жизнью добывавшего для любимой страны вражеские секреты огромной важности, проступает облик несчастного человека, из страха за жизнь близких занимавшегося грязным делом. И дело не в том, что он был разведчиком, а в том, на кого и для чего он работал.

Вообще смена моральных ориентиров в обществе — гораздо более трудный процесс, чем смена режима. Даже зная, как все было на самом деле, трудно совместить это знание с привычным стереотипом.

Все школьники 60 — 70-х годов помнят, кто такой Николай Кузнецов, он же обер-лейтенант Пауль Зильберт. Все читали книжку «Это было под Ровно». Советский разведчик в немецкой форме бесстрашно действовал на занятой немцами территории. Совершал теракты. Фантастически смело, прямо на улице застрелил несколько высоких немецких офицеров. Погиб в бою, пробиваясь к своим через линию фронта. Несомненный герой.

В конце 90-х годов были опубликованы мемуары бывшего начальника Кузнецова, руководителя диверсионно-

го отдела НКВД генерала Павла Судоплатова. Судоплатов пишет и о Кузнецове. Оказалось — все правда. Действительно герой. Отчаянной смелости человек. Но оказалось, что и не вся правда. Кузнецова НКВД завербовал в середине 30-х годов. Он был, видимо, человеком с безусловными актерскими данными. В Москве перед войной работал с интеллигенцией, изображал из себя представителя золотой молодежи, тогдашнего «плэйбоя». Имел машину (тогда большая редкость) и вращался в художественных, актерских, балетных и дипломатических кругах. Информировал НКВД о том, что там происходило. Короче, сажал художественную интеллигенцию.

Потом началась война, и он стал бесстрашным разведчиком. А может, и никогда не переставал им быть. Совсем не просто совместить образ героя-антифашиста с образом провокатора-осведомителя. А ведь Кузнецов был, надо полагать, человеком цельным. В его возрасте и в его время советская молодежь была почти вся цельной. Плохо представляю себе, что творилось тогда в головах у Николая Кузнецова и Артура Адамса. Но так же плохо представляю себе, что сегодня творится в головах у авторов статей, прославляющих советских героев в качестве Героев России. И у тех, кто посмертно награждает таких людей уже российскими, а не советскими орденами. Суметь себе это представить — значит суметь понять историю.

В современной России Артур Адамс и Николай Кузнецов по-прежнему — национальные герои, а Виктор Суворов — национальный предатель.

Тем хуже для России.

Дмитрий Хмельницкий

**Коллекция отзывов
на книги
Виктора Суворова,
собранная им самим**

«РАССКАЗЫ ОСВОБОДИТЕЛЯ»

Книга впервые издана в 1981 году на английском языке. Переведена на двадцать три языка.

«Придет время и манеры Суворова будут копировать, ему будут подражать. Эта перспектива не должна его смущать — он неподражаем».

Виктор Некрасов. Париж. 1982

«Редкой подлинности картина жизни и быта советской женщины».

«ИМКАПРЕСС»

«Преподаватели побаивались его каверзных вопросов... Он вел дневник, где детальнейшим образом описывал все происходящее. Позже эти записки были мастерски использованы в его книгах. Лично я, читая книгу «Освободитель», был поражен, с какой точностью автор изобразил киевскую гарнизонную гауптвахту. Не скрою, самому мне пришлось там отсидеть в общей сложности 50 с лишним суток».

Валерий Симонов, бывший начальник разведки армии, однокашник Суворова по Киевскому высшему общевойсковому командному училищу

«Никто прежде не говорил о Советской Армии с такой откровенностью, отвергая любую цензуру, внешнюю и внутреннюю».

Виктория Шохина.

«В СОВЕТСКОЙ АРМИИ»

Впервые издана на английском языке в 1982 году. В 1983 году
книга месяца в США.

«Удивительная книга. Каждый офицер Запада должен ее прочитать, каждый политик, и вообще каждый, кому дорога свобода. Эту книгу надо читать, независимо от того, согласны мы с автором или нет. Если не согласны, то должны ее читать несколько раз».

Генерал сэр Джон Хакетт. «НьюЙорк таймс»

«СОВЕТСКАЯ ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА»

Впервые опубликована на английском языке в 1984 году. Вышла на всех основных языках мира, включая японский, но исключая русский.

«Так о разведке еще никто не писал».

«Таймс»

«Мнение Виктора Суворова в области обороны становится общественным мнением. Он его формирует».

«Интернешенл дефенс ревью»

«СПЕЦНАЗ»

Книга впервые опубликована в 1987 году. Вышла на всех основных языках, кроме русского.

«Эта книга написана человеком, который наделен необыкновенно развитым чувством здравого смысла, великой силой наблюдения и тонкого понимания событий нашего века. Необычайная комбинация редкого таланта и уникального опыта автора превращает «Спецназ» в одну из самых главных книг, когда-либо написанных на тему тоталитарной экспансии. Перед лицом Нобелевского комитета имя Виктора Суворова могло бы затмить некоторые известные имена только благодаря мощи одной его книги, имя которой «Спецназ».

«Крониклс»

«Аквариум» и «Спецназ» принесли ему мировую известность».

Владимир Буковский

«АКВАРИУМ»

Книга впервые опубликована в 1985 году на английском языке. На русском — в 1987 году.

«Захватывающе интересно».

*Начальник ГРУ генерал-полковник
Евгений Тимохин*

«К сожалению, в «Аквариуме» нет ничего о жизни разведчиков, о методах их работы. Каждый, кто ждет увлекательного повествования, будет разочарован книгой Суворова. «Аквариум» — это нудное сочинение о его карьере, он вспоминает факты из своей жизни, которые никому не интересны, кроме него самого. Книга может вызвать отклик только у тех, кто интересуется советской бюрократией, кто интересуется методами проталкивания разведкой и армией своих людей или вопросом, как советские шпионы пьют водку после выполнения задачи. (Они пьют полными стаканами, стараясь не пролить.)»

«Иерусалим пост»

«Великолепно. «Аквариум» очарует всех, кто нерав-

нодушен к приключениям, шпионажу, столкновениям характеров, к мужеству и храбрости».

«НьюЙорк таймс»

«Суворов — это стиль: совершенно уникальный, никем никогда ранее не примененный, но в то же время знакомый и с самой первой страницы близкий, стиль простой до изящества и... неповторимый. Суворова нельзя спутать ни с кем, он узнается сразу».

«Дейли Телеграф»

«Суворов яркий, ни на кого не похожий писатель. Он мастерски меняет сцены, внезапно разворачивает действие в неожиданном направлении, понижает тон повествования и вдруг доводит его до громового звучания в духе самой лучшей приключенческой классики».

«Лондон ревью оф букс»

«Студентам, которые изучают русский язык, в качестве обязательного пособия рекомендован «Аквариум» Суворова».

«Кембридж ивнинг пост»

«Аквариум» вышел огромным тиражем в Польше.»

«Литературная газета»

«Аквариум» вышел и у нас, но, по словам лоточников, особым спросом не пользуется».

«Комсомольская правда»

«Фамилия автора «бестселлеров» «Аквариум», «Ледокол», «День М», «Освободитель» на слуху. Книги опять же на всех лотках, многочисленные офени ими в нос тычут... Пушкина нет, а Суворов пожалуйста...»

«Красная звезда»

«Он написал семь книг, и его называют «выдающимся японским писателем»: все семь книг опубликованы в Стране восходящего солнца... А у нас? «Аквариум» у нас читался взаллеб. Вообще-то этот роман считается мировым бестселлером. Более ста изданий, не счесть число миллионов проданных книг. На все вопросы, почему взялись размножить именно этот текст, издатели, продюсеры в один голос ответствовали: «Эта книга в рекламе не нуждается».

Андрей Петров

«Суворов до самого конца не дает читателю расслабиться... Эта книга на прилавках не задержится».

«Литературная газета»

«Суворов неизменно скуп и сжат, и на страницах его можно найти все, кроме воды. Там, где другой не развернул бы и половины своей панорамы, Суворов открывает ее всю целиком. Обильные происшествия не лезут друг на друга, увязая в болотной тине русского словоизвержения, а стройной чередой бегут, меняясь и искрясь. Лента кино... «Аквариум», при всей своей внешней «документальности», книга абсолютно художественная».

«Русская мысль»

«Но литература ли этот «Аквариум»?»

*А. Мирчев. «15 интервью»
Изд. им. А.Платонова. НьюЙорк*

«И не нужно производить раскопки на соседних полках и допытываться: а на кого он похож? Ни на кого. Сам на себя. Своей собственной школы человек».

Григорий Файман

«В свое время советская пропаганда прокатывала версию, согласно которой писателя Виктора Суворова в природе не существует и тексты под этим псевдонимом пишут спецы из британской разведки. Пропагандисты, конечно, руководствовались вполне понятным стремлением дискредитировать автора опасных для советской системы сочинений. Но не исключено, что срабатывали возможно, несознательно и другие причины, а именно сама манера письма Виктора Суворова. В «Аквариуме» он продемонстрировал совершенно непривычный для нашей литературы энергичный, напористый стиль авантюрно-шпионского романа. Его книги можно смело ставить в один ряд с сочинениями непревзойденного мастера этого жанра Яна Флеминга».

Виктория Шохина

«Разведчиков готовили в Киевском высшем общевоинском командном училище... Резун его окончил с отличием. Он собирал книги по военной тематике... Имел второй разряд по стрельбе из автомата Калашникова. В одной из аттестаций сказано: самый младший на курсе, а успевает лучше своих коллег».

*Начальник ГРУ генерал-полковник
Евгений Тимохин*

«В 1973—1978 годах по роду работы мне пришлось неоднократно встречаться с Резуном, рассматривать все материалы, связанные с его автобиографическими данными и оперативными документами по его работе в Женеве... Биография Резуна была безупречной... Во время обучения в Калининском суворовском военном училище и Военно-дипломатической академии Советской Армии имел только положительные характеристики, только с положительной стороны зарекомендовал себя на практической работе в штабе военного округа и в разведаппарате ГРУ в Женеве. В общении с товарищами и в общественной жизни производил впечатление архипатриота своей Родины и вооруженных сил, готового грудью лечь на амбразуру... Незадолго до исчезновения был повышен в дипломатическом ранге с атташе до 3-го секретаря... В порядке исключения срок пребывания был продлен еще на один год. Резун знал, что по окончании командировки его использование планировалось в центральном аппарате ГРУ».

*Капитан первого ранга Валерий Калинин,
бывший исполняющий обязанности
резидента ГРУ в Женеве*

«Резун вел себя подчеркнуто безупречно. Многие даже после его побега давали ему положительную характеристику».

*Генерал-полковник Анатолий Павлов,
заместитель начальника ГРУ*

«Перед нами уродливая личность, для которой ложь стала средством существования».

А. Л. Дмитриев

«Когда на протяжении семи десятков лет унылые надсмотрщики советской литературы талдычили о социальном заказе и положительном герое, не веря ни одному своему слову, они и помыслить не могли, что можно написать такое. «Аквариум» Виктора Суворова — это признание в любви потомственного офицера своей армии. Посреди сегодняшнего плача и стонов чиновников и милиционеров, депутатов и генералов о том, что им чего-то недодали, не разрешили, эта веселая и злая, упругая энергичная проза человека отважного потому и производит огромное впечатление».

«Русская мысль»

«Аквариум» — это самиздатовский гимн Советской Армии».

Александр Никишин

«Пусть те, кто раньше времени вернулся в СССР или вышел на пенсию из-за него, посчитаются с ним «в частном порядке», только не до смерти. Его энергия, мозги, знания здесь гораздо нужнее, чем там. Лучше, если бы с подобной инициативой выступит само ГРУ, так и не определившее внятно свое отношение ни к нему, ни к его книгам».

Григорий Файман

«Аквариум» — книга года».

Татьяна Иванова

«Правдивее всего Россию после 17-го года отобразил перебежчик из Главного разведывательного управления,

который издал «Аквариум» и скрывается под именем Виктор Суворов... Литература — это всегда нелитература, а писатель всегда неписатель. Даже Шестов писал о Чехове, причем после его смерти, что это, мол, не литература... Перебежчик Суворов открыл мир, которого у Чехова нет и, следовательно, ни у кого нет... Мир Суворова — это новый вид жизни вне представлений Чехова... Кто такой Замятин в «Мы», Оруэлл в его «1984» или Суворов в «Аквариуме»? Не провозвестники ли они новой сверхлитературы?»

Лев Наврозов

«И странным образом эта повесть, привезенная к нам «из-за бугра», вызывает гордость за низовой состав Советской Армии, за славных ребят, готовых в любую минуту служить (но не прислуживаться!) своему государству. Можно было бы напечатать это глубоко патриотическое сочинение в «Красной звезде» или «Военно-историческом журнале». Рекомендую».

Павел Басинский

«Бог ему судья. И военный трибунал».

«Красная звезда»

«То, о чем рассказывает Суворов, придумать невозможно».

Анатолий Гладилин

«Все врет, стервец, но очень лихо и даже красиво».

«Правда»

«КОНТРОЛЬ»

Книга написана в 1981 году. Впервые изложена на бумаге в 1994 году, немедленно опубликована московским издательством «АСТ».

Переводится на несколько языков.

«Это какой-то сумасшедший шедевр».

*Людмила Евсюкова,
кандидат филологических наук, США*

«ЛЕДОКОЛ»

Книга написана в 1968—1981 годах. В 1981 году предложена издателям, в том числе всем зарубежным издателям, которые в то время публиковали книги на русском языке. «Ледокол» получил отказ в шестидесяти восьми издательствах девяти стран. В 1985—1986 годах газета «Русская мысль» отдельными главами опубликовала большую часть книги. Впервые полный текст удалось опубликовать в 1989 году на немецком языке в Германии. На русском языке полный текст вышел в 1992 году в Москве, издательский дом «Новое время». Впервые авторский текст на русском языке без искажений был опубликован московским издательством «АСТ» в 1994 году.

«Оживляют затасканный миф».

*Генерал-лейтенант П. А. Жилин,
член-корреспондент Академии наук СССР, 1985*

«Они заинтересованы в том, чтобы поставить историческую правду с ног на голову, перетасовать причинно-следственные связи, сфальсифицировать хронологию. В этом контексте они прибегают к любой лжи, чтобы взвалить на Советский Союз вину за Вторую мировую войну».

*Михаил Горбачев.
«Октябрь и перестройка.
Революция продолжается.» 1987*

«Имя Виктора Суворова прогремело в Америке после выхода его книг «В Советской Армии» и «Спецназ». Но внимание! Его новая взрывоопасная книга вышла только на немецком и русском языках. Ни один американский издатель не нашел в себе храбрости иметь дело с динамитом. Ни одна американская газета не решилась даже сообщить о существовании такой книги».

«Дефенс медиа ревью»

«Эта книга написана профессиональным разведчиком, а не историком, и это резко повышает ее ценность. Советские товарищи и их западные друзья будут в дикой ярости. Без боя они не отдадут последнее «белое пятно» своей истории. Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга».

«Ди Вельт»

«Ледокол» рассчитан на наивных простаков... Сразу оговорюсь, я эту книгу не читал...»

Григорий Барановский

«Суворов спорит с каждой книгой, с каждой статьей, с каждым фильмом, с каждой директивой НАТО, с каждым предложением британского правительства, с каждым чиновником Пентагона, с каждым академиком, с каждым коммунистом и с каждым антикоммунистом, с каждым неконсервативным интеллектуалом, с каждой советской песней, поэмой, романом, с каждой мелодией, которые были услышаны, написаны, произведены, спеты, выпущены, исполнены за последние 60 лет. Даже за одно это следует считать «Ледокол» самым оригинальным, самобытным произведением современной истории».

«Таймс».

«В России продано около 4 миллионов экземпляров книг Суворова. Ни одной исторической работе еще не удалось достичь такого тиража. Он завоевал рынок».

«Окна»

«Для нас, фронтовиков, утверждение Суворова выглядит кощунством».

А. Палант. Нью-Йорк

«Любой эксперт в области военной разведки скажет: это была подготовка к агрессии».

«Дер Шпигель»

«Обсуждать в научном журнале книгу Суворова просто неприлично».

В. П. Дмитриенко

«Ледокол» Суворова — это книга скандальная. И поэтому первая инстинктивная реакция историка никак на нее не откликнулась. Реагировать на такую книгу — это значит признать ее право на существование, поэтому историки предпочли проигнорировать «Ледокол». И вдруг это чудовище выросло до гигантских размеров... Историки вначале не хотели марать руки, хотели остаться чистенькими, а потом оказалось уже поздно... Эта книга глупая и несерьезная... В Польше Суворов вообще стал национальным героем... А теперь я убедился, что Суворов стал героем в Белоруссии и на Украине... Мое мнение о Суворове таково: это человек прожженный, единственное, что его интересует, это деньги... И я воспользуюсь

здесь известным русским выражением — перед нами попытка «сделать деньги на крови».

*Габриэль Городецкий, профессор истории,
директор Каммингсовского института
по изучению России Тель-Авивского университета*

«Сегодня позади этап замалчивания работ Виктора Суворова и приходит этап выяснения, какой степени он негодяй».

«Независимая газета»

«Пропагандируют утверждения некоего Виктора Суворова, приговоренного к смертной казни за измену Родине. Меня крайне возмутила эта фашистская выходка. Я обратился к генеральному прокурору Российской Федерации с официальным запросом по факту пропаганды фашизма».

В. Найденов, юрист

«А может, он гений?»

«Независимая газета»

«Версия или развесистая клюква?»

«Российская газета»

«Суворова прочитал с интересом и не склонен подозревать его в фальсификации... Кто-то, может быть, и располагает документами, фактами, опровергающими суворовскую версию, а у меня нет пока веских аргументов, серьезных оснований для недоверия».

Булат Окуджава

«Дэза, на которую купился автор «Ледокола»

Владимир Юровицкий

«Издатели миллионными тиражами разнесли эту фальшивку по стране. Такую ли «литературу» ждут от них истосковавшиеся по правдивой истории россияне?.. Чуть ли ни на ладан дышит Воениздат, а негосударственные структуры все больше падки на «Ледоколы»...

*Виктор Анфилов,
доктор исторических наук, профессор*

«Автора «Ледокола» подвели... бараны».

*Генерал армии Махмут Гареев,
заместитель начальника Генерального штаба
по научной работе, доктор военных наук,
профессор, президент Академии военных наук*

«Ледокол в бараньей шкуре».

Марк Штейберг, Нью-Йорк

«Ледокол «Резун» в весенней луже».

Евгений Крохмаль

«Куда заплыл «Ледокол»?»

А. Дракохруст

«Экспорт лжи».

Г. Иваницкий

«Ледокол» уже дошел до средней школы, и учителя порой находятся в полной растерянности».

С.В. Тютюкин

«История дрейфа ледокола «В.Суворов».

Михаил Николаев, научный сотрудник ГИМ

«Дырокол».

«Время»

«Основной вывод В. Суворова верен.»

*Полковник Валерий Данилов,
кандидат исторических наук*

«Если судить по количеству пленных, количеству захваченных врагом боеприпасов (25 тысяч вагонов), числу потерянных в боях и брошенных танков, самолетов многие тысячи, орудий (десятки тысяч), Сталин страну к войне не подготовил! Тогда в чем же дело? Почему же все обернулось так, а не иначе? В 1988 году ответ на этот вопрос дал Виктор Суворов, сотрудник Главного разведывательного управления, бежавший на Запад. И ответ этот чудовищный, не лезущий ни в какие рамки. Но ответ, не оставляющий места никаким вопросам. Сталин не был ни слепцом, ни дураком. Он был преступник. И вины за развязывание Второй мировой войны на нем не меньше, чем на Гитлере».

Зеев Бар-Селла. Израиль

«Ни один из аргументов Суворова — хочу подчеркнуть: ни один! — фактами не подтверждается, а опровергается».

Лазарь Лазарев

«Влияние идей Суворова не стоит недооценивать. Метаморфозы, которые претерпела в последние годы

немецкая историография войны на Востоке, поразительны».

*Г. Городецкий,
автор книги «Миф «Ледокола»*

«Обращаясь к Виктору Суворову, хочу отметить: многое из того, о чем он пишет, мы знаем».

Генерал-майор Ю. Солнышков

«Почему, вообще говоря, читают «Ледокол»? В нем нет никаких сенсаций, это же известно всем!»

Ю. А. Поляков

«Эта книга запомнится нам не глубиной своего анализа, не какими-нибудь потрясающими, доселе неизвестными нам фактами, автор сознательно оперирует лишь общеизвестным и общедоступным материалом. Она останется в нашей памяти как монумент человеческой слепоте, благодаря которой, самый бесчеловечный режим в истории человечества смог просуществовать 74 года. Или, точнее сказать, как монумент той странной болезни уха и глаза, распространенной в коммунистические времена, когда слышали одно, видели другое и ничуть этому не удивлялись».

Владимир Буковский

«Наиболее сенсационной и на шумевшей стала книга Виктора Суворова «Ледокол»... При всей гнусности авторского замысла его побудительные мотивы понятны. Сочинение вышло почти независимо, только независимо от здравого смысла».

Алексей Хорев

«Может быть, книга В.Суворова — это первый шаг к формированию целостной, внутренне непротиворечивой национальной идентичности... Дерзкая книга Суворова — это предсказание сдвигов, которые произойдут в самосознании российской нации».

Денис Драгунский

«Ледоколом» по исторической правде».

Александр Афанасьев

«Ледокол» крушит стереотипы».

«Вечерний клуб»

«Феномен В.Суворова» расколол не только ряды историков, но и многомиллионную читательскую аудиторию».

*Владимир Невежин,
кандидат исторических наук*

«Умонастроения у него самые антикоммунистические и крайне антисоветские. С такими умонастроениями нельзя писать исторические исследования».

Яков Пляйс

«Ледокол» идет на таран».

«Русский собор»

«Лизоблюд».

«Русский вестник»

«Вам, господин Резун, удалось раздеть весь наш агитпроп догола, с чем я Вас и поздравляю».

Анатолий Ланщиков

«Концепция, изложенная в «Ледоколе», есть не что иное, как **ТЩАТЕЛЬНО ВЫВЕРНУТЫЙ** наизнанку «Краткий курс истории ВКП(б)».

«Комсомольская правда»

«Суворов доказывает не свою, а геббельсовскую мысль».

«Красная звезда»

«Геббельс... против Резуна».

«Комсомольская правда»

«Да, хорошо услужил лже-Суворов германским реваншистам, можно было бы сказать, постарался на совесть, если бы таковая у него наличествовала».

«Русский вестник»

«Тема «Ледокола» действительно взволновала общество».

С. В. Тютюкин

«А произошло это, по его словам, совершенно случайно. Уже в академии получилось так, что лекции по военной истории следовали сразу после лекций по оперативному искусству... Но, что бы теперь ни говорил Виктор, то был повод, не причина. Ведь не один же он слушал те лекции, не говоря уже о миллионах участников описываемых событий, а впоследствии тысячах исследователей Второй мировой войны, авторов бесчисленных диссертаций и монографий. Да ведь и мысль-то эта настолько проста, настолько самоочевидна, что просто диву даешься, как же она не пришла никому раньше?»

Владимир Буковский

«Суворов окончил Калининское суворовское военное училище, Киевское высшее общевойсковое командное училище и Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Можно только удивляться: какими же ушами он слушал лекции по истории войн и военного искусства? Повторим для В. Суворова элементарные истины...»

С. П. Исайкин

«Суворов» против Сталина или опыт построения антиистории».

А. Д. Орлов

«Автором книг объявлен В. Резун — не историк, не мемуарист, изменник, агент иностранных спецслужб... Резун и те, кто стоит за его спиной, поставили себе неразрешимую задачу опровергнуть добытые мировой наукой за пять десятилетий знания о происхождении войны».

*А.Н. Мерцалов, доктор исторических наук, профессор,
Л.А. Мерцалова, доктор исторических наук, профессор*

«Политизированная история надевает на нас такие забрала слепоты, что нужно быть не историком, чтобы познать истину. Нужно быть не профессионалом, чтобы опрокинуть привычность догм. Нужно быть отшельником-одиночкой, чтобы избавиться от давления перевешивающих любую чашу весов и всегда до скуки одинаковых мнений современников.... Суворов открыл для нас целый пласт нашей истории. В этом его величайшая заслуга. По его стопам, я уверен, пойдут теперь другие, поправляя, дополняя и уточняя. Они будут вторыми, третьими, десятими. Виктор Суворов был первым».

Юрий Фельштинский, профессор. Бостон

«Прискорбный факт: в затылок небезызвестному Виктору Суворову-Резуну выстраиваются не только случайные в науке люди, но и те, кто считается профессионалом».

«Красная звезда»

«Я хочу вбить несколько столбиков как временный вариант осиновых кольев в могилу концепции Суворова».

Анатолий Иванов

«Закваска в квашне пучила тесто не один год, но силы ей вытолкнуть бродячее месиво наружу все не хватало. Но вот в эту квашню был брошен катализатор. В виде книги Виктора Суворова «Ледокол». И тотчас, мгновенно поперло через край... Возможно, чтобы увидеть эту вроде бы ясную, конфронтационную ситуацию конца 30-х годов в том ракурсе, в каком ее увидел В.Суворов, нужно было иметь его биографию. До самой последней поры от всей советской эпохи прочно и незыблемо стоял единственный такой фундаментальный камень: миф о святой, честной, праведной войне. И вот трещины изменили и его. Битва за воссоздание девственной целостности мифа началась тотчас же, как книга В.Суворова появилась на российском книжном рынке».

Анатолий Курчаткин

«Низколобый, малограмотный перебежчик Резун-Суворов написал энциклопедию умственного убожества «Ледокол»... Этому Резуну терять нечего: за измену Родине он приговорен к расстрелу».

Владимир Бушин, «Советская Россия»

«Не застрелить бы нам опять того, кого не следует».

Григорий Файман, «Независимая газета»

«Мы привыкли к сенсациям, даже устали от них. Но «Ледокол» сенсация серьезная и страшная».

«Курьер»

«Убежден, автор «Ледокола» — достойный аналитик».

Андрей Савченко

«Занудное морализаторство».

«Независимая газета»

«В откликах на эту книгу в основном рассматриваются лишь ее отдельные положения, а прочие оставлены без всякого упоминания. Книга В. Суворова, не свободная от слабых и спорных положений, ставит серьезную и многогранную проблему о целях и намерениях советского руководства в 1939—1941 годах».

*Михаил Мельтюхов, научный сотрудник
Всероссийского научно-исследовательского
института документоведения и архивного дела*

«Книга В. Суворова — это, конечно, не книга историка. Это книга разведчика. Глядя на проблему с точки зрения разведчика, В. Суворов замечает такие штрихи и явления нашей жизни, которые мы, историки, порой пропускаем. Эти подробности для широкого читателя иногда важнее, чем наши глубокие умозаключения».

В.С.Лельчук

«Суворов ставит целый ряд вопросов, на которые, на мой взгляд, следует отвечать, независимо от того, имеет ли он ученую степень или нет... Следует констатировать, что В.Суворов в своих печатных выступлениях, хотя и с разной степенью доказательности, поднимает и ставит вопросы и проблемы, которые и сегодня будоражат память и волнуют многих людей».

Л.Н.Нежинский

«Я был жестоко избит толпой большевистских бандитов. Теряя сознание, успел услышать: «Вот тебе «Ледокол»!» ...Двухмесячное сотрясение мозга, рваная рана верхней губы... Дело в том, что, работая завучем в школе, в начале этого учебного года я ввел в качестве учебного пособия книгу Виктора Суворова «Ледокол»... Трудность пока лишь в одном — не хватает экземпляров «Ледокола».

*Игорь Кланюк,
председатель ангарского отделения
Христианско-демократического союза России*

«ДЕНЬ М»

Большая часть текста в виде отдельных глав впервые опубликована в газете «Русская мысль». Впервые полный неискаженный авторский текст опубликован московским издательством «АСТ».

«Русский текст «Ледокола», в отличие от других книг, на Западе издателя не нашел. И впервые опубликовать его решился в 1992 году глава издательского дома «Новое время» Сергей Дубов. Он был убит перед самым выходом в свет второй части «Ледокола» — «День М».

«Подмосковье»

«Оплаченная рукопись или рапорт агента ЦРУ».

«День»

«Перед нами не просто книга, а исторический труд .. Среди казенщины и банальщины идей и людей, чьи книги вы никогда не отличите друг от друга, если вырвете титульные страницы написанных ими томов, работы Виктора Суворова «Ледокол» и «День М» — явление выдающееся... Пишу с благодарностью и ревностью».

Юлий Фельштинский. профессор. США

«Виктор Суворов — это вообще анонимная группа.

Так что ничего эпохального в явлении Виктора Суворова нет — обычная рутинная работа управления психологической войны. Просто из сумерек возникла на секунду тень, блеснуло дульное пламя и хлопнул выстрел один из многих, нацеленных в сердце русской нации».

*Полковник Евгений Морозов,
преподаватель Военной академии имени Фрунзе*

«Критики обычно не опровергают Суворова, а разоблачают его».

«Новое русское слово»

«Аналитик из шпионского ведомства вполне мог, обобщив легальные источники, доступные в Англии, написать подобную книгу... Я верю Суворову безоговорочно».

Владимир Батшев

«Это ведь только считается, что чертей на свете нет. Если они и выдуманные действуют на сознание миллионов людей, ЗНАЧИТ, ЧЕРТИ РЕАЛЬНЫ».

«Комсомльская правда».

«Вышли «бестселлеры» «Ледокол» и еще одна темная книжица с сомнительными фактами».

Алла Малахова

«Ледокол» и «День М» — подвиг разведчика.

Владимир Буковский

«Эту версию уже опровергла история».

Генерал-полковник Дмитрий Волкогонов

«Противники Виктора Суворова сегодня наконец-то могут с чистой совестью сказать: «Ты победил, галилеянин...» Впрочем, боюсь, в своем большинстве они так все равно не скажут. Тем не менее теперь, пусть с опозданием на несколько месяцев, можно однозначно утверждать: Суворовская гипотеза о планировавшемся на 6 июля 1941 года нападении Сталина на Гитлера обрела статус научной истины».

*Борис Соколов, доктор филологических наук,
кандидат исторических наук*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Беседы с Виктором Суворовым	9
«Ледокол»	11
«День М»	35
«Записки освободителя»	81
«Аквариум»	98
О предателях и предательстве	137
О ГРУ и Пеньковском	153
После побега	166
Поездки по миру	179
Интервью и рецензии	187
«Когда там завинчивают гайки, наша роль повышается» ..	189
«Любой провал воспринимается как ножом по сердцу» ..	194
«Россия готовится к прошлой войне...»	203
О пугливом Сталине и научно-историческом патриотизме	215
Военный гений.	223
Виктор Суворов, советская история и советские люди ...	233
Коллекция отзывов на книги Виктора Суворова, собранная им самим	323

Дмитрий Хмельницкий
ЛЕДОКОЛ ИЗ «АКВАРИУМА»
Беседы с Виктором Суворовым

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Компьютерная верстка *М. Яблокова*
Корректор *Ю. Шумилина*

ООО «Издатель Быстров»
109378, Москва, Есенинский б-р, д. 1/26, корп. 1
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

Подписано в печать 13.09.2007.
Формат 84×108^{1/32}. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 18,48. Тираж 4000 экз.
Заказ № 4258.

Отпечатано по технологии СtP
в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Это – ПЕРВАЯ книга интервью Виктора Суворова, в которой самый популярный и самый проклинаемый историк Второй мировой войны ВПЕРВЫЕ исчерпывающе отвечает на самые острые и полемизированные вопросы о своих книгах и своей судьбе.

«– Меня всегда удивляло, почему считается, что ваше предположение о том, что СССР готовился напасть на Германию, каким-то образом компрометирует Советский Союз. Что вот иначе он был бы хорошим, а так получается, что плохой... Но ведь после всего, что Гитлер уже успел совершить, стать его открытым врагом – только на пользу репутации страны.

Виктор Суворова: – Вот союз с Гитлером – это компрометирует Советский Союз. Когда говорят, что в 1939 году мы подписали с Гитлером союз, ибо ничего иного нам не оставалось, и пошли крушить соседней, чтобы самим живыми остаться, – это уж, неслучайно, чисто уголовное, ураганское отношение к жизни: умри ты сегодня, а я завтра. Давай убивать кого угодно, лишь бы самому живыми остаться...

Моя концепция даже формально гораздо патристичнее. Ведь очевидно благороднее порвать с Гитлером, чем в союзе с ним обрешивать остальной мир. Последний вариант гораздо более компрометирующий...

ISBN 978-5-903-33947-1

9 785903 339471